НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Издательство «Знание»

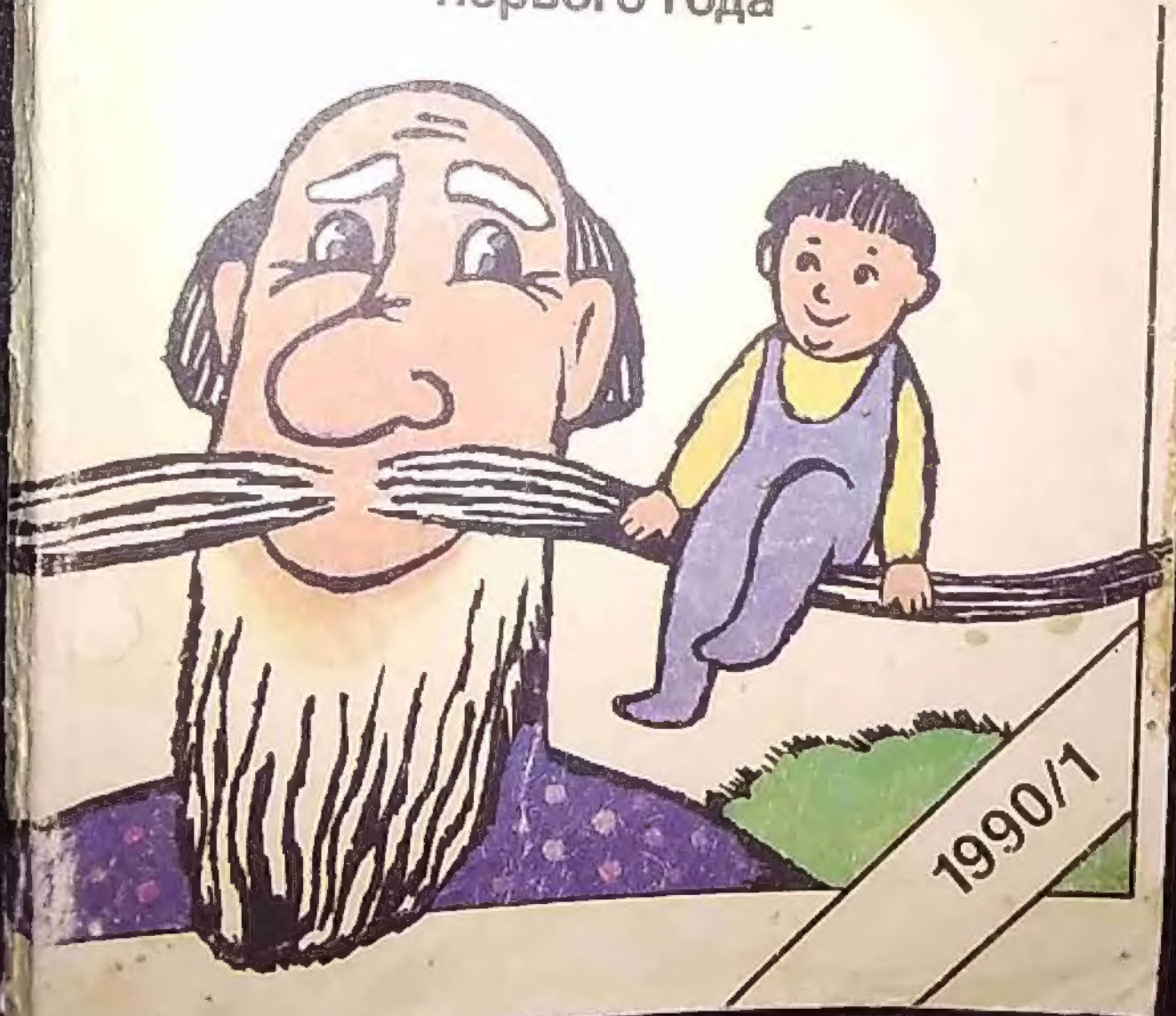
Педагогический факультет

Т.А.Александрова

Кое-что о дедушках

В.Г.Кротов

Педагогика первого года



1990/1

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Издательство «Знание»

Педагогический

ФАКУЛЬТЕТ

Издается с 1964 г.

1990/1

Т. А. Александрова

КОЕ-ЧТО О ДЕДУШКАХ

(Искусство быть дедом)

В. Г. Кротов

ПЕДАГОГИКА ПЕРВОГО ГОДА

Москва 1990

ББК 74.90
А46

Редактор: О. Г. СВЕРДЛОВА

Александрова Т. А.

А46 Кое-что о дедушках: (Искусство быть дедом) / Александрова Т. А.; Педагогика первого года / Кротов В. Г. — М.: Знание, 1990 (Нар. ун-т. Пед. фак.; № 1).

ISBN 5-07-001163-4

40 к.

Дедушки — старейшины наших семейств. Кто они, какие они, чем живут сегодня? Мужское, недостающее некоторым детям начало исходит от дедушек — таких разных, передовых и консервативных, добрых и суровых, покладистых и упрямых, но всегда своеобразных, по-мужски решающих семейные проблемы. Постараемся их понять и, даже не соглашаясь, будем милосердны.

Это разговор не столько о технике обращения с ребенком, сколько об искусстве общения с ним, о тех незаметных ниточках, которые соединяют жизнь ребенка с жизнью родителей, о тайнах нашего влияния на детей и влияния детей на нас.

Публикуемые главы из книги адресованы родителям, воспитателям, слушателям и преподавателям народных университетов.

4303000000

ББК 74.90

ISBN 5-07-001163-4

© Александрова Т. А., Кротов В. Г., 1990 г.

Т. А. Александрова

КОЕ-ЧТО О ДЕДУШКАХ

(Искусство быть дедом)

Автор: Т. А. АЛЕКСАНДРОВА — журналист

СОДЕРЖАНИЕ

Пережить вместе 5
Ненаучное вступление для возбуждения зависти и желания поскорее стать дедом 5
Вечные роли, новые исполнители 16
«Зачем мне этот дедушка?.. 27
Своя ноша 40
Дары 47
Попытаемся понять 61
Не подсадишь на печь... 76
Искусство быть дедом 88
Нелишние вопросы 98
Последим за собой 99
Разрешите напомнить 101

ПЕРЕЖИТЬ ВМЕСТЕ

Ненаучное вступление для возбуждения зависти и желания поскорее стать дедом

Однажды, немало лет уже назад, купила я книгу Н. Носова «Повесть о моем друге Игоре». Книга только что вышла, и я обрадовалась, увидев ее на прилавке: удача! Носовские рассказы и повести успели стать частью собственного детства, потом читала их сыну, не по одной родительской обязанности, снова сама увлекаясь, попадая под обаяние человека, сумевшего воссоздать настоящий мир детства, не выдуманный, не подлаженный под сверхзадачи педагогики. Писатель вошел в этот мир, как бы забыв о роли взрослого, и стал в нем своим. Удивляется всему, чему могут удивляться только дети, отдается их фантазии, любознательности, когда все вокруг хочется попробовать на зуб, замирая от любопытства и ожидания — что будет?! И рад позабавить, поразвлечь, веселится сам, веселит своего маленького читателя, и тот незаметно как учится распознавать жадность и щедрость, доброжелательность и злорадство, бахвальство и скромность, предательство и товарищество.

Потом сын сам уже читал по второму и третьему разу «Ступеньки», «Фантазеров», «Веселую семейку», «Дневник Коли Синицына», «Приключения Незнайки и его друзей». Если он затихал, а потом вдруг раздавался хохот — все ясно, он с Носовым... Вот и еще ему одна носовская книжка. Но она оказалась не детской — не для детей, хотя здесь тоже мир детства. Главный герой, Игорь, — внук писателя. Он здесь

действует, он говорит, и очарованный дедушка оставляет себе роль летописца, скромного комментатора. Перелистала несколько страниц и поставила не оправдавшую ожиданий книгу на полку. Мне показалось, что Николай Николаевич Носов себе изменил: никогда не опускавшийся до умиления детьми, умиляется собственным внуком. Да, Игорь интересен и в год и в шесть лет, но обыкновенный же мальчик! Все дети время от времени удивляют взрослых, такое могут сказать — хоть стой, хоть падай, хоть записывай. Только бабушки и дедушки, бесконечно пересказывающие их речи (да еще при них, да еще копируя их произношение!), вызывают чувство неловкости.

Спустя какое-то время все-таки прочла эту книгу, прочла внимательно — скупой комментарий заставил — и устыдилась: была неправа и высокомерна. Книга настолько серьезна, что стоит многих трудов по педагогике и психологии.

Какие чувства способен испытывать ребенок, которому год с небольшим? Он радуется, сердится, выражает восторг, когда появляется близкий ему человек — мать, отец, бабушка, дедушка — или когда видит что-то очень красивое и яркое... Это все знают, но не все замечают, насколько уже сложны его переживания.

«...Я держу Игоря на руках перед наряженной новогодней елкой. Он тянется ручонками то к сверкающему стеклянному шару, то к светящейся лампочке и кричит, захлебываясь от восторга:

— Дидя, ву! Дидя, ву-у!

Он называет меня не деда или дедя, как обычно зовут своих дедушек другие ребята его возраста. Я у него почему-то «дидя». Я не возражаю против такого названия. Наоборот, оно мне даже нравится...

Интересно то, что он не кричит просто «Ву!», или «Во!», или «Ва!», выражая радость по поводу увиденного предмета. Нет, ему хочется, чтоб и я порадовался вместе с ним.

А поделиться радостью с другим — разве это не проявление чувства дружбы, которое доступно ребенку уже в тот период, когда он начинает произносить

свои первые слова?»

Наверное, это был уже отклик на ту ласку, которую мальчик прежде видел от деда, и прозвучал как признание: «Ты мне друг». Дед принял его со всей ответственностью. Роль взрослого друга трудна: взрослый — наставник, а дружба предполагает равноправие. Дед выдержал это условие, ни разу не сфальшивив. Потому что не изображал уважения к внуку — он его уважал: зоркий глаз и зоркая душа отмечали в нем массу достоинств. Человек только-только начинает говорить первые слова, чаще даже их первые слоги, но так восприимчив, отзывчив, столько знает и столько способен запомнить!..

Едет к деду, а поворот в переулок, где тот живет, перекрыт. Придется объезжать. И вдруг мальчик разволновался, расстроился, он кричит: «Дидя! Дидя!», обращая внимание родителей на случившееся — чрезвычайное, недопустимое. Ведь машина проехала дедушкину улицу, и теперь он к нему не попадет!

Дед отметил не только то, что малыш запомнил путь по Москве, а сложный сонм его чувств — предвкушение встречи, горе, оттого что она может не состояться.

Каждый ребенок — очевидное невероятное. Надо лишь захотеть в него вглядеться.

«Работа мысли.

Я зажал в кулаке одну из крошечных пластмассовых автомашинок, которыми он часто играет, и говорю:

— Угадай, что у меня в руке?

— Шар.

Это он вспомнил, очевидно, что до этого мы прятали друг от друга и искали металлический шарик от детского бильярда.

— Нет, не угадал, — говорю.

— Кла-кла, — говорит он.

«Кла-кла» — значит, конный оловянный солдатик — кавалерист.

— Нет, — говорю.

— Дядя?

«Дядя» — на его языке это пеший солдатик — пехотинец.

— Нет! — торжествую я.

Долго думает... Я уже хочу раскрыть секрет, а он говорит вдруг:

— Биби.

Додумался все-таки, какой мелкий предмет, имеющийся в его обиходе, может скрываться в руке. Значит, мысль его уже работает, рыщет среди знакомых образов и названий, помнит их, перебирает в памяти...»

Это человек, которому не исполнилось еще двух лет. Он уже умеет и шутить.

«...Берет со стола тарелку, поднимает над головой и делает вид, что хочет с размаха бросить на пол. Увидев у окружающих выражение ужаса на лице, громко смеется и, довольный своей шуткой, ставит тарелку на стол».

«Однажды разглядывал фотоснимки и называл, кто снят: «Папа Петя, мама Лида, дидя Коля, баба Таня». Потом по ошибке, показав на мою фотографию, сказал:

— Баба Коля.

Тут же взглянул на меня растерянно и громко расхохотался.

В другой раз чем-то сильно увлекся, играя, и, обращаясь ко мне, сказал:

— Дидя баба.

И опять засмеялся над своей ошибкой.

Если судить по Игорю, то мы начинаем понимать юмор уже в возрасте до двух лет. Причем юмор в высшем его проявлении, когда человек способен смеяться над самим собой».

А вот первый рассказ: «Папа, дядя, бензин дай! Дядя, папа, бензин нет!» Слов всего пять, но выстроен целый сюжет: у отца, который вез Игоря к деду, в машине кончился бензин, и он попросил встречного шофера выручить его, а тот отказал...

Много открывает деду внук:

«Родители научили его говорить спасибо. Удивительно, что ребенок, которому исполнилось лишь два

года, в совершенстве понял смысл благодарности.

Подошел как-то ко мне, протянул резиновый шарик, из которого вышел воздух, и попросил надуть. Надув шарик, я отдал ему. Он взял его и сказал:

— Спасибо.

Это «спасибо» удивило меня. Я-то воображал, что ребенок в этом возрасте способен поблагодарить за полученную конфетку или игрушку, вообще за что-нибудь имеющее материальное выражение. В данном случае он благодарил за труд, за внимание, за заботу, то есть за то, что, казалось, было выше его понимания.

Однажды попросил меня застегнуть верхнюю пуговицу на пальто, и когда я исполнил его просьбу, он, ни на секунду не задумавшись, как бы машинально сказал:

— Спасибо.

...В зоопарке он, увидев толпу у загородки с зеброй, попросил:

— Подними.

Я поднял его, так чтоб он мог рассмотреть зебру, и когда опустил обратно на землю, он опять же сказал:

— Спасибо».

Нет, в книге не один главный герой, как поначалу показалось, два — внук и дед, человек, умеющий красиво жить. Мы обычно вкладываем в эти слова иронический смысл («Красиво жить не запретишь», — говорим про тех, кто не отказывает себе в роскошных вещах и дорогих удовольствиях и готов ради них многое преступить), но если вернуть им прямое значение, то точнее не скажешь. У деда ведь много удовольствий, удовольствий, которыми нельзя пресытиться — всякий раз новы, свежи, неожиданны.

Недавно я видела на экране, как распускается орхидея. Рядом было немало зрителей, и все затихли — непостижимая красота, непостижимое мастерство, сила и щедрость природы. А разве одуванчик на заброшенном пустыре или росток тополя, пробивший асфальт, не удивительней? Просто мы их никогда не рассматриваем, вернее, даже не замечаем — бежим мимо.

Рядом вырос человек, свой, родной, не листочек, вырвавшийся из почки, не орхидея — самое совершенное, что могла создать природа, а мы вдруг начинаем горько осознавать, что все прозевали — прозевали сам рост, превращения, этапы жизни, многого лишив себя. Одно утешение — можно что-то восполнить, когда появятся внуки.

Не пропустить бы вот такого: человек осваивает Землю, где все для него — впервые.

«Мы... поехали в лес...

В лесу увидел толкущихся в воздухе комаров и с какой-то уверенной безапелляционностью констатировал:

— Мухи.

Комары и на самом деле в общем похожи на комнатных мух, с которыми он уже достаточно знаком, комаров же ни разу не видел.

С мерным, довольно громким жужжанием между стволов деревьев медленно пролетел майский жук. Игорь с удивлением проводил его взглядом. Это было уже совсем что-то новое, поскольку по комнатам пока майские жуки не летают.

— Это жук, — сказал я ему. — Жук.

Отправились дальше. Игорь нашел под деревом сосновую шишку. С любопытством разглядывал ее.

— А это шишка, — сказал я.

Бережно спрятал шишку в карман...

К вечеру на небе появился сверкающий, словно отлитый из золота серп луны. Увидев луну, Игорь удивленно стал показывать в ее сторону пальцем и кричать:

— О!О!

Должно быть, даже не знал, как назвать этот загадочный и новый для него предмет. Возможно, он и видел луну в городе, но при вечернем городском освещении она, конечно, такого впечатляющего эффекта не производит.

— Это луна, — сказал я ему.

Домой шли вдоль канавы, с берега которой одна за другой плюхались в воду вспугнутые нами лягушки.

— Это лягушки, — сказал я, видя, что он заинте-

ресовался производимыми лягушками звуками.

Он тут же принялся бегать вдоль канавы, пытаясь разглядеть в полутьме хоть одну лягушку. Не уверен, что это ему в какой-то мере удалось. Видимо, он все же решил, что лягушки — это что-то вполне симпатичное... Когда мы направились к ждавшей нас на шоссе машине, он помахал в сторону канавы рукой и сказал:

— Люлюшки, пока!»

Идет бурный процесс познания, и в три года человек уже задает философские вопросы: «Дедушка, я знаю, для чего коровы, цветы, деревья... А вот для чего люди?», «Дедушка, а как это — нигде нет конца?». В четыре — дед застал врасплох вопрос из области теории относительности: «Дедушка, меня вот что интересует: когда поезд едет, а муха летит по вагону, то муха трясется?» Еще один чрезвычайно важный вопрос: «Дедушка, а кто такая Кибернетиха?»

Внук уже освоил массу информации, он пытлив, вдумчив, находчив. В таких случаях домашние бывают нередко преисполнены гордости: «А наш-то уже...» А для деда Игоря важнее другое.

«...Пришел со двора замерзший. Сказал:

— Погода очень хорошая.

— Почему?

— Там снег танцует.

Я посмотрел в окно. Ветер передувал снег с места на место, образуя маленькие завихрения».

Оценил, пережил красоту.

«Вечером, перед тем как лечь спать, мы сидим с Игорем за столом и занимаемся рисованием. Я рисовал ему первобытных людей в пещере. Вокруг были разные звери и птицы и, конечно же, мамонт. Один доисторический человек стрелял в мамонта из лука. Увидев это, Игорь сказал:

— Не надо!

Отняв у меня карандаш, нарисовал, как стрела обогнула мамонта, полетела в стоявшего на пригорке оленя, но и у него перед самым носом свернула вверх, полетев в утку, которую он тоже пожалел, в результате чего стрела обогнула утку и полетела вниз. Падая,

она опять-таки попадала в мамонта, но обогнула в конце концов его еще раз и упала на землю».

Душа вела стрелу и от всех отвела — всех жалко.

Есть в книге глава, которая называется «Счастье».

«Обычно утром Игорь просыпается перед уходом в детский сад и, увидев мать, которая к этому времени уже на ногах и занимается по хозяйству, молча улыбается ей долгой счастливой улыбкой. Потом спрашивает:

— А где мой папа?

Высунувшись из своей кроватки и увидев отца в постели, он громко смеется от радости и забирается к нему на кровать».

Дед понимает, никто так не значим для ребенка, как мать и отец. Но его роль тоже важна и прекрасна.

«На даче у нас с Игорем все дни проходят в работе. Мы делаем из сосновой коры лодочки. Воображая себя доисторическими людьми, лепим из глины горшки, миски, кувшины и, просушив, обжигаем их на костре. Отливаем из свинца средневековые медали, монеты...

Но вот возникает идея сделать парусный корабль: какой-нибудь средневековый фрегат, бригантину или трехмачтовую каравеллу, на которой Христофор Колумб достиг берегов Нового Света.

Чуть ли не весь день потрачен на выпиливание и выстругивание из бесформенной деревяшки корпуса корабля. Сидя в саду за столом, мы оснащаем корабль тремя мачтами, делаем реи, на которые навешиваем паруса...

Игорь поднимает корабль одной рукой кверху, и налетевший порыв ветра вздувает паруса. Другой рукой Игорь обнимает меня за талию. Так, обнявшись, мы несем корабль с наполненными ветром парусами в дом. И Игорь говорит голосом, в котором слышится глубокое чувство:

— Мы с тобой друзья, дедушка!»

Это тоже счастье. Счастье, которое приносит человеку третий возраст, новая семейная роль. Чтобы пережить его так же полно, вовсе не обязательно быть детским писателем, но не исключено, что можно

стать им — столько каждый день переживаний, открытий...

Как-то в редакцию журнала «Работница» пришла из Перми бандероль — альбом. На голубой обложке — желтый кружок с надписью, как на пластинке: «Говорит и рисует Марина». Его прислал Константин Александрович Королев. Ровесник революции, воин Отечественной, преподаватель профессионально-технического училища. По болезни вынужден был расстаться с любимой работой, уйти на пенсию. «У нас в семье сложилось так, — писал он, — что последние три года я был и нянькой и первым наставником внучки».

К новым своим обязанностям отнесся с привычной ответственностью: изо дня в день записывал каждое слово Марины, незамысловатые стишки, ее вопросы и свои ответы. Бережно сохранял рисунки девочки. А когда пришлось расстаться с Мариной — она переехала с родителями в другой город, — сделал голубой альбом.

«О, эти влюбленные деды!» — иронизировал над собой Константин Александрович.

Так же могли бы отнестись к посылке и в редакции, но она попала к человеку, который сумел оценить и Маринины рисунки, и внимание к ним взрослого, важность сотворчества (детская фантазия еще больше раскрепощается под добрым взглядом — «Я еще и не так могу!»), и отвоевать место на журнальной полосе для дедушкиных записей и внучкиных зайцев: у одного ушки на макушке, у второго разведены в стороны, у третьего торчком вперед, как рога — это их характеры. А хвосты у всех — веселые загогулины, и такие же загогулины в небе, это облака.

В каждом доме, где есть ребенок, увидишь листы, обрывки листов с кривыми домиками — дым штопором, с солнцем — лучи во все стороны, семейными портретами... Если художник добрался до красок, бабушка обычно в ужасе: внук все перемазал и перемазался. Мама при очередной уборке... выметет разноцветные листки...

Константин Александрович продемонстрировал пример бережного отношения к проблескам творчества. Ведь в каждом рисунке проявилась внучка, вот такой человек:

«— Деда, верни мне вчерашний день!

— Для чего?

— Он был интересный. Очень...

Идем по южной дамбе. На крутых ее откосах снег растаял. Показались желтые крохотные головки мать-и-мачехи.

— Деда, смотри, сколько золотых огоньков горит! — кричит радостная Марина. — Пусть растут, их жалко рвать...

Я сижу и работаю за письменным столом. Она рядом возится с игрушками, что-то бормочет. Я прислушиваюсь — складно. Крутит-вертит слова, ищет рифму:

Из-под носа щенок
Молоток и гвоздок
В уголок уволок...

А может, услышала где-то? Сделаю вид, что рифму не заметил, очень опасно разжигать в маленьком человеке тщеславие...

— Значит, так: океан — папа, море — мама, реки — детки, ручьи — внуки, а все вместе — семья. И, подумав, уточнила: водяная семья.

— Дед, что такое «мораль»?

Ну попробуй, ответь! А делать вид, что не расслышал, ни в коем случае нельзя. Это я взял себе за правило. «Деда, откуда берется любовь?» «Деда, а человек тоже вырастает из семечка?..» И ты обязан весь день держать себя в готовности, не раздражаться, не отмахиваться, не прикидываться снисходительно умным. Когда росли мои собственные дети — дочь и сын, жена моя была хорошей матерью и я вроде бы тоже считал себя неплохим отцом, а припоминаю

сейчас, сколько же ребячьих «почему» оставлял без ответа. Некогда, не до того, спрашивают какую-то чепуху!

Внучке я сторицей плачу то, что недодал дочери и сыну. А вопросы — один за другим:

— Что такое территория? А в русском языке есть нерусские слова? Какие? Откуда эти слова к нам пришли?

И вдруг:

— Почему люди умирают? А я умру когда-нибудь?

Затихла, прижалась к моим ногам.

— Я не хочу умирать!

— Деда, не хочу больше сказок. Надоели все эти царевны. Расскажи быль. Из твоей жизни. Когда ты был маленьким. Ты помнишь?

Да, я хорошо помню свое детство, голодное и печальное. Рассказываю о погорельцах, что стояли под нашими окнами в холодную промозглую осеннюю непогоду. О беспризорниках двадцатых годов — точно стаи голодных волчат нападали они на огороды и сады нашего села... Рассказываю о войне, о мужестве советского человека... Она слушает, не шелохнется, прижалась к моей груди..

— Деда, — тихо спрашивает, вздохнув. — И все кончилось хорошо?

Восьмой час вечера. Марина одна в большой комнате. Удобно устроившись в кресле, смотрит передачу для детей. Я тихо подошел и встал за креслом.

— Деда... Иди в свою комнату, а?

Ушел без расспросов. Человеку надо иногда побыть одному, наедине с большими мыслями...

Пришла ко мне, вся сияет.

— Сегодня я сама ходила в магазин за хлебом. Вот он, хлеб, смотри какой! — и смотрит на батон с таким изумлением, точно впервые за свою пятилетнюю жизнь его увидела.

Радость первого труда — не для себя, для всей семьи. Радость самостоятельности, нужности...

— Деда, откуда берутся злые люди?

Тихая, глаза заплаканные. Мне так хочется приласкать ее, успокоить, но я сдерживаюсь. Впереди у девочки жизнь, будет всякое. Надо учить разбираться в людях, надо учить не отвечать на раздражение раздражением, на хамство хамством...

Недалеко от нашего дома — 10 минут езды на автобусе — остается нетронутый уголок живой природы: старый еловый лес на горе, внизу неторопливый светлый ручей, потемневшие от времени пни на прежних вырубах. И увешанная клочками мха колода, из которой бежит, струится холодная ключевая вода. Это место носит название «Золотая долина».

Сегодня у нас осеннее прощание с Золотой долиной. Приехали с внучкой, разожгли небольшой костерок-теплинку. В глазах девочки восхищение. Она без устали подбрасывает в костерок палочки, сухие веточки, поблекшие листья.

— Какой дым! — смотрит на меня снизу вверх.

«И дым отечества нам сладок и приятен», — невольно вспомнил я вечные строки вечного поэта. Кто знает, может быть, у девочки пробуждается сейчас чувство, которое мы называем чувством Родины...

Как мы нужны в семье, бабушки и дедушки. Дабы не порвалась цепь, имя которой — любовь и по крови и по духу. Меня всегда удивляют пререкания родителей и взрослых детей, которые просят стариков помочь им в воспитании ребятишек. Да неужели интереснее часами просиживать на лавочке или сражаться в шахматы?

Я не знаю дела увлекательнее. И благодарен судьбе за то, что подарила мне эти годы...»

Вечные роли, новые исполнители

От одного деда услышала: «Если у тебя появился внук, это еще не значит, что ты стал дедом. Дед — это состояние». Состояние души, разумеется. Иначе говоря, роль получил, а соответствуешь ли? Мы давно пришли к выводу, что надо готовить к материнству,

отцовству. Да и за воспитание бабушек взялись публицисты: они не столь самозабвенно, как хотелось бы (кому? среднему поколению?), погружаются в заботы о внуках и все больше поговаривают о праве на собственную жизнь, рушат стереотипы.

Но неизвестно, может быть, больше, чем воспитание и время, всем распоряжается природа. Может, бабушкой и дедушкой надо родиться? Как в человеке просыпается дед?

Несколько часов назад привезли из роддома нечто в одеяле. Сверток занял лишь угол детской кровати.

— Представляете, — говорит изумленный дед, знакомясь с внуком, вглядываясь в него, — наш мальчик когда-нибудь так вырастет, что кроватка ему будет мала...

И вдруг личико сморщилось. Раздался писк. Бабушка протянула тотчас руки, чтобы подхватить сверток, прижать к груди.

— Нельзя, — заявляет мать, вспомнив о прописях и больше себя останавливая. — Потом он нам на шею сядет.

— Как это нельзя? — вмешивается дед. — Мальчику плохо, а мы все будем стоять? Не думал, что у меня такая жестокая дочь!

— Дед, иди, займись каким-нибудь своим делом.

— Нет, это вы идите! Я тут посижу...

Ребенок вскоре затих, и дед потом с восторгом рассказывал:

— Я с ним заговорил, а он замолчал и улыбнулся.

Над дедом смеялись, ему объясняли, что в таком возрасте дети ни на кого не реагируют, не улыбаются. «Вам не улыбаются...» — отвечал, и всем знакомым этот умный сдержанный человек рассказывал, как улыбнулся ему Гришка, как выделил его из всех домочадцев: «Дети сразу способны понять, кто есть кто...»

«Гришка» посапывал в своей кровати и пока ведать не ведал, какого обрел друга и защитника.

Он был долгожданным ребенком и появился в то время, когда дед созрел для любви — ему уже миновало шестьдесят — и даже истомился ее ожиданием. Возвращаясь по вечерам с работы, останавливался у

подъезда, наблюдал за играющими детьми, разговаривал с ними.

— Не приставай к детям, — сдерживала его жена, и он грустнел: «Дождемся ли мы с тобой внуков?..»

Мужчин более молодых новая роль застигает врасплох и не всегда начинается с блаженного счастья. Любовь дремлет, душу раздирают совсем другие чувства.

Жена, встретив на пороге, начинает рассказывать, как Федечка ел, как Федечка спал, как успешно справился со всем остальным.

— Может, мне в этом доме дадут хотя бы стакан чая? — поднимает голос ревность. Прежде он вроде бы никогда и ни к кому не ревновал свою жену. Прежде он не замечал, что происходит в доме, теперь его все раздражает — почему опять белье кипит на плите, почему ползунки висят на кухне?! Если не дочь, а жена укладывает Федечку спать, он непременно принесет ей в этот момент рубашку с оторванной пуговицей... Любым способом старается напомнить о себе. Требует внимания, уважения и все время на что-то обижен. Больше всего, кажется, на то, что вчера он был женат на молодой женщине, а сегодня стал мужем бабушки. И новый, критический взгляд на жену: располнела, появились морщины — как он раньше не замечал? — рядом они уже, наверное, и не смотрятся ровесниками. К нему на улице все еще обращаются «молодой человек», да он и сам себя таковым ощущает. Строен, поджар. Все еще покупает себе одежду в молодежном магазине, любит джинсы, куртки, а жена...

Опасный поворот мыслей и чувств.

Испокон веку считается, что женщины стареют раньше мужчин. Только геронтологи знают, что это не так. Женщины живут дольше, и биологическое старение наступает позже. Но увядание — климакс, который приходится на раннюю стадию старения, заметно сказывается на внешности. Сравнительно легко переживают этот период и не теряют прежней привлекательности лишь женщины, которые смолоду заботят-

ся о своем здоровье, следят за собой. Но — увы! — это умеют немногие.

«Увядание мужчины не имеет такого раннего сигнала «стоп», а растягивается на длительное время... — пишет известный польский геронтолог К. Висьневска-Рошковска. — Некоторые мужчины, едва перешагнув пятидесятилетний рубеж, приходят к выводу, что их жены уже «отцвели», а сами они еще «хоть куда!», поэтому они имеют право заменить своих подруг, с которыми прожили почти всю жизнь, на более молодых женщин.

Увы, вывод ошибочный! Мужское «хоть куда!» совершенно не относится к истинной жизнеспособности организма... А разрыв супружеской, семейной связи и переключение на молодую женщину со всеми ее требованиями и запросами — это огромный стресс...

Обдумав все это, разумный мужчина поступит гораздо лучше, если отвернется от демона-искусителя...»

Большое число разводов после двадцати лет совместной жизни говорит, что разум далеко не всегда побеждает. Нельзя, разумеется, утверждать, что все разводы на пятом или шестом десятке лет происходят по инициативе мужчин и что непременно надо искать «демона-искусителя». Неизвестно также, сколько среди разводящихся тех, кто успел стать дедом и бабушкой, и как влияют новые роли на состояние семейных уз. Но случается, именно внуки уберегают от опрометчивого шага.

Знаю такую семью. Все было решено («Сколько можно терпеть, жизнь проходит!»), оставались формальности, никакие уговоры друзей и родственников не помогали. Муж уже не жил дома, снимал комнату. Приехал за какими-то вещами, открыл дверь — внук! Стоит посреди комнаты — уже стоит! — улыбается во весь свой полубеззубый рот, покачиваясь, делает шаг к деду и руки тянет, чтобы он поскорее подхватил его. Дедовское сердце, сам говорил, зашлось, и будто пелена с глаз: «Что же я делаю! Я дед уже! Дед! Этот мальчик мой кровный — наш! — внук. А я бегу от бабушки... Как ему потом объяснить?..»

Первые внуки могут появиться и в сорок с неболь-

шим, и в шестьдесят, но в общем дедушки и бабушки нынче помолодели — брак помолодел. Раньше стали жениться, выходить замуж, отсюда и раньше вступать в роли, связанные в нашем сознании с пожилыми исполнителями.

Но дело не в одном календарном возрасте. Окажись сорокапятилетний человек в прошлом веке, он вряд ли чувствовал бы себя столь молодым, и окружающие вряд ли воспринимали бы его так же. Вспомним хотя бы Николая Петровича Кирсанова из «Отцов и детей», «барина» уже седого, пухленького и немного сгорбленного». Старичок. А ему сорок с небольшим. Старики и старухи лет сорока — пятидесяти не редкость в литературе прошлого, начала нынешнего века. У Пушкина: «А кстати: Ларина проста, но очень милая старушка». Сколько лет могло быть матери Татьяны? Как ни считай, тридцать шесть — тридцать восемь, не больше.

«Омоложение» идет буквально на глазах. Нынешние пожилые люди моложе своих довоенных ровесников. Разве шестидесятилетнего (а этот возраст, дающий мужчине право на пенсию, считается юридической границей старости) назовешь сегодня стариком?

Вот такое происходит в наш век, век демографического постарения населения. Потому что рост числа пожилых и старых людей — в стране, на планете, — увеличение их доли в составе населения происходит не только за счет сокращения рождаемости. Увеличилась средняя продолжительность жизни благодаря развитию медицины, ее успехам. Снизилась вероятность преждевременного старения. Улучшилось здоровье пожилых людей, время профессиональной деятельности. Все это заставило ученых пересмотреть возрастные границы — сегодня после шестидесяти человек считается пожилым и только после семидесяти пяти старым...

Изменился уровень образования пожилых людей, ценностные ориентации, потребности. Меняется содержание семейных ролей, традиционный взгляд на них.

Другие времена, другие нравы. Что молодежь не та пошла, это мы на каждом шагу слышим. А пожилые люди — разве «те»? Сегодня не только не встретишь

полуграмотной бабушки в платочке, для которой единственное счастье баюкать внуков и печь пирожки, сам этот образ канул в Лету, как и хрестоматийный Плещеевский дедушка, облепленный внуками («Дедушка, голубчик, сделай мне свисток...»).

Когда появляются внуки, деды, как правило, работают, многие вступают в самую, что называется, пору: растут по службе, их считают перспективными, сколько еще впереди! Бабушки и дедушки все реже живут с детьми и внуками, преобладающей становится нуклеарная семья — из двух поколений: родители, дети. Бабушки стали приходящими, дедушки навещающими. А чувства? Не нарастает ли отдаление, отчуждение? Интересно бы провести исследование...

«Наш дед за стол садился первым, в баню шел на первый парок. В доме без него ничего не решалось. Дед только глянет...» — звучит в рассказах про старинные года.

Дед — патриарх. Дед — корень. Дети, внуки — могучий ствол и крона. Сегодня крона не шумит: одна внучка от единственного сына или один внук от единственной дочери. Зато им, единственным, — вся любовь.

Даже от сдержанных мужчин можно вдруг услышать самые страстные монологи. «Думаю, ну, чего это ноги меня так домой несут? Там же Дашка!..» «С радикулитом слег — и тут внучку привезли. А она у меня — ну, артистка, ну, Пугачева. Поет, вертится и меня давай тормошить. «Не тронь! — кричу, — больно!» А она — вставай да вставай, деда, будем танцевать... Пришлось встать. И что вы думаете, полегчало... Мне кажется, человечеству осталось решить только одну проблему: как заиметь внуков, не имея детей».

Правда, похожие речи иногда произносятся и от смущения. Дед несколько стесняется, что он уже дед в то время, как многих его ровесников дети не поспешили перевести в ранг, соответствующий почтенному возрасту, и ему ничего не остается, как хвастать своим не вполне еще осознанным преимуществом и публично, громко жалеть тех, которые до этого пока «не доросли». Полезно. Хвалясь, самонастраиваются на любовь.

Казалось бы, появление внуков должно внести грустную ноту: вот я и дед — жизнь к закату. Но столько радостных переживаний, эмоций, что появляется новый прилив сил.

...В одном институте шла защита докторской. За столом президиума — солидные ученые, на кафедру поднимались солидные оппоненты, говорили о новом слове в науке, значительном вкладе автора в ее развитие... Казалось, ученый совет был настроен благожелательно, а при голосовании соискателю вдруг вкатили несколько черных шаров.

— Это тебе за любовь! — смеялись коллеги.

Дело в том, что в своем выступлении автор благодарил всех, кто помогал ему в работе, — академика З...ича, члена-корреспондента Н...ского, доктора наук В...а и Анну Николаевну С...у. По залу прошелестело недоумение: «Кто такая?» И раздался вопрос:

— Почему Анна Николаевна без степеней и званий?

— У нее их нет, — засиял соискатель. — Ей семь месяцев. Это моя внучка. Она мне действительно помогла!..

Один из ученых в президиуме весело расхохотался. На лицах других отразилось некое замешательство: как можно такое себе позволять? Здесь же не детский сад... Мальчишество!

Может, и мальчишество, не знаю, но за Анну Николаевну надо порадоваться: у нее будет хорошее детство.

Мне кажется, равнодушные деды — нонсенс, обиженные природой люди, чего-то от нее недополучившие.

У Владимира Федоровича Одоевского, замечательного русского писателя и философа, одно время незаслуженно забытого и не так давно вернувшегося к нам, изумившего и своими «Русскими ночами» и статьями по эстетике, музыке, педагогике, психологии, вычитала поразившую меня мысль о «внутреннем чувстве».

«Есть слова, которые мы часто употребляем, не обращая внимания на их глубокое значение; мы говорим: «Это противно внутреннему чувству, этим возму-

щается человечество, этому сердце отказывается верить». Какое чувство породило эти выражения? Оно не есть следствие рассуждений, не есть следствие воспитания, — одним словом, не есть следствие разума. Вы видите казнь преступника; разум убеждает вас, что она необходима, но было бы противно внутреннему чувству не скорбеть о нем...

Говорят: следствие понятий, полученных при воспитании. У индийского владельца родятся дети, они каждый день видят, что негры не люди, что их можно сечь ежеминутно; они привыкли к этому, но вдруг в одном из детей возбуждается жалость к сим несчастным. Откуда взялось это чувство?

Следственно, есть в человеке нечто такое... что не есть ни совесть, ни сердце, ни страсть, ни рассудок и что мы назовем условно, не зная лучшего выражения, нравственным инстинктом...»

Одоевский видел в этом «нравственном инстинкте», который развит у всякого в разной степени, «основание» всех наших «чувствований». Не отсюда ли произрастает и особая дедовская любовь?

Как это не любить внуков? Да этим «возмущается человечество», этому «сердце отказывается верить». И эту любовь, как и многие наши чувства, не сможет отрегламентировать никакой разум.

Вот дед еще до рождения внучки распланировал свою жизнь и свои с ней отношения. Перед ее появлением на свет семья разъехалась, и он вздохнул: совместная жизнь с молодыми угнетала. Он педант, любит порядок, а тут, приходя домой, натыкался на огромные ботинки зятя посреди прихожей, на своем столе видел горы его учебников и тетрадей, на стульях — свитера, майки... «Не трогай пока ребят, у них сессия», — уговаривала его жена. Потом у «ребят» бывали каникулы, потом — снова сессия... Они как-то не догадывались, что выросшая семья требовала много времени на домашнее хозяйство. Правда, тотчас откликались на просьбы старших о помощи: «Сейчас...» «Вечером...» — и ничего не делали. Работающая мать, жена, она же теща, устала. Муж помогал, но тратил при этом массу нервных клеток: «Почему я должен

бежать, а молодой атлет лежать?»

— Вот увидишь, — говорил он жене, когда у молодых после долгих родственных обменов образовалась своя квартира, — появится ребенок — они захотят назад, чтобы снова все взвалить на нас. Но этого не будет! Ребенка здесь не будет. Да, я эгоист, я хочу жить среди своего идиотского порядка. Иначе умру!

Он почти все угадал... Внучке и месяца не исполнилось, как ее мама сообщила бабушке:

— Мы решили переехать к вам. Пока... Мне станет полегче и тебе не надо после работы к нам мотаться.

— Этого не будет! — сказала вдруг бабушка, и в голосе прозвучала дедова интонация. — Миша не хочет, не потому, что он отчим. Тебе не в чем его упрекнуть. Ты же его любишь больше родного отца! Так давай с ним считаться! Он имеет право на дом, где ничто не будет раздражать! А возились вы с Катей — все вверх дном. Он умрет от беспорядка.

Все-таки однажды, когда дед уехал в командировку, бабушка перевезла на время дочку с внучкой к себе. Вдруг он вернулся — без предупреждения, раньше срока. После немой сцены — даже Катя, которая сидела посреди дедовской комнаты с печеньем в руке и старательно размазывала крошки по ковру, застыла — женщины бросились все прибирать. Катю перенесли в маленькую бабушкину комнатку, уложили спать, а потом, как школьницы, прыскали от смеха на кухне и напряженно вслушивались в тишину: они знали, так бывает перед большой грозой. Но тут сурового деда уличили в странном занятии: на цыпочках, оглядываясь, пробирался в комнату, где спала Катя, целовал ее в затылок и выходил, а потом снова — на цыпочках...

С той поры, а Кате уже семь, все субботы начинались с вопроса: «Катю сегодня привозят? Что значит им некогда? Пусть привезут ребенка и идут на все четыре стороны». Он — хотя тщательно это скрывает от домашних — старается ничего не назначать на субботы и воскресенья. Зовут друзья — говорит: рад бы, да не могу. «Ну конечно, женщина! Катерина...» А что творится в доме педанта в выходные дни! Из

кресел
щера, г
ки. Катя
три, нав
— Б
— М
вилась б
— М
Катя, не
своих отн
претендо
тебя есть
Кажето
кин портр
...Дед
во дворе.
На ледяну
ревернули
нулись —
— Посм
Не выде
— Прек
место! — и
все ломать!
ти во двор
залили бы к
Отцы называ
Сам он н
стадион не в
большой про
детям. Но он
нет объяснять
денный маль
довской науки
Был никаки
Это, пожал
самоотвержен
строя будущее
настоящем, для
бы в будущем
ными людьми,

кресел сделан магазин. Стол накрыт одеялом — это пещера, где Миша должен рассказывать страшные сказки. Катя зовет деда по имени, как бабушка. И года в три, наверное, спросила:

— Бабушка, у тебя есть муж?

— Мой муж — Миша. Разве ты не знаешь? — удивилась бабушка.

— Миша — это Миша, — многозначительно сказала Катя, не зная, видимо, как еще ей выразить особость своих отношений с дедом, на которого больше никто претендовать не должен, даже бабушка, — а муж у тебя есть?..

Кажется, несколько сусальным получается дедушкин портрет. Деды весьма разнообразны.

...Дед стоит у окна и наблюдает за ребятишками во дворе. Они возятся в снегу, кидаются снежками. На ледяную горку втащили скамейку из беседки, перевернули, уселись верхом, помчались вниз, кувыркнулись — куча-мала, визг...

— Посмотрите, что они делают, и наш там же! Не выдерживает, открывает форточку.

— Прекратите! Хулиганы! Поставьте скамейку на место! — и не может успокоиться. — Им бы только все ломать! Где их отцы?! Воскресенье, а не могут выйти во двор занять детей. Расчистили бы площадку, залили бы каток, сводили бы мальчишек на стадион! Отцы называется!

Сам он не расчищал площадок и своих детей на стадион не водил. Он был поглощен работой. У него большой профессиональный опыт и нет опыта любви к детям. Но он все знает... Вернется с гулянья внук, станет объяснять, как надо кататься с горки... И возбужденный мальчик будет съеживаться, угасать от дедовской науки.

Был никаким отцом, стал тяжелым дедом.

Это, пожалуй, социальный тип. Человек честный, самоотверженный, ответственный, себя не щадил, строя будущее. Для кого? Для детей, не замечая их в настоящем, для внуков. Он и сейчас думает о том, чтобы в будущем «дворовые хулиганы» стали правильными людьми, потому не может усесться с книжкой

в кресло, наблюдает за двором, нервничает, себя тратит.

Когда у старших нет теплых чувств к детям, внукам и безоглядность любви кажется им чем-то недопустимым, распускается фанаберия. Будто новая роль прибавляет ума, достоинства и прав на особое уважение не только в семье. В споре или некрасивой перепалке, когда мудрость промолчала бы, может прозвучать: «Как вы смеете! Я уже дед!» Дед, и не ведает, что из двух ссорящихся, виноват кто умнее.

Конечно, роль предполагает: деда надо уважать, знаки внимания оказывать, но и к нему она предъявляет свои требования. Если в человеке сидят пороки, то с возрастом они становятся непростительней. Ведь на него уже смотрят не только дети — внуки.

Вспоминаю сейчас одного мальчика, лет семи — в самолете мы вместе летели. Ему, видимо, было скучно — мать в кресле рядом крепко спала, должно быть, дорога до аэропорта была трудной, устала, — и он призвал меня в собеседники. Протянул руку в пространство между креслом и иллюминатором и похлопал меня по плечу, я оглянулась, и он сразу спросил, будто мы прервали разговор на полуслове:

— А если туда выпасть? Ну, на облака. Ведь не разобьешься? Нет? Смотри, какие они мягкие, как вата.

Потом спросил, куда я лечу и про себя рассказал:

— А мы с мамкой — на похороны. Дедку хоронить. Дедка бражки много пил и помер. Пригарины все такие...

И так обыденно, бесстрастно он все сообщил, что стало не по себе. Наверное, как родился, так и слышал это. И можно представить, каким видел деда Пригарина, допившегося до преждевременного конца.

Отцы пьют — трагично, а если еще и деды... Доводилось встречать ребят с такой родословной в детском приемнике, в спецПТУ. Из дому сбегают, а другого крова нет — у деда с бабушкой не лучше, там все то же самое — драки, скандалы. И в сознании прорастает, что это и есть жизнь и другой не бывает, им тоже на роду написано... «Все Пригарины такие».

«Зачем мне этот дедушка!..»

В электричке маленькая девочка, пытаясь вовлечь в разговор мать, уткнувшуюся в книгу, рассуждает:

— Это бабушка Маша мне подарила. Правда же? — и разглаживает на коленях платье в оранжевый горох. — Она мне много всего подарила, а бабушка Катя только кофточку связала. Дедушка Юра диван купил, а дедушка Коля только обедать ездит. Правда, мам?

Мне показалось, девочка старается угодить матери рассудительными речами, завоевывая ее внимание. Может, повторяет то, что от нее слышала, выдавая за свое? К сожалению, нередки в молодых семьях подсчеты, чьи родители больше сделали, больше купили, обиды и даже ссоры на этой почве.

— Мам, ну зачем мне дед Коля?

Я даже застыла: интересно, что ответит мать? Она спрятала книгу в сумку. Значит, все это время прислушивалась и услышала девочку.

— Смотри в окно, смотри. Сейчас будем речку проезжать...

А вопрос так и повис. Мать соблюла приличия — не стала открыто настраивать ребенка против деда, но и перенастраивать не захотела. А можно ли оставить такое: «Зачем мне этот дедушка?» — без ответа?

Правда, иногда после газетных и журнальных публикаций о третьем поколении в семье, вернее о бабушке, тоже хочется спросить: «А нужен ли нынче дедушка?» Бабушка в центре внимания, бабушка на авансцене в свете юпитеров, а дед в тени. Публицисты бьют тревогу: бабушки в дефиците. Бабушку завлекают счастьем варить манную кашу, петь колыбельные и попрекают, что петь их она разучилась и недодает внукам тепла. Она виновата в сокращении рождаемости — вот если бы бросила работу, перестала «изображать деятельность» и отдалась своему предназначению...

Про пожилого мужчину тоже, конечно, пишут. «Прошение об отставке», «После отставки». Ему оставляют право на другие заботы. Ну а семейная его роль — роль на выходах?

Есть деды, которые вообще не хотят появляться на сцене.

— Мне не по душе нянчиться с внуками. Катать коляску или бегать в молочную кухню — увольте! Я горд по натуре. Могу смотреть издали на детей, возможно чему-то радоваться. Радоваться, если родители воспитывают их правильно. По законам мужества и чести. Жалеть их надо только в крайнем случае и требовать большей благодарности за хлеб, который зарабатывается для них в поте лица...

Этот человек бережет свой покой, а покоя скорее всего нет. Потому что скорее всего его внуков, на которых он смотрит издали, воспитывают неправильно. Ну какой нормальный родитель сможет осуществить подобные установки — «жалеть в крайнем случае» и «требовать... благодарности за хлеб»? Разве не святая родительская обязанность каждого растить несовершеннолетних детей? И если бы никто не испытывал при этом ни радости, ни счастья, то, наверное, население планеты было бы несколько меньше...

Пусть гордый дед живет, как знает. Его же не переделаешь. Но вот услышь я подобные рассуждения от какой-нибудь бабушки, вряд ли осталась бы спокойна. Общественное мнение не прощает ей позиции стороннего наблюдателя. Она должна помогать в уходе за внуками, а еще лучше брать его на себя, если ушла на пенсию, хоть времена и бабушки переменились, такое все еще видишь в семьях, где три поколения под одной крышей. Бабушка кормит маленьких детей, стоит на страже их режима — вовремя спать, вовремя гулять... Бабушка участвует в воспитании. Не говоря о том, что уже само общение со взрослым воспитывает ребенка, у нее и здесь вполне четкие функции. Невольно сбившись на сей наукообразный термин, подумала о том, что вполне можно написать не одну диссертацию о роли бабушек в трудовом воспитании, или нравственном, или эстетическом. Бабушка учит многим необходимым вещам. Вместе с ней можно мыть посуду, подметать пол, шить... А если ребенка отдают в спортивную, музыкальную или художественную школу, кто его возит, пока не подрастет? Чаще всего

бабушек видишь в раздевалках и коридорах детских учреждений от культуры и спорта. Они, как правило, раньше дедушек уходят на пенсию, им больше выпадает.

Роль дедушки в жизни внуков, пожалуй, не очертишь столь четко. Многое зависит от того, живет он вместе с ними или отдельно, ушел на пенсию или все еще продолжает работать, кто он по профессии. В любом случае, в его отношениях со средним и младшим поколением не столь настоятельно звучит «должен». Не занимайся дед внуками, никто его за это не осудит. Разве не так? И тем не менее индифферентность людского суда не повлияла на внутренние установки. Известный социолог В. Шапиро сообщает в своей книге «Человек на пенсии», что в системе ценностных ориентаций пенсионеров семья и дети занимают по значимости одно из ведущих мест и что они одинаково ценны для пожилых мужчин и женщин. 70 процентов работающих мужчин-пенсионеров материально помогают детям, а стало быть, и внукам, почти каждый третий участвует в их воспитании.

Есть дедушки, которые и с работой расстаются, чтобы заняться внуками — семь процентов из опрошенных. Много — мало? У бабушек пенсионного возраста этот мотив звучит втрое чаще, и тем не менее публицисты восклицают: «Из пяти только одна бабушка бросила работу ради внука!» — не учитывая, что, кроме этого, треть женщин уходит на «отдых» оттого, что семья нуждалась в помощи, а это чаще всего связано с появлением маленьких детей.

Так что на цифры можно взглянуть по-разному. Можно вывести из них упрек: всего один дед из четырнадцати... А можно и восхищение: это же прекрасно, что находятся такие деды, для которых уход за внуками, общение с ними, их благо, столь значимы!

Неработающие дедушки уже меньше помогают своим взрослым детям материально, зато берут на себя больше других обязанностей. 36 процентов занимаются воспитанием внуков, 37 процентов помогают по хозяйству, и наверное, эта помощь становится более существенной, чем прежде.

На городского деда-пенсионера обычно ложатся магазины, особенно если у него есть удостоверение участника войны, право делать покупки вне очереди, химчистка и прачечная, связь с домоуправлением и телеателье, разный мелкий ремонт в доме. С внуком он будет заниматься тем, чем бабушка не займется — клеить модели разных самолетов, собирать машинки из конструктора. Вместе с дедом дети обычно коллекционируют значки, марки, собирают гербарии. Дед тоже может проводить внучку на елку или отвезти на занятия танцевального кружка. Но зачастую к тому времени, когда деды уходят на пенсию, внуки успевают подрасти и уже не нуждаются в сопровождающих.

У деревенского деда своя наука.

«Мои дед и бабка по матери по роду были Климковы-Плющиковы, — рассказывает о своих корнях Семен Степанович Гейченко, директор Пушкинского заповедника. — Жили в деревне Перелесье... в старой ветхой избе и всю жизнь копили бревна на пристройку нового дома. Каждую весну дед простукивал свои бревнышки. Они звенели — он радовался. У крыльца дома стояла старая-старая груша. На ней в своем «домишке» всегда жила белка...

Всех нас, приезжавших к нему на лето, дед учил уму-разуму. Он был неграмотным, но хорошо все понимал и был наставником во всех добрых, нужных делах. Детей учил главной науке в жизни — науке работать: как рубить дрова, грести траву, копать землю на огороде, вычищать с конюшни навоз, гонять лошадь в ночное, как ее запрягать, путать, как делать скворечники, как искать грибы, солить их, как ловить рыбу — бреднем, сетью, садком, руками (и даже как ее иной раз нужно щекотать, прежде чем схватить)... Он нас учил бережливости, доброте, милосердию.

Все, чему научили меня дед и мои родители, — основная руководящая сила моего труда».

Мой знакомый Алеша тоже когда-нибудь оценит то, чему научил его дед. Правда, лошадей в их деревне нет и рыба в речке давно перевелась...

Родители у него работают в городе — уезжают

рано утр
вечером
ти киломе
низатор
очень со
Сама
места в д
работать.
Третье
грузный.
когда не
видишь, т
вой Алеш
тошку —
— Дед
гоню!
— Пере
ку у мотыги
ка в сарайч
Дед не п
нимает, даж
Начали укла
встал, как де
дедовски пр
машину...» С
помещалось
жая надсадно
зовик и терпе
ко ближе к об
хлеб не зараб
все-таки буду
Если среди
появятся Алеш
нет на деда и,
улицу. Правда,
ем его застан
«Москвич», а в
ном какие-то де
лям: «Я сейчас
ли действительн
у деда, чем на

рано утром, когда он еще спит, возвращаются поздно вечером. Бабушка тоже служит. В аэропорту, в тридцати километрах от дома. А дед на пенсии. Он был механизатором в совхозе, не собирался на отдых, да врачи очень советовали, и домашние настояли.

Сама собой решилась и проблема с Алешкой: места в детсаде не было, а его матери хотелось пойти работать. Теперь он с дедом.

Третье лето наблюдаю за ними. Дед солидный, грузный. Он из тех медлительных людей, которые никогда не спешат и много успевают. То на огороде его видишь, то у поленницы, то у машины... И юркий живой Алешка, естественно, тут как тут. Дед полет картошку — и он тащит мотыгу, хочет попробовать.

— Дед! — кричит. — Я быстрее, я тебя перегоню!

— Перегонишь, — соглашается дед. — Только ручку у мотыги надо бы другую сделать, покороче. Поищика в сарайчике что-нибудь подходящее...

Дед не принуждает его к труду, но в напарники принимает, даже если Алешка явно замедляет работу. Начали укладывать дрова под навес, и вдруг мальчик встал, как дед — руки на поясницу, —и задумчиво, по-дедовски произнес: «Эт не дело — таскать, надо бы машину...» Сбегал за своим грузовиком, на который помещалось всего два поленца и начал возить, изображая надсадное гудение мотора. Дед «разгрузит» грузовик и терпеливо поджидает следующий рейс. Только ближе к обеду серьезно сказал: «Так мы с тобой на хлеб не заработаем — простоев много. Ты вози, а я все-таки буду таскать...»

Если среди работы заскрипит калитка и на дорожке появятся Алешкины приятели, он вопросительно глянет на деда и, получив в ответ кивок, умчится с ними на улицу. Правда, многое зависит от того, за каким занятием его застанут. Если дед ремонтирует старенький «Москвич», а внук моет в консервной банке с бензином какие-то детали, то он озабоченно скажет приятелям: «Я сейчас не могу. Мы вот ремонтируемся...» То ли действительно Алешке интересней в подмастерьях у деда, чем на улице, где собирается большая ком-

пания — местные ребятишки, городские, приехавшие на каникулы к бабушкам и дедушкам, дачники, трудно сказать. Но он явно важничает перед ребятами: автомобиль чинить — это вам не цветочки поливать. Не каждый сумеет...

Надо сказать, что и к деду иногда заглядывают приятели, приглашают разделить компанию, и он тоже отнекивается: «Нет, не могу, без меня...» Не сразу узнала, но потом бабушка Алеши поделилась, что прежде никакого покоя не было от этого доброго, работящего человека. («С утра, бывало, на иголках: то ли трезвым вернется, то ли загуляет. Пьяный он неузнаваемый. Нехороший. А сейчас вот в рот не берет, никто не верит. Из-за болезни, конечно. Но думаю, он больше всего Алешки стесняется...») Вот это ответственность!

Когда дома бабушка — дежурства у нее не каждый день, Алешка неузнаваем. Наверное, потому, что жизнь у него меняется. Бабушка его пасет — оберегает, надзирает: «Алеша, сними рубашку — жарко!», «Надень курточку — ветерок». Алешка сопротивляется, упрямится: «Не хочу», «Не буду». Можно понять. Вчера с дедом он был большим, сегодня из него делают маленького — он ведет себя соответственно. «Куда помчался?» «Не убегай далеко! Чтоб был на виду!» Если, выглянув за калитку, бабушка не увидит его, начинает обеспокоенно кричать: «Але-оша! Але-оша!»

Однажды призналась:

— До чего же тревожно мне всегда за него! А сыновья росли — ничего. Убежишь на работу — они одни. И в лес сходят — грибов насобирают, и на речку. А этот чуть отойдет, сердце от страха падает. Нервы что ли уже не те?

Может, и другое: «Внуков любишь сильнее, чем детей...» «Внуков любишь до боли...» «Когда дочь ругает внука, мне его всегда так жалко, так больно! Хотя материю я была строгой...» — частые признания. Не отсюда ли стремление упредить малейшую опасность! Но ведь человеку нужен свой собственный опыт — бабушкиным («Не беги — споткнешься», «Не подхо-

ди — обожжешься!») не проживешь.

Деды, хотя тоже признаются в любви «до боли», спокойней, сдержанней во всяком случае.

Алешке очень хочется залезть на старую черемуху. Второй день примеривается. Поцарапал ноги, живот. Дед не замечает. Кажется, не замечает. Когда внук делает очередную попытку (обхватил ствол, будто приклеился к нему, тянет руку к крепкой ветке — еще бы чуть-чуть, нога судорожно ищет опору, такой момент, что можно запросто загреметь вниз) дед приостанавливает свою работу — он чинит забор — и внимательно следит за ним. Попытка на этот раз удалась, Алешка оседлал ветку, и дед отвернулся.

— Дедушка! Смотри, где я!

— Как ты там оказался? Ну, ловок, ловок, молодец! Слезешь сам?

— А че тут не слезть? — храбрится Алешка, хотя, наверно, уже понимает, что слезть труднее.

И дед снова следит за ним исподтишка...

Изучая степень помощи старшего поколения в уходе за детьми и их воспитании, социологи обычно учитывают затрату времени, материальных средств, физических усилий.

Но если спросить Алешиного деда, сколько времени отдает занятиям с внуком, он скорее всего не ответит. Можно сказать, четырнадцать часов в сутки, а можно и часа не насчитать. Он же ничем не занимается с ним специально, не придумывает для него полезной работы. И если обучает чему-то, то не отрываясь от собственных дел. Не будь Алеши, его дни строились бы так же: ухаживал бы за огородом и садом, пилил дрова, возился с машиной, подогревал обед, мыл посуду... Но с внуком ему веселее («Без Алешки одичал бы...»). Когда он рядом, вся обычная работа обретает особый смысл.

Вспоминаю, как один сослуживец пришел на работу в начищенных до блеска ботинках, чего прежде за ним не водилось. Поэтому каждый не преминул его спросить, по какому, мол, такому торжественному случаю? «Да это я внука учил чистить обувь».

Так что можно говорить не только об участии дедов

в воспитательном процессе, но и об участии внуков в воспитании дедов — о взаимовлиянии.

В новую роль входят по-разному. Одни естественно и органично. Появление внуков воспринимают как само течение времени — как все равно смену лета на осень или смену дней недели: уснуть в субботу, проснуться в воскресенье. Им не нужно «руководства», как стать хорошим дедом.

Деды, не захваченные стихией чувства, обычно ищут линию поведения, рисунок роли. Одни впадают в менторство — поучают, наставляют, стоя на недосягаемой высоте. Другие, напротив, разводят демократизм, вспоминают разные приемы, которые в далеком детстве помогали им социализироваться в среде сверстников, пытаясь и сейчас с их помощью навести мосты.

...Шестилетние близнецы [illegible] Сережа приехали к бабушке с дедушкой на дачу. Ласковые, воспитанные дети. На каждом шагу «спасибо», «пожалуйста».

Они ходят в детский сад. Как водится, болеют, и из-за этого немало времени, вдвое больше, чем все дети — заболеет Сережа, не ведут в сад и Олю, и наоборот, — проводят дома, благо, живут вместе с другой бабушкой и другим дедушкой, которые уже на пенсии и очень серьезно относятся к воспитанию внуков, успевших усвоить огромный реестр самых разных «можно», «нельзя», «хорошо», «плохо».

Чинно сидят за праздничным по случаю их приезда обедом. Бабушка расстаралась в ожидании внуков.

— Слушай, старуха, — вдруг говорит ей дед, — а что же ты так суп пересолила? Специально, чтоб я не ел?

Дети застыли. Этот тон и эти игры им незнакомы.

— Нельзя называть бабушку старухой, — серьезно говорит Сережа, не поднимая головы.

— Ага... Пушкину можно — «Жили были старик со старухой у самого синего моря...», а мне нельзя?

— Бабушку надо хвалить, — вставляет свое слово Оля, которая всегда вторая и всегда поддерживает лидера Сережу. — Она же трудилась, она же старалась, а ты, а ты...

— Да у меня вообще полно недостатков! Вот и бабушка та
Дед во
смущены.
Я невоз
гогична он
— Дей
душку? Мн
можно взр
да на араб
но? Мы же
— Майн
достаток, —
— О! —
самый главн
Но Оле,
ний взрослы
тельно смот
трудное на с
— Ты нас
ризной на де
«Глупости
лезет из деда
ного и школ
на носу горя
хочешь быть
«На палубе ма
не дали табаку
ми словами.
— Прекрат
боясь, что внук
но слышат в де
Вечером ре
под углами ее
ли.
— Дедушка
твой папа?
— Да.
— У тебя ес
— Дедушкин
был маленький, т

бушка так считает. Давайте их обсудим!

Дед веселится, старается развеселить детей, а они смущены.

Я невольно включаюсь в игру, не задумываясь, педагогична она или нет.

— Действительно, отчего бы нам не обсудить дедушку? Мне, например, не нравится его майка. Разве можно взрослому человеку носить майки с надписями, да на арабском языке? Может, что-то плохое написано? Мы же не понимаем...

— Майка — это не самый главный дедушкин недостаток, — резонно замечает осмелевшая Олечка.

— О! — оживляется дед. — Интересно, какой же самый главный?

Но Оле, которая знает, что нельзя делать замечаний взрослым, ответить на это трудно, и она вопросительно смотрит на Сережу. Правдивый Сережа берет трудное на себя.

— Ты нас учишь глупостям, — и смотрит с укоризной на деда.

«Глупости» — детский фольклор, который все время лезет из деда. Разные считалки, дразнилки из дошкольного и школьного возраста. «Плакса вакса гуталин, на носу горячий блин...» «Злятина, козлятина!» «Если хочешь быть здоров, ешь картошку без жиров!» «На палубе матросы курили папиросы, а Ваньке-дураку не дали табаку...» Он и другие знает, с полуприличными словами.

— Прекрати! — цедит бабушка, не разжимая губ, боясь, что внуки услышат от деда то, что все дети обычно слышат в детском саду или во дворе.

Вечером ребята сидели на крылечке с бабушкой, под углами ее шали, как под крыльями, разговаривали.

— Дедушка Боря — это прадедушка? А он — твой папа?

— Да.

— У тебя есть папа, почему же у дедушки нет?

— Дедушкин папа погиб на войне, когда дедушка был маленький, такой, как вы, даже меньше. А дедуш-

ина мама, когда узнала об этом, тяжело заболела и вскоре умерла. Дедушка — сирота.

— А как же наш маленький дедушка жил один?

— Не один. Он рос в детском доме.

— А-а... Теперь понятно, где он столько всего нахватался.

Дед все время озадачивает правильно воспитанных внуков.

— Дедушка, — спросил однажды Сережа, насмотревшийся по телевизору детективов, — а что надо делать шпиону, чтоб его не разоблачили, ну, чтоб все думали, что он свой?

— Не знаю, — ответил серьезно дед. — Я вот стараюсь-стараюсь, но бабушка, по-моему, уже догадалась, что я не свой...

Внуки провели на даче неделю. В воскресенье были гости. Дети устроили концерт, все взрослые согласились в нем участвовать. Сережа был конферансье. Оля танцевала в бабушкином платье. Дедушка в шортах, встав на стул, читал стишки. Глупые. Все смеялись. Сережа с Олей громче всех. Им здесь очень понравилось.

— Приезжайте еще, пока у нас отпуск, — говорит, прощаясь, бабушка. — Мы вас всегда ждем, всегда вам рады.

— А я выучу к вашему приезду новые стишки, — обещает дед.

— Тебя надо отправить на воспитание к нашему другому дедушке, — решает Сережа.

Дед смотрит насмешливо на внуков:

— Фарисеи!

— Вот так так! — всплеснула руками Олечка. — Когда приехали — «Мы вам рады!», а как уезжаем — так обзываться!..

— Он же шутит, шутит! — засмеялся Сережа. — А ты шуток совсем не понимаешь!

— Тебя действительно надо перевоспитывать, — отчитывает бабушка деда, проводив внуков. — Представляю, как нас будут обсуждать Наташины родители, когда дети станут им рассказывать о тебе и повторять твои шуточки-прибауточки. Мы можем сколько угодно

ронизиро
тали прекр
Ну а р
чувство юм
рошо, что
нынешней
воспитании,
характеров
тям — они
понимать ра
ших, своих,
Слава бо
ние, что этот
дит с ними до
чивает азбук
— Они пе
женщина про
ствительно по
только с детьм
И ребята, пред
к чему. Когда
меня так и под
«Зачем мне
ли дед хочет в
людей окружае
главное, чем бо
Но любовь не
И порой в п
осудить за равно
бенка.
Вот совсем «
— Представи
столько равноду
Я тоже не горяча
ка доставляет мне
же долг занимать
Когда родител
старается заранее
будь сводить внуч
ей. Дед своих пла
своей комнате за

иронизировать над их занудством, но детей они воспитали прекрасно, смотри, как много в них вложили...

Ну а разве этот дед не вкладывает? Развивает чувство юмора, способность к самоиронии. Даже хорошо, что у Сережи с Олей столь разные деды. При нынешней узости семейного круга и детсадовском воспитании, где приучают быть как все, самостийность характеров взрослых, непосредственность нужны детям — они получают разный опыт общения, учатся понимать разных людей, а не делить их на плохих, хороших, своих, чужих.

Слава богу, Сереже с Олей не внедрили в сознание, что этот дед, который в отличие от другого, не сидит с ними дома во время болезни, не кормит, не разучивает азбуку, как бы уже не родной, не кровный.

— Они пенкосниматели, — сказала одна молодая женщина про свекра и свекровь. — Мои старики действительно помогают по хозяйству, а эти приезжают только с детьми поиграть, свое удовольствие получить. И ребята, представьте, их обожают! Не понимают что к чему. Когда они звонят: «Можно ли приехать?» — меня так и подмывает спросить: «А зачем?»

«Зачем мне этот дедушка?..» Да чтобы любить! Если дед хочет видеть внуков — хорошо, чем больше людей окружает ребенка, чем больше любят его и, главное, чем больше близких любит он сам, тем лучше. Но любовь не проявляется одинаково.

И порой в поведении дедов, которых все спешат осудить за равнодушие, — неоценимое благо для ребенка.

Вот совсем «равнодушный» дед.

— Представить себе не могла, что он будет настолько равнодушен к внучке! — это жена о нем. — Я тоже не горячая бабка, не сумасшедшая. Но Наташка доставляет мне истинное удовольствие. И потом, это же долг заниматься внучкой.

Когда родители должны привести Наташу, бабушка старается заранее освободить время, чтобы куда-нибудь сводить внучку, погулять с ней в парке, почитать ей. Дед своих планов не меняет. Он обычно сидит в своей комнате за пишущей машинкой — срочная

работа. Или мастерит мебель для кухни. Уже много лет там висят пока два шкафчика. Один с дверцей, а другой — без, потому что делать инкрустацию — пестрокрылых бабочек —не так-то быстро и просто. В комнате у него верстак, рубанок дощечки, банки с клеем и лаком.

Наташа всегда с любопытством заглядывает в открытую дверь комнаты, а дед — никакого внимания. Однажды на нее надели новое платье, и она дольше, чем всегда, задержалась у двери, ждала похвалы. А дед, лишь оторвавшись от рукописи, спросил: «Ты что-то хочешь сказать?» — и девочка вдруг расплакалась, побежала к бабушке за сочувствием.

— Тебе не стыдно? — выговаривала ему бабушка. — Ребенок тебя боится!

— А ты хочешь, чтобы я [illegible] портил, как все вы?

Наташка привыкла ко всеобщему вниманию. Она прехорошенькая, забавная. Дедушкой дед души в ней не чает, часто приезжает после работы, она им понукает, командует — он умиляется. На улице все оглядываются: «Ой, какая девочка!», «Настоящая Мальвина!». Взрослые часто забывают, что дети — люди. Обсуждают их — при них, бесцеремонно тормошат, тискают, сюсюкают.

«Дети молодцы, они отбиваются от этого, — писал Борис Житков, — ногами преимущественно. «Ах, мордашка! Ну, прямо пупсик, пупсик!» — и жмет к жаркой груди. А «пупсик» отбивается ногами и руками, отворачивает тетины жадные губы. Ему и оскорбительно и противно быть «пупсиком» для отправления экстазов».

Наташке тоже часто приходится «отбиваться». Поэтому равнодушие деда озадачивает. Все ахают, а этот — нет. Все ей подчинены, а он почему-то хранит суверенитет, автономию. Весь дом принадлежит ей, а дедова комната — нет. И сюда больше всего хочется — заглянуть в банки, поиграть дощечками...

Однажды она осталась с дедом вдвоем, бабушка куда-то надолго отлучилась, вошла в его комнату и остановилась выжидательно: теперь-то он должен ею заняться?

— Я бу
Не такой
расплакалась
— Знаеш
слез. Пойди
возвращайся
Наташа д
тихла. Когда
Посреди ком
привезли Нат
хивала их наз
домой.

— Пошли
что ничего н
— Пошли,
Без уговор
спать.

— С детьм

— Я буду строгать, а ты смотри, — сказал дед.

Не такого она ждала. Постояла, надувшись, и вдруг расплакалась, как уже бывало.

— Знаешь, — сказал дед, — я не выношу женских слез. Пойди в другую комнату, а кончишь плакать, возвращайся.

Наташа доплакала уже без всякой охоты, потом затихла. Когда настало время обеда, дед пошел за ней. Посреди комнаты стояла сумка, в которой родители привезли Наташкины вещички, и она старательно запихивала их назад — пижаму, зайца, тапочки... Собралась домой.

— Пошли обедать, — предложил дед, сделав вид, что ничего не заметил.

— Пошли, — обрадовалась она.

Без уговоров все съела, без уговоров отправилась спать.

— С детьми надо уметь обращаться, — хвастался

он потом бабушке. — Теперь-то ты понимаешь, как вы все портите ребенка? Чуть что — сразу вещи собирать. Это в два с половиной года! А что будет потом?

— И тебе не больно? — снова укоряла его бабушка. — Так обидеть внучку. Эгоист ты, а не дед!

Своя ноша

Дед проснулся в «эгоисте», когда над внучкой нависла беда — отец ушел из семьи. Все родные переживали, беспомощно разводили руками: ну как тут вмешаешься? А дед требовал, чтобы сын немедленно возвратился, и не внимал никаким объяснениям. «Ты отвечаешь за жену, за дочь, разве непонятно? Я не желаю слышать твоих претензий к ним! Ты мужик! Изволь наладить отношения в своем доме, иначе ты мне не сын». Деда уговаривали: «Ты не прав. Разве не бывает? Вон сколько разводов!» — «Меня это не интересует. Я не хочу, чтобы у моей внучки был приходящий отец!» — «А неприязнь, ложь, — разве Наташе в такой семье будет хорошо?» — «Но он же ничего не пытается изменить. Я не желаю его больше видеть!» И не видит. Его снова уговаривают: «Ну, как ты можешь? Ему нелегко... Он же не какой-нибудь негодяй. Не решить тут ничего условием: «или — или». Неужели не понимаешь? Рвать с единственным сыном...» — «Понимаю, — грустно говорит дед. — Я просто не могу по-другому. Он предал мою внучку! — и твердит: — У нас в роду такого не было...»

В этом несчастье дед вдруг ощутил себя старшим мужчиной в роду. В общем, так оно и было. Незадолго до случившегося умер его отец. В наш век, когда всем некогда, в огромном городе, где все живут, будто на разных полюсах, этот человек сумел свою раздробившуюся, как нынче водится, семью удержать вокруг себя — стать ее центром. Проявляя невероятный интерес к жизни детей и внуков, умел вникать во все их дела, а в отношениях со всеми при самой большой близости и доверительности соблюдать дистанцию, которая не позволяла забывать, кто в семье главный. Впрочем, он вряд ли об этом заботился. Все дело, видимо, было в

особом чув
поучал. Сам
рес окружак
он нередко г
мнение, с ни
вать про сво
просто воспо
ды, а взгляд и
немало леген
родственнико
откуда, от кого

На протяже
были главными
для жизни инф
редавая ей уме
ванный век, век
ся в семье нос
венных традици
тель», «хранител
вить, как бы это
удар!..

Растущее чис
роль деда в семь
сях — дед и оте
— На пенсию
его тянуть и тяну
Такая доля чащ
нии. Потому что по
ются с матерью, по
ходима, чем прежд
хочется устроить.
переселяются к баб
ствует в воспитании
тоянно рядом. Инос
... Мальчишки во
— Мой папа инж
— А мой — лет
— У меня дедуш
лик, и приятели засм
— Ты что, малень
— Я же говори

особом чувстве достоинства — не читал нотаций, не поучал. Сам жадно учился — у времени, у детей, интерес окружающих к нему — к людям глубоко пожилым он нередко гаснет — не гас. Всегда хотелось узнать его мнение, с ним хотелось советоваться. Любил рассказывать про своих родителей, деда, бабку. Это были не просто воспоминания, любовь к которым разжигают годы, а взгляд из начала в продолжение. В семье хранится немало легенд о своеобразии характеров ушедших родственников, и все знают, что в ком из ныне живущих откуда, от кого. Редкостное в наши дни ощущение рода.

На протяжении веков, тысячелетий старшие в семье были главными носителями знаний, всей необходимой для жизни информации, всему обучали молодежь, передавая ей умения, навыки. Но и сейчас, в наш образованный век, век информационного бума, они остаются в семье носителями незаменимого опыта, нравственных традиций. И в «эгоисте» проснулся — «носитель», «хранитель». Он никогда не мог себе представить, как бы это его предал отец, какой бы это был удар!..

Растущее число разводов существенно влияет на роль деда в семье. Его нередко видишь в двух ипостасях — дед и отец одновременно.

— На пенсию уйду не скоро: Яшке всего семь, мне его тянуть и тянуть...

Такая доля чаще выпадает деду по материнской линии. Потому что после развода дети, как правило, остаются с матерью, поддержка родителей ей больше необходима, чем прежде: одной трудно, да и личную жизнь хочется устроить. Иногда после развода внуки совсем переселяются к бабушке с дедушкой. Отец, если и участвует в воспитании, приходит раз в неделю, а дед постоянно рядом. Иногда дети вообще отцов не знают.

... Мальчишки во дворе сообщают друг другу:

— Мой папа инженер.

— А мой — летчик. А твой?

— У меня дедушка отец,— сказал шестилетний Павлик, и приятели засмеялись:

— Ты что, маленький? Так не бывает.

— Я же говорю: дедушка мой отец!

И вечером дома:

— Почему они смеются, почему не верят? Я же не вру!

Отца Павлик не помнит, и отец о нем не вспоминает. Странно, мальчик никогда не спрашивал о нем. Когда ему исполнилось шестнадцать, мать достала отцовскую фотографию: «Ты должен знать...» Он равнодушно взглянул на лицо незнакомого мужчины, выслушал историю развода: «Как только ты родился...» Наверное, после того дворового разговора его не могло не осенить: отец был, есть, но в детях иногда наблюдаешь редкую деликатность, они не задают вопросов, касающихся личной жизни взрослых, а может быть, срабатывает какой-то инстинкт самозащиты, ведь вопросы и родительские ответы их тоже касаются, вдруг с ними связано что-то неприятное, больное?

Так или иначе, в детстве Павлик не проявил ни острого интереса — кто папа? — ни беспокойства: рядом был дед.

Для бабушки мальчик — свет в окошке. У матери твердая установка: жить для ребенка, ради ребенка, все свободное время — ему. Записала в детскую хоровую студию, отвела в кружок изобразительного искусства, там и тут разглядели в нем большие способности.

А Павлик больше всего завидовал мальчишкам, которые бузят во дворе, гоняют шайбу на ледяном пятачке, кто на коньках, кто без. Но мать с бабушкой и слышать не хотели про двор. Одного? Во двор? К хулиганью? Набегается, простудится, наслушается черт знает чего, драться начнет. К счастью, дед, для которого «дворовое хулиганье» не жупел — сам вышел из него, из фезеушников военной поры, оказался его союзником. Красивая программа иссякла сама собой, потому что однажды во дворе появился хоккейный тренер и заметил мальчишку, самоотверженно защищающего ворота. К огорчению матери, сын — уже без нее, естественно, — стал ездить на занятия хоккейной секции. Мастер спорта из него не вышел, но пять трудных лет закалили характер. Он спокойный, уверенный в себе. Знает, если чего-то очень захотеть, можно добиться.

Павел мо
рать носки, р
проблема. Все
чить. Во время
рыбалку. Там д
И внука он нау
бу, разжигать к
по-взрослому,
ности. Дед вос

Но всегда ли
случай: «мой оте
с первых дней.

...Расспрашив
ем рассказывает
вился с програ
Увлечен, от инст
с грустью, с боль
сторонится, выбир
он, растут без от

Максим пересе
пошел в первый к
ради него оставил
вечерам, забирали
отец перестал прих
нение, смягчить у
все, плакал, тосков
дет ли отец, ве
прежнему.

Дед мучился вм
сказал, что не судьб
мальчик не так стра
исчез, не явившись
постоянно звонить ем
прийти? А завтра?..»
нет, «вышел», «на со
тельны, но как это об
голос!) не испугался
больше ему не звони
не знаешь? У него ес

Дед очень хотел ст
мым, как отец. Смож

Павел может полностью себя обслужить. Выстирать носки, рубашки, сварить кашу, картошку — не проблема. Всему дед научил, не позволил его занянчить. Во время отпуска увозил внука недели на две на рыбалку. Там дедовские умения обретали особую цену. И внука он научил ставить палатку, ловить, чистить рыбу, разжигать костер в любую погоду, рубить хворост, по-взрослому, без препирательств делить все обязанности. Дед воспитал мужчину.

Но всегда ли дед заменит отца? Здесь ведь особый случай: «мой отец — дедушка», и это вошло в сознание с первых дней.

...Расспрашиваю деда про внука. Он с удовольствием рассказывает о его успехах: за три года справился с программой детской музыкальной школы. Увлечен, от инструмента не оттащишь... И вдруг — с грустью, с болью: не любит ребят из полных семей, сторонится, выбирает в приятели только тех, кто, как и он, растут без отцов.

Максим переселился к бабушке с дедушкой, когда пошел в первый класс, так было удобней, и бабушка ради него оставила работу. Родители наведывались по вечерам, забирали его к себе на воскресенье. И вдруг отец перестал приходить. Старались отодвинуть объяснение, смягчить удар — не удалось. Максим, узнав все, плакал, тосковал, каждый день спрашивал, придет ли отец, верил, что папа любит его по-прежнему.

Дед мучился вместе с ним. Встретился с отцом, сказал, что не судья ему, но надо сделать все, чтобы мальчик не так страдал. Отец вскоре пришел и снова исчез, не явившись в назначенный день. Сын стал постоянно звонить ему на работу: «Ты сегодня можешь прийти? А завтра?..» Потом ему начали отвечать, отца нет, «вышел», «на совещании». Ясно, звонки нежелательны, но как это объяснить внуку? А некто (женский голос!) не испугался, врезал, не оглядываясь: «Ты больше ему не звони. У него другая семья — разве не знаешь? У него есть дочка».

Дед очень хотел стать для внука столь же необходимым, как отец. Сможет ли? Мальчишки подражают

отцам, сильным, ловким. А дед не молод, не спортивен. Он гуманитарий, книгочей. Может, конечно, повести внука на каток и постоять у кромки с его пальто под мышкой. Этого мало... Надо искать занятия, где он был бы авторитетом для внука, где они могли бы стать партнерами. Увлек его шахматами, нумизматикой. Заметив тягу к музыке, стал водить на концерты...

Как-то летом повез в Домбай, любимые места молодости. Больших восхождений никогда не совершал, но с удовольствием ходил в горы. В первый день они отправились на пешую экскурсию, и вдруг дед понял, даже не очень крутые подъемы не для него. Почувствовал что-то вроде вины перед внуком: обещал же поводить, показать... А Максим (видно, уловил состояние деда) неожиданно предложил: «Вернемся назад. Пошли лучше на канатке...» Дед был тронут деликатностью, она о многом сказала.

Отец объявился лет через пять. Дед заметил его во дворе, видно, рассчитывал встретить сына, позвал в дом. Оставил в комнате вдвоем с Максимом, закрыл дверь, а отойти от двери вопреки своей обычной щепетильности не смог. Все слышал...

— Как живешь?

— Нормально.

— Как учишься?

— Зачем тебе это?

— Ты — мой сын, мне все интересно.

— Не думаю, не замечал.

— Зачем ты так, Максим? Ты меня прежде любил, и я тебя люблю. Мальчику нужен отец, мужчина... Бывают такие моменты, ты пока не знаешь...

— Знаю. У меня есть дедушка.

Что и говорить, деду приятно. Да только для него никогда не было самоцелью завоевать внука. Он хотел, чтобы мальчик не чувствовал обделенности, ущемленности. Но не все смог. Отцовское место пустует, и Максим боится (видно, из-за пережитого когда-то унижения), что кто-нибудь заметит, спросит, напомнит...

Нелегка для дедов такая вот полная вынужденная подключенность к внукам, ответственность, которую не

с кем раздел
чем отцы, —
радости, но и
— Не могу
полчаса застре
если не позват
отвлекается, во
Начинает рисов
леты. Один сам
вырождается д
совершенно не
тия на другое.
Я слушаю сво
встречаясь, каки
ли, было интерес
ется. Он — дед,
ке, и проблем з
Дед уверен, дед
шается естествен
просто нарушени
скажется на ребе
Мишу без жалост
своем сыне, Миши
шенно свободным
дит, в выходные —
На воскресенье
ей объяснить, какие
уже пошел в первы
позаниматься, а нев
«Можно без указани
невыученными урок
сидеть с ним, а один
перепробовал.
Внук начнет после
ради и допишет его
Дед считает, надо
ходило что-то интере
он будет куда-то спе
Но никак не определи
фигурное катание, фе
девочкой? Дед мы

с кем разделить. Они более чутки и чувствительны, чем отцы, — от этого больше поводов не только для радости, но и для тревог.

— Не могу понять, что это... Идет мыть руки — и на полчаса застревает в ванной, может не выйти оттуда, если не позвать. Садится обедать — полчаса ест суп, отвлекается, все передвигает на столе, роняет ложку... Начинает рисовать, рисует только машины. Или самолеты. Один самолетик, второй самолетик, пока он не вырождается до неузнаваемости... Очень быстрый и совершенно не может переключаться с одного занятия на другое. Как же это изживать?..

Я слушаю своего старого, старшего друга. Раньше, встречаясь, какие только проблемы мы не обсуждали, было интересно узнать его мнение. Теперь не удается. Он — дед, для него сейчас все сошлось на Мишке, и проблем здесь не меньше, чем в целом мире. Дед уверен, дед точно знает, если в детстве нарушается естественная гармония жизни — а развод не просто нарушение, разрушение, — это непременно скажется на ребенке. И не может смотреть на своего Мишу без жалости и страха. С удивлением говорит о своем сыне, Мишином отце: «Он чувствует себя совершенно свободным. Приходит с работы, ужинает, уходит, в выходные — с приятелями за город...»

На воскресенье Мишу берет мать. Дед пытается ей объяснить, какие у него уроки в понедельник — он уже пошел в первый класс, — чем и как с ним надо позаниматься, а невестка отвечает, едва сдерживаясь: «Можно без указаний?» И в понедельник Миша идет с невыученными уроками, у матери не хватило терпения сидеть с ним, а один он не может, дед уже все способы перепробовал.

Внук начнет после обеда писать какое-то слово в тетради и допишет его только к вечеру...

Дед считает, надо, чтобы в жизни мальчика происходило что-то интересное, значимое для него, тогда он будет куда-то спешить, стремиться и все успевать. Но никак не определит, что же для Мишки значимо — фигурное катание, фехтование, прогулки с соседской девочкой? Дед многое уже пытался сделать. Ищет

сейчас хорошего психолога, психоневролога, надо обязательно посоветоваться...

И еще тревога. Он и жена очень привязаны к внуку, а невестка не слишком их жалует, перенося, видимо, на них нелюбовь к бывшему мужу. Вдруг...

— Как вам в голову могло прийти? — удивляюсь и стыжу их. — Она же интеллигентная женщина!

И тут звонок в дверь. Мишка срывается со стула, с ликующим кличем «Мама моя! Моя мама!» несется к двери, щелкает замком и повисает на матери, обняв руками, ногами.

«Ты готов?» — спрашива[illegible]она сына, не глядя на свекровь и свекра. Дед по[illegible]ет внуку собрать портфель и говорит, что надо[illegible] повторить с ним... И осекается: так суров взгля[illegible]под малинового берета. Обойдемся, мол, без ука[illegible]! И я уже думаю, предчувствия моих друзей не [illegible]ны оснований. Перестанет Мишина мать нуждаться[illegible] их помощи и разлучит с внуком. Детей нетрудно [illegible]строить, перенастроить. Если же и останется у него [illegible]привязанность, жалость к бабушке с дедушкой, будет скрывать свои чувства от матери, скрывать, что видится с ними, изворачиваться, ловчить. Старики будут искать встреч с ним, поджидать у школы. Истории подобные столь часты, что все известно наперед, но от этого не легче. Переживет ли такое мой друг? Он заметно сдал в последнее время, уже был инфаркт, сейчас язва. Нужен покой. А Миша вчера писал слово «колхозник». «Колхоз» написал сразу, а «ник» только часа через два...

Говорят, своя ноша не тянет. Да всегда ли по силам?

Иногда даже кажется, что бабушка с дедушкой переживают разводы болезненнее, чем сами разводящиеся родители. Может, потому, что последние сосредоточены в этот момент на себе — своих обидах, счетах, страстях, а старшие — на детях, от них не ускользает, как дети страдают, они знают, как дальше будут страдать. А им вот еще и сознательно добавляют боли. «Нечего ребенка травмировать! — говорит мать после развода и не позволяет отцу видеться с сыном, а заодно и бабушке с дедушкой. — Одна

воспитаю». К
делая свидете
Зло не могут
потому что п
такого, чтоб
Еще хуже
«Родные» баб
родных». Наст
ринской сторо
Одно тут скаже
то и о душе н

Дары

...Живешь д
дедовский альт
му.

Дед с гордо
висят, персики н
деревья... Все у
дорожка от кал
ми — страшно
требует! А он и
свои хвори.

Все это для в
лето, — два сор
няя девочка, кото
жают бледные,
впрок пошли его
Но в райском
форт, близкий, ве
страх, то неуют,
ничтожности места
то не ступи.

— И вы предст
я узнал, что внучка
рит «я», «мне», «мо
тут ни при чем, —
вала родителей за
каникулы у меня пр
они...

воспитаю». Каким же собирается она его воспитать, делая свидетелем собственного озлобления, агрессии? Зло не могут оправдать никакие «ради» и «во имя», потому что прорастает оно только злом и не бывает такого, чтоб — добром.

Еще хуже, когда войны ведут пожилые люди. «Родные» бабушка с дедушкой прячут ребенка от «неродных». Настраивают против отца, если сами — с материнской стороны, и против матери, если — с отцовской. Одно тут скажешь: аморально. Неужели, если бога нет, то и о душе не надо думать?

Дары

...Живешь для внуков. Все для них — знакомый дедовский альтруизм. А проявляется он по-разному.

Дед с гордостью показывает мне свой сад. Груши висят, персики наливаются, усыпаны ягодами вишневые деревья... Все ухожено, вскопано — страшно ступить, дорожка от калитки обсажена редкостными флоксами — страшно задеть. Сколько же труда все это требует! А он и работает не разгибаясь, несмотря на свои хвори.

Все это для внуков, которые приезжают к нему на лето, — два сорванца пяти и семи лет и восьмилетняя девочка, которая им не уступит в живости. Приезжают бледные, уезжают румяные. Дед гордится: впрок пошли его витамины.

Но в райском саду испытываешь какой-то дискомфорт, близкий, вероятно, к клаустрофобии. Если и не страх, то неуют, от замкнутости пространства, ограниченности места для жизни — одна дорожка, дальше-то не ступи.

— И вы представляете, — жалуется мне дед, — я узнал, что внучка ехала ко мне, — он все время говорит «я», «мне», «мой дом», «мой сад», будто бабушка тут ни при чем, — без всякой охоты, даже уговаривала родителей забрать ее пораньше, чтоб не все каникулы у меня провести. Вот так: живешь для них, а они...

Они невозможные! Забыв, что надо ходить по дорожке туда-сюда, начинают носиться по саду, оставляя следы на вскопанных, взрыхленных вокруг деревьев кругах, играть в прятки, рвать втихую — будто им всего не дают вдоволь — персики. Ветки же могут сломать! И до чего дошли, что затеяли — стали перемахивать через редкостные флоксы! Соревновались — кто прыгнет, не задев.

Бабушка глянула — вся дорожка в лепестках, переломлено несколько стеблей. Хорошо, что дед в это время лег вздремнуть. Она все быстро замела и, чтобы утихомирить развеселившуюся компанию, сунула им миску с вишнями и водворила в душ, дощатую загородку с бочкой наверху, — с дедовых глаз долой: «Посидите тут на скамеечке, остыньте успокойтесь». Они поедали вишни, косточки летели через загородку на только что [illegible]стенную дорожку. Это тоже была игра в «кто выплюнет». Они не могли видеть, что дед в это время вышел прогуляться после сна. И вдруг раздался жуткий крик.

— Кто смеет в моем саду плевать в меня косточками от моих вишен!

Дети выскочили, ошеломленные, веселья как ни бывало, на лицах испуг. Дед стоял багровый от гнева, держался за сердце...

Он решил их наказать, он объявил им бойкот — перестал их замечать. Насупясь, таскал стремянку от дерева к дереву, снимал плоды, но опять же: все для них, для внуков — на компоты, на варенье...

Нет, не поймут они. Не оценят. Вот если бы он старался поменьше и оставил бы кусок заросшего бурьяном сада, где можно было бы носиться всласть, неплодоносящую лужайку...

Подкидываю деду эту мысль, а он смотрит на меня как на союзницу: будто вместе с ним иронично сетую на неблагодарность внуков. Я в его глазах человек благоразумный, и он не может допустить, что способна предложить подобное всерьез. Как это — оставить лужайку? Это же лишить детей куска витаминов! Для него здоровье внуков как нечто отдельное от них. Я даже и не знаю, добр он или нет. С одной стороны,

сам ничего не
видят мягкост
того, что опре
нитель, разруш
ребята разыгр
саду?!» Жалко
вольствие полу
этого все силы
и плодов, не
Абсурд какой-т
добра», и на пе
у деда наверня
ки неохотно к н
туются, и он, ес
нечно жаловать
несправедливое
отличается спосо
себя, а с возраст
...Заметила, де
о детях. Может,
интересов? Что бы
если они уже стали
не обойдут этой т
Вот сидят два б
— Я недавно з
один другому. — В
на чем себя пойм
высматриваю, прики
ся...
— И я тем же
это вот не выветрива
Столько лет, стол
комились. Им было т
лейтенанта. Оба кома
раненые. После победы
реди! А не успели ог
И все, воспоминани
ная тема.
— Я своего убедил
купать не стоит. На них
мире, а играть лучше

сам ничего не съест — все им, а с другой — ребята не видят мягкости, отзывчивости, доброжелательности — того, что определяет доброту. Дед в их глазах притеснитель, разрушитель. Да он и объективно таков. Только ребята разыграются — окрик: «Кто смеет в моем саду?!» Жалко детей, да и деда тоже. Мог бы удовольствие получать от общения с внуками, а вместо этого все силы тратит на роль пугала: « Кыш от цветов и плодов, не мешайте мне растить их для вас!» Абсурд какой-то. Забота по пословице: «Нет худа без добра», и на первом месте все-таки «худо». Впереди у деда наверняка сплошь разочарования. Сейчас внуки неохотно к нему едут, вырастут — вообще взбунтуются, и он, если найдется слушатель, будет бесконечно жаловаться на них, на неблагодарность, на несправедливое устройство жизни: он и сейчас не отличается способностью самокритично взглянуть на себя, а с возрастом это свойство убывает...

...Заметила, деды чаще говорят о внуках, чем отцы о детях. Может, оттого, что суживается круг забот, интересов? Что бы ни объединяло старых друзей, но если они уже стали дедами, то, встретясь, как правило, не обойдут этой темы.

Вот сидят два бывших артиллериста.

— Я недавно за грибами ходил, — рассказывает один другому. — Вышел на опушку, присел и, знаешь, на чем себя поймал? Орудия расставляю. Бугорки высматриваю, прикидываю, как лучше замаскироваться...

— И я тем же страдаю. Столько лет прошло, а это вот не выветривается, въелось!

Столько лет, столько лет... Вспоминают, как познакомились. Им было тогда по девятнадцать. Два лихих лейтенанта. Оба командовали взводами. Не раз были ранены. После победы казалось: огромная жизнь впереди! А не успели оглянуться — пенсия, внуки...

И все, воспоминания кончаются, звучит злободневная тема.

— Я своего убедил, дорогие заводные игрушки покупать не стоит. На них интересно смотреть в детском мире, а играть лучше в другие, которые не жалко

сломать. Он как раз любит ломать, внутрь заглядывать. Все образовавшиеся запчасти — колеса, кузова — мы с ним храним, из них собираем новые машины. Ему это нравится.

— Нет, — говорит другой дед. — Я своему ни в чем не отказываю, за ценой не стою, — благо, может «не стоять», пенсия у него полковничья. — У Женьки уже целая полка коллекционных машинок. Жена говорит: ты что — такие деньги! Но ему хочется — а мне для него ничего не жаль...

— Летом я поехал в дом отдыха. Места прекрасные: Москва-река, бор сосновый, библиотека оказалась хорошей — гуляй, читай, наслаждайся. Но как-то не гуляется, чего-то не хватает. Потом осенило: Кирюшки нет рядом! А без него все кажется бессмысленно. Вот жизнь пошла! Слушай, ты в следующий раз приходи с Женькой. Они поиграют, сводим их в музей Васнецова. Вы там не были?

— Ну уж нет, — протестует щедрый дед. — Они начнут бузить — голова разболится. От них надо отдыхать.

Ничего не пожалею — кошелек открою, не раздумывая. А покоем жертвовать не хочется, и душу тратить трудно...

Витамины не оценятся. Дорогие игрушки сломаются. На всю жизнь остаются другие дары.

«... Пареньский каньон — долина прорыва. В давние времена река просочилась, прорвалась через твердыни Охотско-Чукотского вулканогенного пояса, раздвинула, насколько могла, теснину и теперь победно несет свои холодные воды в Пенжинскую губу, залива Шелихова Охотского моря. Чистые без наносов берега Парени — открытая книга геологической истории полуострова. И мы по мере сил своих должны прочитать ее. Забитое камнями русло реки, перехваченное пенистыми ремнями перекатов, порогов и зубьями шивер, притаившиеся на поворотах прожимы — все это серьезный экзамен нашему мастерству туристов-водников. И мы должны выдержать его.

...На «Таймене» нас трое. На носу юнга Андрюша Кузин, рослый школьник, в середине — я, начальник

экспедиции, л
сандр Матвее
нашей байдар
каньон. ... Лод
полумрак, сте
затем настырны
на отвес каньон
курсу. Я спешу
шийся над нам
чуть ли не опр
в руки, вместе с
И нас тут же сно
шиверы. Удар,
над нами, байда
мобилизует наши
шей рискованный
ва, откидываемся
лодку вперед. «Т
камней и тут же
накрывают нас, вы

Вечерело, косы
действительно рас
широкой полосе
правой террасы (н
огромный камень п
сотрясала глыбу и
тою метра три-четы
получно преодолел
ротом, на широком
тер...»

Катамаран и дру
как «Таймень». Читая
ухающим сердцем за
на его борту не мо
ник научно-спортивно
Колыму в эти безлюдн
вышеприведенных стр
лодки, летящей в вихре
и рослый, но ведь
опасности — это ла
Зачем такие иск

экспедиции, летописец и фотограф; на руле — Александр Матвеевич Егоров, мой заместитель и кормщик нашей байдарки. Идут первые часы после входа в каньон. ... Лодка несется вдоль отвесной скалы. Здесь полумрак, стена дышит холодом. Вначале робкий, а затем настырный прижим пытается навалить «Таймень» на отвес каньона. Егоров с трудом держит байдарку по курсу. Я спешу сделать нужный снимок. Но тут взвившийся над нами козырек воды захлестывает лодку и чуть ли не опрокидывает ее. Аппарат в чехол, весло в руки, вместе с кормщиком отгребаемся от прижима. И нас тут же сносит на кипящую пеной зубастую борону шиверы. Удар, зацеп! Заклинило! Волны проносятся над нами, байдарка полна воды. Опасность властно мобилизует наши силы. Не сговариваясь, делаем с Сашей рискованный маневр: отталкиваемся веслами слева, откидываемся вправо и тут же резко посылаем лодку вперед. «Таймень» со скрежетом снимается с камней и тут же попадает в слив порога. Вихри струй накрывают нас, выкручивают из рук весла...

Вечерело, косые тени расширили каньон. Или горы действительно расступились? Впервые остановились на широкой полосе гальки. Размяли затекшие ноги. У правой террасы (наконец-то чистая земля с кустами!) огромный камень перегородил поток, и вся мощь реки сотрясала глыбу и берег. Вот это порог! Вал высотою метра три-четыре! Но лодки и катамаран благополучно преодолели и этот страж каньона. За поворотом, на широком плесе, нас встретил вольный ветер...»

Катамаран и другие лодки меня не так волновали, как «Таймень». Читая этот отчет в журнале «Турист», с ухающим сердцем за «Тайменем» следила, потому что на его борту не молодые дюжие парни — начальник научно-спортивной экспедиции, отправившейся на Колыму в эти безлюдные места, он же летописец, автор вышеприведенных строк — давно уже дед, а на носу лодки, летящей в вихре струй с порога, — его внук. Хоть и рослый, но ведь школьник, мальчишка! Сам в опасности — это ладно, а вот если кровный внук... Зачем такие испытания? Ну прошлись бы по Под-

московью, спустились бы по тихой Истре, как тысячи туристов, а то ведь — «каньон», «прижим», «порог», ледяные волны, накрывающие с головой...

Но дед, Макарыч — он мой коллега, журналист, — просто не способен жить иначе. Представить не может, как это — и за что?! — лишить себя месяца «потрясающих событий». Издавна все отпуска проводил в походах, экспедициях. И на пенсии не угомонился. Считает, если есть цель, будешь жить, пока ее не осуществишь, а цель у него большая — увидеть то, чего еще не видал.

Сколько трудных рек, речек прошел от Кольского полуострова до Сахалина! И каждый поход — первопрохождение. Конечно, в эти места чаще всего уже забредали местные жители или геологи, но нога туристов не ступала, потому и «перво».

Трудные экспедиции затеваются не только для того, чтобы силу воли испытать. Сделать описание нового, ими проложенного туристского маршрута, снять фильм для телевизионного клуба кинопутешественников, выступить потом с отчетом в Московском филиале Географического общества АН СССР... Это много, важно. А Макарыч считает — мало. Во время путешествия ведут наблюдения за флорой, фауной, этнографическую работу... В группе появился профессиональный геолог, стали привозить геологические отчеты, образцы — ведь иногда попадешь туда, где геологи еще не побывали...

Если перечислить все, что они делают, можно подумать, что собралось несколько десятков человек. А их обычно десять — двенадцать, но каждый в семи лицах.

Поэтому группа подбирается тщательно. У Макарыча и тут высокая цель — создать «модель идеального общества». Изучает, как подбирали себе сотоварищей великие путешественники.

Надо, чтобы ты многое умел делать. Чтоб ты был интересен другим, располагал информацией, которую все бы жаждали от тебя получить. Чтоб умел себя пересилить и не показать другим, как устал. Чтоб способен был устроить праздник, когда все вымота-

ны до предела, ставить палатку приготовить ужин чтоб захотелось сен перед сном. ответствовать тр Работал, как все, был, как у всех.

Наступает твой Именинника освоб ему цветы. Вечер разговоры у костр разные задания, в зать о первой люб как раз в день кузи лыме было, а в Бол к веселью присоеди на противоположно

ны до предела, и думают лишь об одном, как бы поставить палатку и вползти в нее, не раздеваясь, приготовить ужин, красиво его накрыть, всех взбодрить, чтоб захотелось взять в руки гитару и спеть пару песен перед сном. Матрос Кузин, внук, должен был соответствовать требованиям «идеального общества». Работал, как все, — и день туристских именин у него был, как у всех.

Наступает твой черед — и в твою честь праздник. Именинника освобождают от дежурства, все собирают ему цветы. Вечером — торжественный ужин, стихи, разговоры у костра (тему задает именинник; самые разные задания, вплоть до лирических — рассказать о первой любви), песни под гитару. Однажды, как раз в день кузинских именин, но это уже не на Колыме было, а в Большеземельской тундре, на Индиге, к веселью присоединились зайцы. Вдруг заметили их на противоположном берегу, зачарованно двигав-

шихся под музыку. А один, крупный, черный, подпрыгивал в такт и даже совершал кульбиты. Как только гитара смолкла, танцоры замерли, потом бросились врассыпную — чудеса!

А через несколько дней, когда вышли к морю, увидели розовую чайку — редкостную птицу!

Прежде чем дед взял внука с собой в экспедицию, он, можно сказать, прошел большую подготовку.

Отец у Андрея — домосед. Не любит всякие вылазки на природу, походы, а мать — напротив. Но мальчишки чаще всего подражают отцам, мужчинам, и ей, может, и не удалось бы привить сыну дух путешественника, если бы не дед. Дед с бабушкой собираются в воскресенье на [illegible], и внук — за дедом: «Макалыч, Макалыч...» Потом стал ходить с ним в несложные походы с маленьким рюкзачком за плечами. Он рос, рюкзак увеличивался. Любил слушать дедовские рассказы об экспедициях, смотреть слайды.

Во всех рассказах Макарыча — каскад острых ощущений, острых переживаний. Они его захватывают и несут:

— Начинается шивера — разбросанные, из воды торчащие камни. Могут тянуться на километр и больше. В резиновых сапогах, в спасжилете прыгаешь с камня на камень, а река кипит! Самому бы удержаться, а надо еще байдарку на веревке удержать, она тяжеленная! Соскользнул с камня, упал, воды нахлебался, потащило тебя, заклинило... Зато потом выберешься на берег — цел! — все засияет вокруг. Солнце какое, небо синее! Трава зеленая! И жук ползет по травинке!

А если еще прибавить сознание, что все можно с внуком разделить...

Одного из участников экспедиции, молодого психолога, расспрашивала: «Вылезал ли дед из начальника?» Считает, что Макарыч, в общем-то, неплохо держался, но бывало, конечно... Ужинаем — вдруг говорит мне: «Положи ребенку мяса!» Я даже не сразу сообразил, какому ребенку. По мне этот «ребенок» — здоровенный парень.

— Не стра
задаю вопрос.
— Однажд
мамочки! Где
губе подошли,
Думал — все,
ступают, не дела
ле этого решил

А внук тепер
студент. Будущи

Макарыч не
Да у него и не бы
мы. Живет, как
перенимать. Хотя
ет, куда его студ
нятное удовлетво
дать — горько н
пример никого не
в советы, наставле

«Господи, как с
ливы!» — вздыхаем
насущной потребно
вестное, банальное!
ное, отмахивались
следовали, но тепер
их цене, хотят предо
слушают. Так, может

Нередко пожилог
шат из-за пробелов
прожил, а не усвоил,
когда об этом просят
ренным, что ты сам и
поводу интересны том
в отношениях при это
степень близости, искре
раз и навсегда установ
рю, ты слушай...» Что
только в общении с дру
жайшими родственникам
шими.

Не так давно позн

— Не страшно было? — уже самому Макарычу задаю вопрос. — Внук все-таки...

— Однажды его лодку впереди не увидел — ой, мамочки! Где они, что они?! Мы как раз к Чешской губе подошли, отлив начался — не унесло ли в море? Думал — все, сейчас умру! Хирурги правильно поступают, не делая операций родственникам. Вот и я после этого решил: близких с собой больше не беру.

А внук теперь сам ходит, со своей группой. Уже студент. Будущий геолог.

Макарыч не кичится: это я привил, это от меня. Да у него и не было какой-то воспитательной программы. Живет, как знает, и внук рядом, вольно ж ему перенимать. Хотя не без удовлетворения рассказывает, куда его студент нынче летом собирается. Понятное удовлетворение. Опыт всегда хочется передать — горько не передать. Но когда собственный пример никого не заражает, это желание выливается в советы, наставления.

«Господи, как старики любят учить, как они занудливы!» — вздыхаем и сердимся мы, не понимая этой насущной потребности. «Твердят одно и то же, известное, банальное!» Они в свое время тоже, наверное, отмахивались от готовых истин, не всегда им следовали, но теперь, когда сама жизнь убедила в их цене, хотят предостеречь от ошибок детей. Дети не слушают. Так, может, внуки...

Нередко пожилого человека не слушают, не слышат из-за пробелов в его большом опыте. Немало прожил, а не усвоил, что советы лучше всего давать, когда об этом просят. В ином случае надо быть уверенным, что ты сам и твое мнение по определенному поводу интересны тому, кого хочется наставить. Что в отношениях при этом должна быть определенная степень близости, искренности, демократичности, а не раз и навсегда установленная субординация: «Я говорю, ты слушай...» Что такт — вещь нелишняя не только в общении с друзьями, знакомыми, но и с ближайшими родственниками, в том числе с самыми младшими.

Не так давно познакомилась я с Николаем Федоро-

вичем Шаренковым. Меня интересовали люди, которые, несмотря на почтенный возраст, живут столь насыщенно и интересно, что напрочь опрокидывают расхожее мнение о старости как поре доживания.

Мои коллеги, друзья, которых случай сводил с такими людьми, записывали для меня их адреса, телефоны. Так я и на Николая Федоровича вышла.

Звоню, попадаю в поле доброжелательности:

— Мне к вам приехать, или вы сами хотите меня посетить?

Ну позволительно ли, думаю, заставлять восьмидесятипятилетнего человека ехать в такую жару на электричке из зеленого [illegible]ковского в раскаленную Москву? Конечно, сама отправлюсь.

— Но я хочу предупредить, что скоро уезжаю. В родные места, в Смол[illegible]кую область. Недели на три, не меньше. Ведь тол[illegible] туда добираться неделю.

— В Смоленск — недорого! — удивляюсь.

— Я же на велосипеде.

Вот так он живет. Здоровье не природой даровано.

Сам себе его отвоевал, сберег, несмотря на войну, напряженную работу.

— Можете себе представить, — рассуждает этот высокий, по-юношески стройный человек, — я до двенадцати лет не рос. Был чуть выше стола. Ну а время-то какое — лихое, голодное! А потом «Крестьянская газета» (я туда заметки писал, и видно, почувствовали они в малограмотном деревенском парне тягу к знаниям) направила меня в Тбилиси, на рабфак при Политехническом институте, а там замечательно была поставлена физкультура. Не то что сейчас в школах! Недавно по просьбе горсовета уроки физкультуры проверял — так расстроился!.. На рабфаке я и начал расти. Вот что значит физкультура. С тех пор не расстаюсь с ней.

Николай Федорович встает каждый день в пять тридцать. Зарядка, пробежка, купание в Москве-реке до холодов: «Надо завтрак заработать». После завтрака — дела, у него много общественных дел. Стал, например, одним из учредителей городского клуба

велосипедистов, от стариков до [illegible] тересное.

В разгар нашей зянин дома, а я тол странно, потом ста лам (обычно лишь днетах, позах, упра понедельника), вер убеждать. Ни к чем кладези здоровья, ступны каждому и ч лась — волна симп несла несколько в с

В разгар нашего звонок, и по тому, н поняла, что он его о

— Это ты? Наконе он спросил?.. Ты так Теперь бы тебе отдох тельно все доложу...

— Внучка, Катя, — замен сдала. Ей сейчас но учится, сдает все на

Нельзя было не по просто из вежливости: На другом конце пров ности, а на этом — на желание рассказывать е

Мы не всегда охотно ними, хотя знаем, их во порадуются, неудачей ого к внешним, если можно ни, а не к душевным дви сам. Нам ничего не угро войны. Близость настоящ уверенности: все, что с для другого.

Я узнала, когда Катя Если уезжал куда-нибу детей

велосипедистов, членом правления. Народ в клубе — от стариков до подростков — и общение очень интересное.

В разгар нашего разговора... Впрочем, говорил хозяин дома, а я только слушала, на ус мотала и, как ни странно, потом стала следовать некоторым его правилам (обычно лишь информацию собираешь о разных диетах, позах, упражнениях и клянешься себе начать с понедельника), вероятно, у него особая способность убеждать. Ни к чему не призывает, а открывает тебе кладези здоровья, сам удивляясь, насколько они доступны каждому и чудодейственны. Кажется, я отвлеклась — волна симпатии к Николаю Федоровичу отнесла несколько в сторону.

В разгар нашего разговора раздался телефонный звонок, и по тому, как мой собеседник снял трубку, поняла, что он его очень ждал.

— Это ты? Наконец-то! Ну как?.. Молодец!.. Что же он спросил?.. Ты так и ответила? Я тобой горжусь... Теперь бы тебе отдохнуть немного... Бабушке я обязательно все доложу...

— Внучка, Катя, — объяснил мне, улыбаясь. — Экзамен сдала. Ей сейчас трудно — маленький ребенок, но учится, сдает все на пятерки.

Нельзя было не почувствовать, что этот звонок не просто из вежливости: старики волнуются — успокою. На другом конце провода не скупились на подробности, а на этом — на цепкие вопросы, разжигающие желание рассказывать еще и еще.

Мы не всегда охотно и не всем делимся с близкими, хотя знаем, их волнуют наши дела — успеху порадуются, неудачей огорчатся. Но часто этот интерес к внешним, если можно так сказать, событиям жизни, а не к душевным движениям, сомнениям, кризисам. Нам ничего не угрожает извне, и близкие спокойны. Близость настоящая возникает только при уверенности: все, что с тобой происходит, значимо для другого.

Я узнала, когда Катя росла, он писал ей письма. Если уезжал куда-нибудь — само собой, но если и не уезжал. У детей много трудностей. Даже родители

не всегда понимают, что творится с их ребенком, а человек растет, и наступает пора, когда ему самому уже неплохо бы в себе разобраться. Вот дед и помогал, писал. Мне довелось познакомиться с этими письмами.

«Дорогая Катенька!

По годам ты находишься еще в отрочестве, а по своему развитию уже вступаешь в юность, лучшую, самую интересную и самую ответственную пору. Передаю тебе книгу В. А. Сухомлинского «Письма к сыну» (ты знаешь, это талантливый советский педагог, известный во всем мире), она настолько ценна, полезна, что я очень и очень советую тебе прочесть ее внимательно и даже при таком условии, если в отдельных местах она покажется или непонятной или неинтересной.

Если бы ты спросила меня, о чем эта книга, я ответил бы примерно так: хочешь получить ответы на вопросы: как жить? кем быть? какой быть? — ты найдешь их здесь, если будешь читать серьезно. Советую наиболее понравившиеся места даже выписать. Ну а потом поделишься своими впечатлениями.

Целую тебя. Деда Коля».

«Милая, дорогая наша барышня-крестьянка!

Мы с бабушкой несколько дней отдыхали на даче в Абрамцеве. Места там чудесные, красоты необычайной! Дача в смешанном лесу, рядом — речка Воря, чуть дальше пруд большой с проточной водой, а еще дальше — 25—30 минут ходьбы — знаменитый музей «Абрамцево», дом писателя Аксакова, затем — известного мецената искусств Мамонтова, где бывали в свое время Гоголь, Тургенев, многие художники...

Конечно, мы с бабушкой посетили этот заповедный храм искусств.

Вчера, приехав домой, мы обнаружили в почте твое долгожданное письмо, которому так обрадовались, что тут же, не раздеваясь и не разбирая вещи, набросились на него, открыли конверт и с жадностью начали читать, не торопясь, так сказать, со вкусом и наслаждением.

Откровенно признаемся, что мы не беспокоимся

за тебя, питаем надежду, что не спасуешь ни перед какими трудностями, потому что понимаешь: всякие трудности в конечном счете — обычное упражнение в закалке характера, физических и нравственных сил, упражнение для каждого, кто не желает быть в жизни неудачником...

Всякая трудность тяжела и неприятна только в момент переживания ее. Но в каждой трудности есть дальняя перспектива: отдача добра окупается сторицей.

Милая Катенька, от души желаем тебе и твоим друзьям по лагерю, девочкам и мальчикам, всяческих успехов в труде и хорошего отдыха. И даем совет — повторять девиз воспитанников Макаренко: «Не пищать!»

«Дорогая наша внученька Катюша!

Вот и пришло твое совершеннолетие... Скоро ты получишь «пурпурную книжицу» — паспорт советского гражданина.

От всего сердца поздравляем тебя с днем рождения и первым твоим знаменательным юбилеем. Желаем тебе всего самого доброго: умей сама делать и беречь свое здоровье; окончив школу или вуз, всю жизнь учись... Руководствуйся во всех делах золотыми словами Павлова, обращенными к молодежи: не давай гордыне овладеть собой, из-за нее ты будешь упорствовать там, где нужно согласиться, откажешься от полезного совета и дружеской помощи, утратишь меру объективности... Главное — это скромность, говорил он и призывал быть страстным в работе, во всех исканиях. Будь добра к людям, особенно к детям и престарелым. А когда тебя настигнет любовь — будь нежной и разумно хладнокровной, честной и священно верной, имей мужество попросить прощение и простить. Будь всегда Человеком Красивым...

Крепко целуем тебя, бабушка и дед Шаренковы».

«Дорогая Катюша.

Итак, все твое счастливое, бесконечно-чудесное — детство, отрочество, юность, школа, экзамены, послед-

ний звонок, выпускной бал — все позади.

И вот открылась дверь в новую полосу твоей жизни — молодость...

Люди, дожившие до 60, 70, 80 лет, часто (да мы знаем это по себе) каются: «Ведь говорили же мне в свое время... Не послушался, дурак!..» Или: «Как жаль, очень жаль, что в юности меня никто не остановил, не надоумил...» Да, жаль.. Но увы! Поздно уже...

Видимо, вот эти самые «Ведь говорили же мне», и «Как жаль» и побуждают нас, ветеранов, время от времени обращаться к юному поколению, особенно к родным, близким нам [illegible] навязчивыми советами. Хотя вам, наверное, не понять чувств, переживаний, мучений, которые мы испытываем (иногда и ночи не спим), наблюдая за ва[illegible]

В канун каждого э[illegible]ой жизни мы с бабушкой в силу своих скромных [illegible] и опыта не забывали поделиться с тобой некоторыми своими мыслями, чтобы тебе не открывать лишних «Америк».

Из писем подобного характера это, должно быть, последнее. Потому что молодость более длительный этап жизни в сравнении с предыдущими, и нам вряд ли выпадет счастье прожить его с тобой полностью. Как это ни грустно, законы природы остаются до жестокости точными, неумолимыми...

Ты была одной из первых в классе, если не ска-зать — в школе. И нам очень хочется, чтобы ты такой же и оставалась во взрослой жизни. Но для этого нельзя ослаблять требовательности к себе.

Признаемся, мы с некоторой тревогой наблюдаем, что ты пока и не заикаешься о поступлении на курс в университет. Почему? Откуда вдруг эта беспечность, так не характерная для тебя?

Главные антиподы лучших человеческих качеств, которые на каждом шагу борются с нами, — самоуспокоенность, лень и безответственность, жадность и грубость, обывательщина и мещанство. Берегись, бойся их, как самой страшной болезни...

Разумеется, мы не призываем тебя к аскетизму и сухости. Нет, пожалуйста, будь веселой, какая ты и есть, модницей. Но не теряй чувство меры. Главное (это

вы «проходили») н
форма должна быт
ния — в этом сила

И последнее, г
внимание и вежлив
бора. Гражданствен
венному. И всегда:
старшему, родному

Хочется нам бы
ешь: обращаемся к
му, что беспредельно
тебе никто никогда н

В добрый путь, Ка
Целуем тебя, бабу

— Ну что? — спр
узнав, что прочла пи
ные дедовские излия

Он вовсе не надея
и заживет по прописи
лась, что не на все обр
но: ее, принимавшую в
чание, совет, дедовски
раздражали. Может, к
Такта, внимания, открыт

Николай Федорович
достает в отношениях ме
подзагал в школе, все зна
о родителях, днях их рож
и спросить, кто как поздр
готовил к этому дню. Л
разить. И одно дело —
письмо, знак. На всю жи

Побольше нам всем т
кости.

Попытаемся понять

На самых старших в
столь же часто, как на в
ка: «И чего у него та
ди, или трудно с ни

вы «проходили») не в форме, а в содержании, с коим форма должна быть в соответствии и согласии. Гармония — в этом сила красивого.

И последнее, главное из главных — скромность, внимание и вежливость к людям — ко всем, без разбора. Гражданственность, подчинение личного общественному. И всегда: себе — меньшее и худшее, другу, старшему, родному — большее и лучшее.

Хочется нам быть уверенными, что ты понимаешь: обращаемся к твоим чувствам и сознанию потому, что беспредельно любим тебя. И потому что ЭТОГО тебе никто никогда не скажет.

В добрый путь, Катенька! Ни пуха, ни пера!

Целуем тебя, бабушка и дед».

— Ну что? — спросил меня Николай Федорович, узнав, что прочла письма. — Наивные и старомодные дедовские излияния?

Он вовсе не надеялся, что умная Катя все усвоит и заживет по прописям. Да и Катя сама признавалась, что не на все обратила внимание. Но удивительно: ее, принимавшую в ту пору в штыки любое замечание, совет, дедовские наставления почему-то не раздражали. Может, как раз из-за старомодности? Такта, внимания, открытости чувств...

Николай Федорович считает, что нынче этого недостает в отношениях между близкими. Когда он преподавал в школе, все знал о семьях своих учеников — о родителях, днях их рождения. Не забывал напомнить и спросить, кто как поздравил мать или отца, что приготовил к этому дню. Любишь — не стесняйся выразить. И одно дело — слово сказанное, другое — письмо, знак. На всю жизнь может остаться, греть.

Побольше нам всем такой дедовской старомодности.

Попытаемся понять

На самых старших в семье жалуются, пожалуй, столь же часто, как на детей-подростков. Даже похоже: «И чего у него так характер испортился!», «Господи, как трудно с ними!», «Все есть и все равно чем-то

недовольны...», «Отдыхал бы спокойно, так нет! Довел всех до белого каления!..».

Дед с утра уже кричит:

— Со мной никто не желает считаться! Я всем мешаю! Дожил!

— В богадельню уйду! Подальше от вас!

В какую богадельню и кто возьмет туда вполне здорового человека, у которого есть жена, дочь, сын, внуки?

Живет он в коттедже среди сосен в подмосковном городке. И так хорошо было совсем недавно в этом доме! Все шло по давно заведенному распорядку.

Дед вставал раньше [illegible] след за ним бабушка — проводить его на работу. С утра по особой сосредоточенности чувствовалось, как плотно его время. Молча брился, молча садился за стол, не сразу слышал бабушкины слова, медленно отвечал на ее вопросы. Видно, перебирал мысленно, что сегодня предстоит; настраиваясь на четкость, отдавал короткие, как в операционной, команды: ложку! вилку! чай! спасибо! рубашку! галстук!.. Дед был не хирургом — строителем. Не рядовым прорабом — каждое утро к калитке подкатывала персональная машина.

Он уезжал, когда домашние — дочь, зять, внук, внучка — только начинали вставать, и возвращался когда все успевали поужинать. Ложился вздремнуть на полчасика перед программой «Время», и в доме ходили на цыпочках: дед устал, дед тянет воз, ему нужен покой... Свободных суббот у него не было. Из воскресенье прихватывал папку с бумагами и отрывался от нее перед обедом, когда обычно приезжали сын с невесткой из Москвы. Здесь хранили традиции и бабушкин вздох за обедом тоже был традиционным.

— Может, хватит тебе так работать? Хорохоришься, а у самого полны карманы валидола.

Дед тоже в ответ вздыхал:

— А на кого все оставить?

И вдруг все смешалось!

Однажды дед вернулся раньше обычного.

— Что с тобой?

плохо?

— С чего ты взя

таю! Остались мел

Почему ты так смо

Давайте ужинать! Эт

Он был возбужде

домашние поняли, чт

ком-то высоком совещ

в отставку!» — и вме

ной игре ответа: «За

цену...» — услышал:

ли...» Это в любом сл

дед — сильный. Он в

ком и внучкой, хвастая

щал в ближайшие дни

ской Армии и удивился

гять. Внучку пригласил

герея в Лаврушинском

Строил какие-то несво

жекты: «Теперь заживу

день о них не вспомнил

Неприкаянно бродил

жил, что рядом течет ж

никакого отношения. Он

ет о близких. Куда это

В секцию самбо? Кто на

-ему с ним не посове

классницы немало троек

ни! — обвинял дочь и зя

надо заниматься. — Упуст

делал замечания, давал

раздражало.

Мечтал читать — не ч

гулять? Там бабушка. Ого

гулять не умеет: «Ходить

равился в магазин и, вери

близких: «Все хотят только

работать!» — будто пустые

Знакомая ситуация. Ес

дал, в кино видел. Это

— Что с тобой? — встревожилась бабушка. — Тебе плохо?

— С чего ты взяла? Напротив! Я больше не работаю! Остались мелочи: сдать, передать оформить... Почему ты так смотришь, почему не рада? Где все? Давайте ужинать! Это надо отметить.

Он был возбужден, шутил. По отдельным репликам домашние поняли, что произошло. Дед вскипел на каком-то высоком совещании: «Если не устраиваю — могу в отставку!» — и вместо полагающегося в этой известной игре ответа: «Зачем же вы так? Мы знаем вам цену...» — услышал: «Видимо, вы действительно устали...» Это в любом случае больно и обидно. Но ведь дед — сильный. Он веселился, подшучивал над внуком и внучкой, хвастаясь предстоящей свободой. Обещал в ближайшие дни свозить внука в музей Советской Армии и удивился, узнав, что он уже был там раз пять. Внучку пригласил в Третьяковку, не ведая что галерея в Лаврушинском уже лет пять как закрыта. Строил какие-то несвойственные ему красивые прожекты: «Теперь заживу!» — но уже на следующий день о них не вспомнил.

Неприкаянно бродил по дому. И вдруг обнаружил, что рядом течет жизнь, к которой он не имеет никакого отношения. Он, оказывается, ничего не знает о близких. Куда это внук спешит после школы? В секцию самбо? Кто надоумил? Кто разрешил? Почему с ним не посоветовались? У внучки-восьмиклассницы немало троек. «Вы не занимаетесь детьми! — обвинял дочь и зятя, не представляя, как ими надо заниматься. — Упустили!.. Распустили!» Он всем делал замечания, давал нелепые указания. Его все раздражало.

Мечтал читать — не читается. Не кухней же заниматься? Там бабушка. Огородом? Но и тут ее позиции. Гулять не умеет: «Ходить без цели? Идиотизм!» Отправился в магазин и, вернувшись, обрушил гнев на близких: «Все хотят только есть и никто не желает работать!» — будто пустые полки — их происки.

Знакомая ситуация. Если кто-то вблизи не наблюдал, в кино видел. Это же, как две капли воды, Абри-

косов из «Частной жизни». Человек, у которого ничего нет, кроме работы, а ее отняли. Социальный тип. Мы долго твердили о всестороннем гармоническом развитии личности, а героем кинолент, романов, газетных очерков оставался тот, кто работает, еще раз работает, весь, целиком в деле. И в сознание внедрялось: ничего другого ценного и значимого вообще нет. Устраивая испытание Абрикосову, авторы фильма оставляют ему надежду: он ждет звонка. Его позовут!

А хозяин коттеджа — не киногерой, он ничего не ждет. Домашние в ожидании — непредсказуемых взрывов, обид.

В воскресенье, [illegible] приехали сын с невесткой. Выслушали [illegible] деда на невозможное житье.

— Ему надо помогать! — решительно сказала невестка.

— Помогать? — удивились все. — Ему, который командует, как на плацу?

— Да. Потому [illegible] все может кончиться инфарктом, инсультом — чем угодно. Ему, может, никогда еще не было так трудно, как сейчас! Ему муторно, не знает, куда себя деть, а мы кричим: прекрати!

Она объяснила, как надо действовать. Завтра пойти на его прежнюю работу — он же сам не пойдет! — попросить, чтобы нашли ему достойное общественное дело — сам не попросит! — пригласили, убедили, что без его помощи не обойдутся. И в доме его так же надо включать в общую жизнь. Устали от указаний — так попробуйте с ним советоваться! Он привык быть незаменимым, а его везде и всюду отодвигают. На работе сказали: не нужен, и дома — не нужен! Ему сейчас как воздух важны впечатления, положительные эмоции, но никто и не подумал об этом. Не постарались даже купить туристические путевки — не удастся на пароход, так хоть на автобус — и отправить деда с бабушкой. Ей сейчас это тоже необходимо. Они же целый день ссорятся. Может, в поездке нормально поговорят, услышат друг друга... Хорошо.

Да, детям все это в голову не пришло. Хорошо, что невестка психолог...

Не умеем мы забо
что это они — опора
А когда с тыла — неп
Трудно осознать, что пр
что им теперь необход
держка внуков. Мы чаще
ся в причинах душевног
душки. «Какие еще причи
сейчас на пенсию!»

В названии нового п
служенный отдых. А спро
редко услышишь про поез
если останавливается на х
ного из седла. Дома дед
него доброго, глянут ир
сед

Почему-то часто считае
трудно лишь начальникам:
ваться не могут.

Но вот судьба свела мен
Он лет шесть как получил
Правда, уже не с прежней
ты и пенсии не должна был
него потолка, поэтому дядя М
не перерабатывал, имел до
И вдруг его сократили. Заво
ге самофинансирование, в ц
профессий и должностей, без
тать, а него и попал Михаил Ф
предложили место вахтера, а он
богать привык, а не сидеть и н
Жена думала, что он не пер
высказывала, несколько дней н
ился — не узнать. Она его угов
ы! Двух пенсий нам вполн
не могу без дела. Мне то
ок какой-нибудь, чтобы не раб
потряс у, полы, окна
Да разве ж это
День Победы наступи
ветами

Не умеем мы заботиться о родителях. Привыкли, что это они — опора и поддержка, надежный тыл. А когда с тыла — непокой и неуют, раздражаемся. Трудно осознать, что пришло время меняться местами, что им теперь необходима наша поддержка и поддержка внуков. Мы чаще даже не пытаемся разобраться в причинах душевного состояния бабушки или дедушки. «Какие еще причины? Мне бы их заботы! Мне бы сейчас на пенсию!»

В названии нового периода жизни благость: заслуженный отдых. А спросишь, как отдыхается, и нередко услышишь про поезд, который терпит крушение, если останавливается на ходу, про седока, выброшенного из седла. Дома дед такого не говорит. На него, чего доброго, глянут иронически: седок! От слова сед...

Почему-то часто считается, что выйти на пенсию трудно лишь начальникам: привилегии теряют и смириться не могут.

Но вот судьба свела меня с одним стропальщиком. Он лет шесть как получил пенсию, и все работал. Правда, уже не с прежней нагрузкой: сумма зарплаты и пенсии не должна была превышать определенного потолка, поэтому дядя Миша, как звали его в цехе, не перерабатывал, имел дополнительный выходной. И вдруг его сократили. Завод готовился к переходу на самофинансирование, в цехе составлялся список профессий и должностей, без которых можно обойтись, в него и попал Михаил Федорович. Правда, ему предложили место вахтера, а он жутко обиделся: «Я работать привык, а не сидеть и не стоять!»

Жена думала, что он не переживет случившегося. Рассказывала, несколько дней не пил, не ел, переменился — не узнать. Она его уговаривала: брось горевать! Двух пенсий нам вполне хватит, проживем. А он: не могу без дела. Мне тоже говорил: «Я же не сачок какой-нибудь, чтобы не работать. Вот дома половики потрясу, полы, окна вымою, жене постирать помогу — да разве ж это работа? Тоска!»

День Победы наступил — жена ватрушек напекла, дети и внуки с цветами пришли, а для него праздник

не в праздник. Пиджак парадный с боевыми орденами и медалями вынул из шкафа, да так и не надел, будто эти награды не имеют к нему отношения.

Два месяца искал место стропальщика, от всего другого отказывался. Нашел — воспрянул.

Чаще всего, уходя на пенсию, человек расстается не просто с работой — с любимым делом.

Привыкать к новым жизненным обстоятельствам, даже если в них перемены к лучшему, всегда нелегко. А с возрастом биологические и психологические защитные механизмы становятся менее гибкими. Это, кстати, один из признаков старения. Уход на пенсию не просто перемена — ломка всего привычного: режима, ритма жизни, [illegible] былых устремлений.

Женщины проще [illegible] бливаются к своему новому положению. [illegible] заняты по дому, уйдя на пенсию, рьяно [illegible] все запущенные дела погружаются в знакомые хлопоты. Мужчины нередко переживают перемены, как стресс.

Вглядитесь в дедовы трудности. Ему нелегко освоиться с новым социальным статусом. Возникает ощущение незащищенности. Раньше обо всех его нуждах заботился профком, а теперь... Приди туда за путевкой — не откажут как ветерану, но предложат что-нибудь невостребованное, на «мертвый сезон». А на лето, извините, работающим не хватает. Вот и крутится навязчиво в сознании: кто я теперь? Никто! Пенсионер. Бездельник. Можно бы совет дать: «Одергивайте себя. Вы не иждивенец. В общий котел, откуда мы все черпаем, вложили больше, чем стоит все ваше жизнеобеспечение...» — да ведь на каждом шагу напомнят, что ты уже отработанный винтик. В поликлинике: «Сколько вам лет? Так что же вы жалуетесь? Что вы хотите?» В автобусе: «Час пик — и старичья полно! Куда вам теперь спешить?» Сидят перед пожилыми удобно развалясь, широкоплечие юноши, внуки. В метро их уже не пытается поднять механический голос: «У нас принято...» Если просто так места не уступит — ничего, значит, не догадался юный товарищ, а если под голос... Это уже как бы демонстрация неуважения. И невольно думаешь, в какой же семье выро-

такой парень? Счита
здоровья человека, с
ется отношением к с
На протяжении мн
ся — здравоохранен
Мы гордились милли
на пенсии, и не заме
за чертой бедности. У
рос за последнее вре
ших пенсионеров уху
заются дешевые товар
дах работающих и жи
тые годы максимальна
средней зарплаты, а се
десяти процентов. Раны
работая, обеспечит ста
и что получил? 120 руб
деньгами, но сейчас на
гее десяти миллионов п
недавних пор пенсии ме
ше прожиточного миним
Разве может все эта
деда? Он вступил или
рость!

И в семье утрачивае
го была самая высокая за
гим детям на большие п
детельствуют социологи,
ление, чаще помогают детя
Пожилые люди выше це
А с ней бывает туго, даже
и стараются по мере сил
Наша общая беда —
ность, бескультурье. О тру
раста еще кое-что знаем
А вот о возрасте пожилом
Сейчас во всем мире
тологии, науке о старении,
ках появляются сотни иссл
по психологии старени
ках.

такой парень? Считается, что степень нравственного здоровья человека, семьи, общества в целом проверяется отношением к старикам. Почему мы так больны?

На протяжении многих лет нас учили всем гордиться — здравоохранением, социальным обеспечением... Мы гордились миллионами, которые общество тратит на пенсии, и не замечали, что многие старики живут за чертой бедности. Хотя средний размер пенсии вырос за последнее время, материальное положение наших пенсионеров ухудшилось: растут цены, вымываются дешевые товары. Увеличивается разрыв в доходах работающих и живущих на пенсию. В пятидесятые годы максимальная пенсия была в 1,6 раза выше средней зарплаты, а сейчас составляет меньше шестидесяти процентов. Раньше человек был уверен: хорошо работая, обеспечит старость, но вот доработался — и что получил? 120 рублей были когда-то неплохими деньгами, но сейчас на них не разживешься. А более десяти миллионов пожилых и стариков получали до недавних пор пенсии меньше шестидесяти рублей. Ниже прожиточного минимума!

Разве может все это не влиять на самочувствие деда? Он вступил или вступает в неуважаемую старость!

И в семье утрачивает прежнее положение. У него была самая высокая зарплата, мог подкинуть взрослым детям на большие покупки, а теперь... Хотя, свидетельствуют социологи, пенсионеры, даже неработающие, чаще помогают детям материально, чем дети им. Пожилые люди выше ценят моральную поддержку. А с ней бывает туго, даже если дети не жестоки, не злы и стараются по мере сил заботиться о родителях.

Наша общая беда — психологическая безграмотность, бескультурье. О трудностях подросткового возраста еще кое-что знаем. Можно что-то почитать. А вот о возрасте пожилом, старом...

Сейчас во всем мире огромен интерес к геронтологии, науке о старении. Ежегодно в развитых странах появляются сотни исследований, трудов. Но работ по психологии старения мало — и за рубежом и у нас.

«Доживете — узнаете», — любила говорить моя бабушка, когда мы, близкие, не понимали ее. Доживем — узнаем, но наши дети, внуки так же ничего не будут знать о нас.

С возрастом нарастает раздражительность, обидчивость, мнительность, тревожность, неуверенность. Это на фоне ухудшающегося здоровья. А мы все спешим свалить на характер. В детях еще пытаемся разобраться, в пожилых родителях чаще всего нет.

«Опять ты с разговорами. Недавно это рассказывал», — отмахиваемся от деда, от его потребности вспомнить прожитое, поделиться. Вот уже и внуки его обрывают: «Ну, [illegible]».

А что за этим? [illegible] потребностью? Естественное возрастное желание [illegible] в лучшие годы, когда много мог, или однообразие, скудость нынешней жизни?

Если прекращается работа, не компенсируется другими, значимыми для [illegible], может наступить ухудшение физического и психического состояния, подавленность. Так называемая пенсионная болезнь. Иначе чувствуют себя пожилые люди, у которых есть любимое дело, увлечение. По данным исследований, среди них значительно выше доля тех, кто удовлетворен новой жизнью. Некоторые даже считают, что она стала богаче, чем прежде.

Многое зависит от того, с чем ты пришел к пенсии, что за душой, какой круг интересов. Так или иначе, к этому периоду надо загодя готовиться, планировать его, и лучше при участии всей семьи.

Когда, скажем, ребенок идет в школу — о, какое это событие в семье! Все волнуются: как он привыкнет, как освоится. Мать планирует отпуск на сентябрь, отец на октябрь, подключается бабушка, нередко при этом расставаясь с работой. А когда старшие уходят на пенсию, вроде бы ничего не происходит, в семье в связи с этим ничего не планируется. Впрочем, не со всем так. Взрослые дети прикидывают, что переложить на плечи стариков и как распорядиться своим освободившимся временем. Хотя, конечно, неплохо и здесь определить, на какую помощь могут рассчитывать взрослые дети, чтобы не возникало потом обид

конфликтов из-за неопр
костей.

Некоторые бабушки
когда мы растили дете
предпочитают любоваться
ездить в гости с подар
тичная, и подарки ее не
Но альтруизм, беспре
тает свои издержки. Пох
вают на себя такой груз,
сизм. Это, правда, больш
дом иногда на ней, но и д
ди московских неработающ
38 процентов женщин и 20
ченных социологами, как н
нового положения отметили
нагрузки. Даже если и не ж
вызывают эти заботы огорче
но быть, куда денешься) или
это плохо сказывается на э
Нет новых впечатлений, редк
бывших сослуживцев и вооб
чувство одиночества.

Когда у пожилых нет свои
лей, они переносят все мечты
тей. Наталия Викторовна Пан
шийся проблемами третьего в
ГО ситуацию как духовное и
Вдовенчестве нередко бывает ж
наблюдать: дед при внуке от
тек ведет себя на работе, не
вмае («вот пойду к твоему на
У вас порядок!»). Что объясня
подобное вмешательство непозв
бенку за тридцать... Все хочу-н
дей и внуков («Хочу, чтобы
таю...» «Не хочу, чтобы внук д
мне уверены, что имеют внук
хозяйство, поддерживают пр
ственной работой, благо

конфликтов из-за неоправдавшихся ожиданий и крайностей.

Некоторые бабушки и дедушки рассуждают так: когда мы растили детей, нам никто не помогал, и предпочитают любоваться внуками издали и изредка ездить в гости с подарками. Позиция малосимпатичная, и подарки ее не оправдывают.

Но альтруизм, беспредельная самоотверженность таит свои издержки. Пожилые добровольно взваливают на себя такой груз, что он оказывается не по силам. Это, правда, больше бабушке угрожает, весь дом иногда на ней, но и дедушке «перепадает». Среди московских неработающих пенсионеров, к примеру, 38 процентов женщин и 20 процентов мужчин, опрошенных социологами, как негативную сторону своего нового положения отметили увеличившиеся домашние нагрузки. Даже если и не жалуются они, даже если не вызывают эти заботы огорчения (вроде бы так и должно быть, куда денешься) или раздражения, все равно это плохо сказывается на эмоциональном состоянии. Нет новых впечатлений, редки встречи с друзьями, от бывших сослуживцев и вовсе оторвались. Возникает чувство одиночества.

Когда у пожилых нет своих интересов, личных целей, они переносят все мечты, желания на жизнь детей. Наталия Викторовна Панина, психолог, занимающийся проблемами третьего возраста, определила такую ситуацию как духовное иждивенчество. При иждивенчестве нередко бывает жесткий диктат. Довелось наблюдать: дед при внуке отчитывает сына, что не так ведет себя на работе, не удостоился места повыше («Вот пойду к твоему начальнику и наведу там у вас порядок!»). Что объяснять, в жизнь подростка подобное вмешательство непозволительно, а если «ребенку» за тридцать... Все хочу-не хочу обращаются на детей и внуков («Хочу, чтобы дочь защитила диссертацию...» «Не хочу, чтобы внук пошел в ПТУ...»). И старшие уверены, что имеют право диктовать: они ведут хозяйство, поддерживают семью материально.

Это для всех благо, если пожилые заняты общественной работой, особенно связанной с прямой,

ощутимой пользой для других, если у дедушки или бабушки есть клуб, куда они могут пойти, встретить близких им по духу людей. Дед, который старается быть в курсе всех важных событий, может больше дать внукам.

Но в семье такая собственная жизнь не всегда встречает понимание («И чего они все какую-то деятельность изображают, лучше бы домом занимались...»). Молодым порой кажется, что у стареющих родителей не может быть никаких высоких желаний, потребности в самовыражении. Все в прошлом, а в настоящем естественны еда, сон, покой, добывание для семьи продуктов, мытье посуды. Но это далеко не так.

«...Все мы зажаты механизмом ценностей или иллюзий, работа которого сосредоточивается только с физическим или психическим старением личности. Механизм приводит в действие [illegible] и обиды, суетность и творческую страсть, — считает известный литературовед, философ Лидия Яковлевна Гинзбург. — Молодому кажется, что в шестьдесят лет это уже невозможно, шестидесятилетнему кажется, что ему еще можно, но вот в восемьдесят лет это, действительно, странно... А в восемьдесят лет человек с небывалой силой хочет быть избранным в академики...»

...Сегодня деду в семье, пожалуй, труднее, чем прежде. Ушло то время, когда авторитет держался лишь на числе прожитых лет. И ссылка на огромный опыт, на важные этапы, пройденные вместе со страной не помогает. Этапы ревизуются, с дедом спорят, ссорятся... И не всегда встанешь на его сторону.

Сложные чувства вызывает пожилой человек, который с пеной у рта доказывает, что нынешнюю рок-музыку надо «запретить», а телевидению «указать».

«Где романсы? Где вальсы? Где «Времена года» Чайковского? На чем же прикажете воспитывать молодых? И нечего удивляться, что они разболтаны. Посмотрите, как они танцуют! Посмотрите, как они одеты. Говорю одному: постригись, надень рубашечку нормальную, а не эту хламиду, галстучек завяжи, взгляни на себя в зеркало — мужчину увидишь...»

Это из конкретной речи. Оратор, несмотря на почтенный возраст, ведет большую общественную работу, занимается несовершеннолетними в своем микрорайоне. Неравнодушие, общественный темперамент достойны уважения, но лучше бы попросить этого человека о другом деле. Мог бы с его ответственностью заниматься в совете ветеранов вопросами трудоустройства, быта пенсионеров.... Воспитание — не его стезя.

Монологи, нотации для подростков все равно, что горох о стену, а у наставников из-за этого («Они ничего не желают понимать!») давление поднимается. Жизнь сегодня требует диалога с молодыми, и к нему не всякий готов.

Седина не прибавит весомости словам, если человек, прожив долгие годы, не усвоил элементарного: у каждого времени свои песни, своя музыка, своя одежда. Мода — не изобретение злого гения для развращения умов, она развивается по своим законам, и борьба с ней — хоть методом запретов, хоть методом уговоров — бессмысленна.

Славу богу, вроде бы уже не боремся, знаем, есть вещи куда важнее. Но в семьях нередко конфликты из-за разности вкусов.

«Интересно, чем молодых привлекает рок-музыка? Почему она им необходима? Они вот наслаждаются, а я лишь терплю, не понимаю. Это грустно... Видно, уже не пойму», — признался один пожилой человек.

Мудрость призналась. У безапелляционности другие доводы: все, что я не принимаю и не понимаю, пусто, вредно. Кажется, чего проще: не нравится музыка — попроси внука убавить звук, закрыть дверь но нет, дед уверен, что нельзя ее слушать! Портит она людей! И начинаются бессмысленные, изматывающие бои, которые слово за слово перекидываются на идеологический фронт. И уже звучит не «я» и «ты», а «мы» и «вы». Каждый выступает от имени поколения, выясняется, кто лучше, кто хуже... Еще не так давно деды в подобных спорах предъявляли серьезный счет: «Мы для вас революцию совершили, кровь в гражданскую проливали, а вы...» У тех, кто пришел им на смену, тоже

великие заслуги: «Мы в войну вас защитили! Вас бы не было, если бы...» А на что опереться дедам, которые войну не прошли, не успели? «Мы для вас работали не покладая рук...» Но ведь теперь, когда мы все многое узнали о собственной жизни, они могут услышать в ответ дерзкое: «Наработали... Все развалили!..»

— Меня мой внук назвал «застойщиком». Все вы, говорит, сталинисты и застойщики!

Вот так чохом, скопом разделался со всеми дедами.

Обижаться? Возмущаться? А какой прок? Тут повод для большого разговора, для серьезных размышлений, и отцу с матерью не стоит его упускать.

Редко в какой семье не обсуждаются сегодня общественные проблемы. Волнуют трагические новости из прошлого. Круто накрыла нас жизнь: что прошло — то ново. Сложно во всем разобраться, а молодым особенно. Мало знаний, осведомленности. Судят, рубят с плеча. Вопросы звучат как обвинение: «Где вы были? Что смотрели?», «Почему молчали?». На них надо отвечать. Искать ответа.

Как жил дед-«сталинист»?

Честно работал. И миллионы людей не щадили сил, свято веря, что приближают своим трудом «светлое будущее». Немало сделали. Могли бы больше, если бы...

Виноваты ли матросы, самоотверженно несущие вахту, что корабль сбивается с курса? Их же уверяют, что он идет, как надо, путь верный, единственно верный.

Из сегодняшнего дня мы воспринимаем то время только как страшное, черное, опутанное колючей проволокой, а бодрые песни как издевательство над людским страданием. Но песни были искренними, и им искренне, с упоением подпевали. В городах жизнь и в самом деле становилась сытнее, лучше, и тридцатые годы остались в памяти многих как годы праздников, энтузиазма. Все это не зачеркнешь в памяти. Не все знали, что после праздничных дней наступали страшные ночи: стук, звонки в двери, обыски, аресты. Но даже тот, кто знал, верил: так надо. Враги народа — действительно враги. Вот он, к примеру, ни

в чем не виноват — и его не арестуют, не за что.

Многие, чьи семьи миновала горькая чаша, кто не пережил личной трагедии, воспринимают то время как благодать, наступившую после победы над классовыми врагами, после разрухи, голода, холода. Разубедить их сложно, но важно, чтобы в молодых не прорастали идеи сталинщины.

Недавно по телевидению одна девушка-старшеклассница говорила о том, как сейчас трудно во всем разобраться. Все, что она узнает о Сталине, — это ужасно, а вот среди ее близких не все согласны с обвинениями в его адрес, считают, что только при нем был порядок, что только при нем хотелось работать...

Обстановка в некоторых семьях похожа на состояние гражданской войны. Слава богу, доносительство отцвело и само слово «донос» перестало быть синонимом «святого долга» перед народом.

Можно не принимать и не разделять заблуждения деда, но это никак не должно мешать стремлению понять его самого. Как он может себя чувствовать, если постоянно слышит от близких: «Вы все оболваненные, идеологически обработанные жертвы!» Он не считает себя жертвой, да еще оболваненной, а ему опять, настойчиво... Будто добиваются признания, что прожил жизнь бесполезно, всеми силами хотят заставить в это поверить. А это обидно, горько: жизнь-то одна. Лучше бы помогать ему другое увидеть: он старался жить честно, несмотря ни на что. Он немало хорошего испытал и немало хорошего сделал. Ему есть, что оставить...

В идейных семейных боях внукам (да и дедам!) надо понять, что любое поколение, любое «мы» — это множество разных «я».

Сегодня мы знаем, что и во времена сталинщины не все молчали. Кажется, немыслимо сопротивление при тотальном терроре и доносительстве, но вот сопротивлялись, противостояли. Гибли. В застойные времена мы утешали друг друга: «Хорошо хоть не стреляют, хорошо хоть не сажают, но командно-бюрократическая система ломала судьбы сильных, талантливых. Не стреляли, хотя нередко сажали за ина-

комыслие, сами мысли, если успели вылиться на бумагу, арестовывались. Сталинизм был жив, проявлялся в жесткой регламентации личности. Человеку диктовали, как он должен работать, что он должен знать и чего не должен, что он должен видеть и чего нет, как думать, как чувствовать.

От социологов доводилось слышать: при опросах пожилых людей довольно сложно получить объективную картину, потому что они склонны к социально-ожидаемым [illegible] примеру, на вопрос: «Хватает ли вам пенсии [illegible] удовлетворения ваших потребностей?» — не [illegible] отвечают: «Да», хотя еле сводят концы [illegible] Не сказать об этом как-то совестно: пенсионеры [illegible] стране не могут жить плохо, ведь о них [illegible] государство. Спасибо ему, требовать больше [illegible] сознательно.

Вот и дед, [illegible] внук отнес и к «сталинистам», и к «застойщикам», [illegible] сознательных. Так что, в вину ему это поставить? За счет околпаченности отнести? Жизнь он прожил — худо ли, бедно ли — с чувством ответственности за свое дело. А есть ли, будет ли у нас эта ответственность за то новое, что начинаем сегодня?

Легко судить деда за неприятие инакомыслия, за страх перед ним. А чем мы заслужили право на суд? С каких нравственных позиций его судим? Есть ли у нас четкие критерии добра и зла и как мы им следуем?

Вот, наверное, какие вопросы должны звучать сейчас в семье, когда выясняются взаимоотношения поколений. Время двойной морали кончилось, будем надеяться, навсегда. Дедов вот судим, а мы, среднее поколение, родители, как жили еще вчера? Детям говорили одно, между собой, когда отправляли их спать, — другое. Если и допускали к взрослым разговорам — должны же они хоть что-то знать и учиться думать, — не забывали предупредить: в школе об этом — ни-ни! Неприятностей не оберешься. Дома рассуждай, в школе отвечай. Так надо. Неужели это было вчера? Кажется, век прожили, настолько раскрепостилось чувство самосознания.

Гласность вернула нам право называть вещи своими именами. Говори, что хочешь, говори, не оглядываясь.

Но это не значит, говори не думая. Нам сейчас надо понять свое прошлое, а лучше всего его поймешь, поняв жизнь деда.

Как жил ваш дед?

В общем-то, непросто. Думаете, приспосабливаться легко? Все время старайся угадать, что там — глаза вверх — думают или собираются подумать. Гляди и вверх и под ноги, стараясь не оступиться. Сегодня сказал одно, а завтра линия изменилась. А ведь надо выглядеть искренним и других искренне убеждать. Среди них есть такие, что косятся, не уважают... Снобы, чистоплюи. Им легко не уважать, их на ковер не вызывают, а он за всех них, за все и вся должен ответ держать. И утешал себя тем, что, попади они сами в его кресло, еще не так бы завертелись.

Что же заставляло его так жить? Философия: все мы люди, все мы человеки. Кому охота отказываться от того, что дают. Вот себе, детям, внукам безбедную жизнь обеспечил. Он служака, он честно служил, делал то, что требовало время. Не предполагал, что наступит другое время, когда «чистюли» его будут судить, припоминать, что когда сказал, что сделал. Вот и семья попрекает, что репутацию семейную подмочил. Ну как детям и внукам такого деда не судить? Судят и с удовольствием пользуются тем, что дед нажил, а то еще и хуже — присвоил, сетуют, что возможностей для красивой жизни поубавилось...

Суд этот более безнравственен, чем дедова жизнь.

А ваш дед; как он жил?

Крест нес. И семья вместе с ним. Сначала жена, а потом и дети. Не раз его увольняли, освобождали, потому что воровство и обман государства прощали легче, чем слово, сказанное поперек, из партии исключали. Обвешивали тяжкими грехами: «шаги вразрез с политикой», «самоуправство», «неуважение мнения большинства». В одном документе записали, что он «редкое явление, ибо на него не действует никакое влияние, никакие меры». Пока доказывал свою правоту, два инфаркта перенес.

Противоборство таких людей, как он, и подготовило сегодняшний день.

Не почему он так жил? Мог бы и легко и безбедно. В том-то и дело, что не мог. Не мог подменять дело его [illegible] лгать, приспосабливаться, кри[illegible] Твердо знал, что никакое [illegible] не может быть во благо. Нравственность неде[illegible] Она одна на все времена.

Спрашивайте деда. Расспрашивайте дедов. Это так сейчас [illegible] — понять прошлое. Понять прошлое [illegible] свое место в настоящем. Сде[illegible]лать выбор.

[illegible] человека в троллейбусе. Он [illegible] сиденье рядом с компостером, лицом [illegible] и, казалось, занял это место не [illegible]. Поглядывал входящих, охотно откликался на [illegible] пробить билетик, возвращая его, непременно говорил «пожалуйста» и был доволен машинальным «спасибо». Попытался заговорить со своей соседкой:

— Как надоела слякоть! Вы не знаете, сколько сегодня градусов?

Молодая женщина с хмурым лицом буркнула «не знаю», и разговор иссяк.

Стоящему рядом с ним парню сообщил, что с Савеловского сегодня электрички не ходят, но парень этой информацией не заинтересовался, только глянул внимательно на словоохотливого пассажира в старенькой кожаной ушанке с каракулем и таким же каракулевым воротником, из-под которого торчала булавка, заменявшая, видно, оторванную пуговицу, и тот смутился, будто вдруг понял, что у него не слишком презентабельный вид.

Когда хмурая женщина вышла и я села на ее место, он, тотчас осведомившись, который час, сокрушенно покачал головой.

— Рано, рано я сегодня...

Я сказала, что рано — не поздно, и он поспешно откликнулся:

— Да, да, да, это вы справедливо заметили. Я тоже

считаю: подождать — ничего не стоит, но сегодня слякоть и этот мокрый снег...

Было бы уже невежливо не спросить, что и почему придется ждать на улице. Так я узнала, что человек, старательно завязывающий тотчас расползающиеся контакты, едет в диетическую столовую завтракать — с другого конца Москвы. Я удивилась: в такую даль и в такую погоду — завтракать? Можно бы и дома чай вскипятить. Он объяснил, что это дорого обходится. После каждого выхода на кухню — скандал. Невестка его не терпит, все придирается — не туда положил, насорил, накрошил... Стараться бесполезно, она, видимо, не может без крика. Это для нее, как для другого зарядка. Начинает с тирады: «За что мне такое наказание? Почему я должна быть бесплатной прислугой?» — кончает «паршивым интеллигентом». Поэтому он старается не показываться на кухне, даже чайник не ставит.

— Ну, что вы, объясниться бесполезно, смешно. Когда нет причины... Впрочем, причина — это я сам. Если бы меня не было, ей было бы лучше, я это хорошо понимаю. Но я есть. Ну, что вы, разменяться... Они не хотят. Не хотят терять трехкомнатную квартиру, ведь я же когда-нибудь умру, а судиться с родными... Неприятно, стыдно. Раньше невестка работала, и я день жил спокойно, перед ее возвращением уходил гулять. Теперь она дома. Стаж для пенсии заработала и решила отдыхать. Сын один в состоянии семью содержать — он повар, и внучка скоро пойдет работать, кулинарное училище кончает. А я бухгалтером был, богатства не нажил, запасов нет. Может, поэтому я «интеллигент паршивый»? О чем вы спросили? А, внучка... Неплохая девочка, способная. Учится хорошо. Маленькая, привязана была к бабушке и ко мне. До детского сада на бабушкиных руках. Бабушка умерла семь лет назад, а от меня какой им прок? Внучка же видит отношение матери ко мне.

Глянув в окно, заметила, что мой собеседник проехал свою остановку. Но он не расстроился — напротив: ведь теперь не придется ждать у столовой. Сошел на остановке «Зоопарк» и под густым липким снегом

[illegible] ссутулившись к подземному переходу. Такой одинокий средь толпы! В столовой, наверное, опять будет с кем-то заговаривать — про погоду, про электрички... Успел рассказать, что весной и летом после завтрака идет обычно в Зоопарк — погулять, посидеть, птиц покормить. А куда денется сегодня? Недалеко есть читальня, там его уже знают, записали, хоть и район чужой, но целый день провести в читальне... А что с [illegible] завтра, потом, когда не сможет вот так целый [illegible] бродить по городу? Когда из дому будет трудно [illegible]

В дом-интернат [illegible] вряд ли возьмут: есть сын, социальный [illegible] ему не придет — он же не одинокий. Наверное, [illegible] его не оставят, но какой же это будет [illegible] дом!

Чем ему помочь? [illegible] сможет сына призвать к ответственности, [illegible] пристыдить? Такую не пристыдишь... Стыдно [illegible] человеку, который не ведает что творит, и когда глаза ему откроют — ужаснется. Можно в газету написать. Немало подобных историй появляется на газетных страницах. Только блага это не приносит. У чужих сердце заболит, у родных еще больше ожесточится: «Жаловаться надумал!» Да и не хотят, как правило, старые родители публичного позора своим детям.

На подобные статьи обычно приходит много откликов от людей, у которых болит сердце, от молодых, от пожилых. В них сочувствие, возмущение, попытка разобраться, как же это может быть в нашем обществе, и какое такое «отрицательное бытие» определило «отрицательное сознание». А некоторые авторы писем, сами прожившие немало, говорят о том, как нелегко со стариками («Признаемся, мы же бываем и капризны, и эгоистичны, требуем внимания, хотя видим, что дети так устали...»), но чуть что, все кидаются сочувствовать старикам. Если им плохо, значит, их обижают. Никто даже предположить не хочет, что может быть наоборот, что старики опускаются до наговоров на детей и внуков тем самым учат жаловаться на близких...

В одном доме для престарелых встретила дедушку,

который горько сетовал, что доживает век в казенных стенах под присмотром чужих людей, когда есть дочка, взрослые внучка и внук. И все с ним вздыхали: «Хороша дочка! Спихнула отца и навещает раз в месяц...» Потом выяснилось, что бедный папа бросил дочь, когда ей и года не исполнилось, бегал от алиментов, а под старость вдруг воспылал к ней и внукам такой любовью, что пожелал жить вместе под одной крышей. Благородно, что дочь навещает его, человека совершенно чужого, а он философствует: «Вот так живешь, растишь, а что в ответ?»

Вроде бы завсегдатай диетической столовой не похож на оговорщика. От хорошего не будешь целый день скитаться по городу. Кто знает, может, и сам он отчасти виноват, что стал бездомным, имея дом, не сумел себя поставить.

Говорят, жаловаться на взрослых детей все равно, что жаловаться на свой брак в инстанции. А если плохи невестки, зятья, тоже стоит оглянуться: был ли сам с ними хорош. Разумеется, старость — пора жатвы. Пожинаются плоды характера, отношения к людям. Только эти отношения не всегда подобны арифметическому закону — пойдешь правильным путем, получишь правильный ответ. Иногда видишь возвращающийся бумеранг, а иногда неизвестно за что брошенный камень. И бывает, родители, ничем особенно не жертвующие ради детей, получают на старости нежную заботу, а самоотверженные остаются без элементарной помощи. Но даже если и есть какие-то обиды на мать и отца — что-то в свое время запретили, когда-то не поняли, палку перегнули — немилосердно, жестоко сводить с ними счеты в тот момент, когда они так нуждаются в нашем участии, присутствии, слове.

...Дом стар. Застоявшийся запах сырости и лекарств, застоявшийся печной дух. Неопрятная кровать с серым одеялом, на которую прикладываются по нескольку раз в день. Придвинутый к ней стол заставлен пузырьками, пузыречками, которые уже не убираются — всегда должны быть под рукой.

Это один из ликов одиночества. Плохо старому человеку одному. Правда, ни демографы, ни социологи

не причислили бы хозяина дома к одиноким. По науке он — одинокоживущий. Он — отец, дед. У него есть дочь, два сына, трое внуков, внучка-невеста, а одиночеством так измучен (раньше мог в магазин, на почту сходить, к соседям, с кем-нибудь поговорить, а теперь ноги отказали), что и плачет и гневается.

— Зачем я жил? Чтобы на старости лет некому было капель накапать? Все от этой дурацкой моды разъезжаться с родителями... И газеты ее поддерживают — старики-то там не рассуждают. Закон нужен, который обязывал бы ко... оставаться с матерью и отцом.

В своих суждениях он категоричен. Видно, всегда был таким. Любил заставлял исполнять. И нелегко было бы взрослым детям жить с ним вместе. Дробление сложных семей, рост числа — нуклеарных — процесс всеобщий и объективный. На него повлияли не только индустриализация, урбанизация, но и факторы психологические. Надо полагать, что дети уходили не просто в город, где больше возможностей для выбора работы, образования, а из-под родительского диктата — в город. Сегодня уже не только молодые, но и пожилые считают: лучше жить отдельно. Другое дело, когда родители становятся стары и не могут уже обойтись без помощи, надо съезжаться. Да в наших условиях это не столь просто.

Никак не скажешь про детей, когда-то живших в старом деревянном доме (вон глобус от них остался, «Как закалялась сталь», чернильные кляксы на выцветшем зеленом сукне дубового письменного стола): невзгодяи, бросили отца. У дочери маленькая квартирка со смежными комнатами. В проходной живет она с мужем, в другой — сын с женой. Где поселить дедушку? Будет ли ему лучше в тесноте, которая даже и терпимых взвинчивает? Обмен государственной квартиры и частного дома на большую площадь невозможны. Сыновья живут с тещами. Дочка ездит к отцу раз в неделю (готовит, прибирает), и сыновья навещают регулярно. Дедушка, кажется, ни в чем не нуждается, но твердит: «Я им совсем не нужен. Зачем живу?» Что это? Эгоизм, капризы? Голод. Голод на слово. Сыновья

забегут, выложат продукты в холодильник, спросят: «Как себя чувствуешь?» — и, не дожидаясь ответа, убегут. Дочке тоже не до разговоров. Внуки вообще не заглядывают — неинтересно им со старым.

Хотя каждый, страдающий от одиночества, вызывает жалость и невольный стыд (ты так благополучен в сравнении с ним), все-таки одинокие старые женщины не оставляют такого щемящего чувства, как одинокие старики — вдовцы. Может, потому, что бабушек без дедушек больше (война сказалась, да и женский век более долог), ситуация привычней. Может, потому, что женщины легче приспосабливаются к разным жизненным перипетиям и более терпеливы? Не знаю. Но когда видишь дедушку без бабушки, живущего одного или вместе с детьми, невольно вспоминаешь: «Вдовец — деткам не отец, а сам круглый сирота».

Исследования американских ученых показывают, что пожилые вдовцы переживают одиночество как стресс. Они меньше приспособлены к повседневной жизни, чаще впадают в депрессию от одиночества и, по данным некоторых обзоров, больше умирают вскоре после вдовства, чем женщины. Обычно овдовевший мужчина вскоре находит себе подругу-помощницу. Выбор широк: из 7 миллионов престарелых, живущих в одиночестве, четыре пятых — женщины.

И у нас, как свидетельствуют исследования Л. В. Чуйко, 60-летние мужчины имеют почти в 10 раз больше возможностей вступить в брак, а 69-летние в 7,2 раза, чем пятидесятилетние женщины.

Доводилось встречать счастливых супругов, поженившихся отнюдь не в пору трепетных чувств, но поражали именно чувства — внимание, бережность, нежность друг к другу. Если бы такое ценилось в молодости.

Взрослые дети должны бы радоваться, если их немолодому отцу может выпасть счастье обрести второе крыло. Но увы, нередко приходится наблюдать жестокие войны с «маразмом» жениха (те, кто моложе, уверены, что никаких чувств в третьем возрасте быть не может, бывает лишь влечение на фоне маразма) и «корыстью» невесты. Ну а по какой же еще причине,

...ли не обобрать будущего супруга и их, его детей, может она стремиться замуж? Бывает, конечно, и корысть, а бывает...

Кто видел фильм «Продлись, продлись, очарованье...», помнит историю любви Антона Николаевича Скворцова и Анны Константиновны. Она вместилась в четыре дня: знакомство во время экскурсии по Москве, совместный обед и еще одна поездка.

Фильм об [illegible] чувств пожилого человека. Но когда [illegible], можно немало разглядеть и в других [illegible]. Перед нами предстает вся сложность [illegible] трех поколений в современной семье [illegible] дедовой любви.

Кто такой Скворцов? Когда мы знакомимся с ним — пенсионер. А правда? Немаленькая должность, судя по разным деталям: машина, дача, в дом по вызову приходит профессор из поликлиники (ясно, не из районной). Дочь считает, что отец болен. А он выбит из привычного русла — привык много работать — и возврата нет. Седьмой десяток на излете, инфаркт. Но он вовсе не настроен на тихое осторожное существование под неотступным страхом второго инфаркта.

«Куда мы пойдем?» — спросит его в день знакомства Анна Константиновна, и он ответит: «Мы с вами не из тех людей, для кого этот вопрос может составить проблему». Ему еще многое хочется успеть, и он уверен — успеет. Открыл, ощутил: «Время может двигаться медленней, а может вовсе остановиться. Все зависит только от нас самих».

Есть люди, обретающие с возрастом особую зоркость. Скворцов, видимо, к ним принадлежит. Поэтому именно он и оказался тем принцем, которого так долго ждала в своей тихой корректорской Анна Константиновна — «Кикимора». Он проделал к ней путь длиною в жизнь, а встреть на полпути — не разглядел бы.

Они встретились вовремя. Анна Константиновна в день знакомства ушла на пенсию, ушла в одиночество. И Скворцов переживал трудную пору. «Он всех нас измучил», — жалуется профессору (при нем!)

дочь Татьяна. Она уверена, что его исчезновения из дому связаны с необратимыми изменениями психики, с провалами памяти. А Скворцов ищет себя в круто изменившихся жизненных обстоятельствах. Считает, что долг и предназначение каждого человека — найти себя и выразить себя. Казалось бы, эти заботы должны обуревать его шестнадцатилетнюю внучку Любу, но вот такое сходство... Только для нее все впервые, для деда — вновь. И дальше сходство: в своей семье дед оказался на том же положении, что и внучка. Они оба — никто. Люба — еще никто. «Выйди вон!» — кричит ей мать при постороннем человеке. Дед — уже никто. «Папа, попрощайся!» — раздается команда, когда уходит профессор. Две маленькие [illegible] как на ладони вся расстановка сил в семье.

Вожак бабуинов потерял [illegible] и не может спокойно переносить лидерство [illegible] бабуина. На такой модели доктор пытается объяснить Татьяне неблагополучие для Скворцова семейного климата.

Но не от потери власти он страдает — от воинствующей уверенности нового правителя в своей абсолютной правоте. Дочь раздражает сопротивление деда и внучки, их союз, который сама же и крепит в моменты посягательства на личность дочери и отца. Люба взвизгивает от восторга, увидев в окно, как дед, похитивший ключи от машины, не успев даже надеть носков, чтоб не застукали, удирает из дому. Ей, как никому, понятно: он защищает свой мир от грубого непрошеного вторжения. Не так уж и не права Татьяна, когда в неистовстве кричит отцу: «Она же у тебя научилась плевать на меня! Как бездарно, бессмысленно все повторяется через поколение! Лишь бы не как родители. Пусть будет бред и бессмыслица дедов, только не как родители!»

Шестнадцатилетней дочери любить нельзя — еще рано, отцу — уже поздно, стыдно!

Может, и в самом деле Скворцов ведет себя с легкомыслием подростка? Познакомился с женщиной («Такую Кикимору где-то выкопал!»), на следующий день сделал ей предложение. Это же только подростки могут так быстро находить друг друга. Наверное, он

[illegible]ил ее, как мальчишка, с помощью своеобразной системы знаков. Родители нередко кипят, когда их отрок — вынь да положь! — хочет быть, как все, носить штаны, майки, куртки как у всех, слушать одни и те же пластинки, восхищаться одними и теми же самблями. Но это — не блажь, необходимые для социализации знаки. По ним быстро определишь: «Такой же, как я, как мы?» — Такой же. Свой? — Свой». Внешняя прикидка, [illegible] можно разобраться в остальном.

Скворцовска[illegible] совершенней, за душой у него больше. Про[illegible] при знакомстве знакомые имена художников, [illegible]. Это не просто малозначащая светская беседа. Для нее и для него за именами — миры. Отношение к [illegible] мирам, хотя бы и одним словом выраженное, помогает определить духовный строй человека. В знаках, особенно ценных для Скворцова, — умение слушать, умение молчать, то есть способность настраиваться на чужую волну. Вот почему он убеждает закрытую для многих Анну Константиновну, которая всю жизнь пишет стихи о себе и для себя (уходя на пенсию, винится перед сослуживцами: не успела слиться с ними), что она на редкость общительный человек. «Вы лучшая из всех, кого я встречал в своей длинной жизни!

И подростки и старики спешат. Но это разная торопливость. «Скорее все изведать, мне уже пятнадцать!» «Люди удивительно плохо и неохотно понимают друг друга. Годы проходят, прежде чем... — говорит Скворцов Анне Константиновне. — Но у нас с вами нет в запасе этих лет».

Он еще не знал, что и дней оставалось немного. Нетерпеливо и надсадно загудели у железнодорожного переезда автомобильные сирены — жизни надо мчаться дальше, а ее движение остановил своей смертью пожилой человек. Умер прямо за рулем. «Супермен» (так сказал о нем старый друг), «несгибаемый» (так определила его дочь) погиб в борьбе с близкими за свое чувство, не позволив его растоптать.

Мы сегодня с тревогой говорим об общем дефиците уважения к человеку, доброты, милосердия. Нако-

нец-то перестали твердить, что наше общество самое гуманное, ибо иным быть просто не может, и с болью признали, что, утратив какие-то старые, вернее вечные, ценности, новых взамен не обрели. Отношения в обществе не определяются лишь его строем. От нас с вами зависит, будут ли они более человечными. И многое, что накладывает на них печать, все «взаимо» и «со» усваиваются — или не усваиваются — в семье. Здесь начинается формирование личности, здесь человек получает первые представления о «хорошо» и «плохо», о добре и зле, первые навыки общения. Все значимо: взаимоотношения родителей, отношение к самым старшим, к старости. Недаром в старину говорили: «Подсадишь деда на печь — тебя внуки посадят». Ну а не подсадишь — соответственно. Сейчас эту же мысль выражают несколько иначе: «Мы любим внуков за то, что они мстят за нас нашим детям».

Четверо внуков у хозяина дома с печкой. Старшему двадцать два, младшему двенадцать. И никто не заглянет к деду — неинтересно. Других критериев отношений, видимо, не знают, и родители этим почему-то не обеспокоены. На что же рассчитывают сами они в старости?

Вариант трагический, вариант грустный... А есть ли варианты мира и любви?

Овдовевший дед живет в семье, где ни ссор, ни попреков. Есть кому капель в стакан накапать. Он признателен за заботу. И кажется, детям не в чем себя упрекнуть. Но почему так случается, что старики, даже столь благополучные, могут оказаться абонентами Телефона доверия? От нечего делать?

Они звонят, чтобы услышать спокойный голос, который не будет их торопить: «Так в чем же ваша проблема? Что вы хотите?» Потому что это трудно объяснить. Можно рассказать о мироощущении: «Я никому неинтересен...», «Я не могу быть полезен...», «Я обуза...», «Бессмысленность жизни...», «Абсурд доживания...».

Это тоже одиночество. Рядом с близкими.

Кто-то сказал, одиночество — бич старости. Оно уже — в большей или меньшей степени — ощущается с уходом на пенсию: сужается круг общения, утрачи-

вается ощущение, что ты многим необходим. Но человек, пока полон сил, здоровья, сам в состоянии организовать свою жизнь, как хочется, как нравится. С возрастом эта возможность уменьшается. Старость постепенно все отнимает. Отнимает любимые занятия. Раньше много читал, теперь испортилось зрение. Раньше гулял, теперь одному [illegible]. Из дому уже не выбраться. К друзьям не [illegible] да и друзей все меньше. Они не вечны. Мир [illegible]

Как-то в [illegible] о стариковском одиночестве получила [illegible] «О чем вы пишете так трагично? О том, что [illegible] скучно? Вы лучше себя пожалейте, если у [illegible] старики, и нас, всех работающих. Не потакайте [illegible]!»

Но обратимся [illegible]. В последнее время она сообщает нам немало [illegible] – про нас, то, о чем мы не ведали. Вот, содрогнувшись, узнали, что ежегодно в стране кончают жизнь самоубийством десятки тысяч человек. Из последнего десятилетия самый тяжелый год 1984-й. Затем наметился некоторый спад. Но на его фоне увеличилось число самоубийств среди подростков и стариков. Почему? Ученым пока трудно ответить. Долгое время, не имея в руках цифр, они не могли заниматься их анализом. Но вот, не раз встречаясь с профессором, заслуженным деятелем науки РСФСР А. Амбрумовой, руководителем Всесоюзного научно-методического суицидологического центра (в печати он до недавнего времени именовался Центром по изучению и предупреждению экстремальных состояний: слово «суицид» — самоубийство было под запретом), я все время слышала о тяжести, трагичности стариковского одиночества, «паспортного» — когда вблизи нет родных, и «не паспортного» — среди близких.

А от ученых, занимающихся проблемами долгожительства и, в частности, изучением абхазского феномена, узнавала другое.

Доктор исторических наук В. Козлов, заведующий сектором этнической экологии Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, руководивший большой комплексной экспедицией в Абхазию, в кото-

рой приняли участие этнографы, геронтологи разных специальностей, микробиологи, психологи, рассказывал, что факторов, влияющих на долгую жизнь человека, много. Некоторые существовали как гипотезы, теперь они научно подтверждены. Но что-то из предположений неожиданно вышло на первый план.

— И в том числе факторы психологические. Посильный труд, пища, постоянная жизнь на одном месте — все это имеет большое значение. Но одно из самых важных условий — та благоприятная атмосфера, которой окружены старые люди. Им всячески показывают, что они нужны всем, что им рано умирать, что без них просто не обойтись. Они участвуют в общественной жизни села — их приглашают на важные заседания, — руководят семьей. Многое тут, конечно, идет от игры, этикета. Но они в это верят, и почетная роль помогает им жить дальше. А у нас часто человек, уходящий на пенсию, сразу становится забытым. Дети о нем как-то заботятся, в чем-то он им помогает, но этого мало. Постепенно возникает мысль: зачем же жить? Старость грустна, тяжела, с каждым днем все тяжелее. У нас многие страдают от одиночества. Абхазские долгожители его не знают — дети, родственники, знакомые... Все живут недалеко, со всеми они общаются. У них нет тревожных переживаний и неуверенности, связанных с мыслями о будущем. Совершенно невозможно, чтобы старик или старушка попали в дом для престарелых — это позор для всего рода. Если нет детей — о них позаботятся родственники. Старость уважаема, почитаема. И чем ты старше, тем тебе больше почета...

У нас нет таких традиций, таких «игр». Знаний мало. Заглянуть бабушке или деду в глаза некогда.

— Зачем ты красил балкон? — спрашивают у деда. — Пол испортил... Не надо тебе этим заниматься, мы сами, тебе трудно.

Конечно, им самим легче и пол бы не заляпали. Но зачем отнимать возможность быть хоть чем-то полезным?

— Давай мы тебя сначала покормим, потом сами поужинаем.

А он целый день ждал их, чтобы поужинать вместе,

что-то услышать, что-то рассказать...

— Сегодня у нас гости, тебе будет неинтересно, устанешь. Посиди в своей комнате, посмотри телевизор.

Но телевизор не заменит общения. Общение диалогично. Нужен второй, который бы не только говорил, но и слушал.

В любом парке встретишь дедушек, гуляющих с маленькими внуками. А подросшие внуки, водят ли они на прогулку бабушек и дедушек?

Прежде, когда была жива бабушка, в доме устраивался время от времени большой воскресный обед, собирались родные [illegible]. Это важно при малочисленности нынешних [illegible]. Деду так хочется встретиться с родными, но [illegible] недосуг их собрать, а просить... Он же понимает, [illegible] очень заняты.

С какой радостью когда-то отправлялся он на традиционные встречи с однополчанами. Теперь только перезванивается. Многим из фронтовых друзей, как и ему, уже трудно ездить самостоятельно, сожалеют, вздыхают: «Жаль, не видимся...» Так почему бы детям, внукам ветеранов не организовать им встречу, взяв все хлопоты на себя, приехать на нее вместе с отцами, дедами?

Но для этого их надо было бы воспитать, завоевать, не отпустить...

Искусство быть дедом

В разные времена муза являлась поэтам в облике разных женщин — «Я помню чудное мгновенье...» От любви и взлета духа рождались бессмертные строки. «До совершенства строки доведи, чтоб цели ни одна не миновала», — приказывал себе Петрарка, и до нас дошла Лаура:

«Меж стройных жен, сияющих красою,
Она царит — одна во всей вселенной,
И пред ее улыбкой несравненной
Бледнеют все, как звезды пред зарею...»

А вот через полтысячи с лишним лет:

«Таким мой создан дух, что не смутил ни разу

Меня ни человек, ни мысль его, ни разум;
Ни библию не чту я в сердце, ни коран,
Смешит меня софист и не страшит тиран...
. . . . . .
О, не завидны мне в пределах сей земли
Ни олимпийский лавр, ни славный столп Траяна,
Пока передо мной твоя улыбка, Жанна».

Разве не сравнима острота чувств? Но Жанна — не Лаура, не возлюбленная. Жанна — внучка поэта.

Виктору Гюго было за семьдесят, когда появился его стихотворный цикл, сборник «Искусство быть дедом», имевший огромный успех у читателей, выдержавший несколько изданий еще при жизни поэта.

Незадолго до этого поэт пережил большое личное горе. Скоропостижно скончался старший сын, и его дети Жанна и Жорж стали жить вместе с дедом. Их детская непосредственность, доверчивость возвращали бодрость духа, вкус к жизни. В строках трогательная нежность, благодарность за новый взгляд на все, что окружает («Ведь наши дети нередко видят то, чего и нет на свете, и истинный мудрец рад воплотить их сны»), и удивление перед силой и пленом чувства:

«Со всем, чему кадят, пред чем склоняют выи,
Со всеми, кто в миру вершит судьбы мирские,
Я дрался сорок лет, с опасностью шутя!
И кто же, кто теперь меня сразил? — Дитя!»

Знаменитый писатель, общественный деятель, дед остается верен себе, воюет с тем, что угрожает справедливости, торжеству прогресса. А враждебности и злобе своих политических врагов противопоставляет чистоту, преданность детей — рядом с ними он обретает спокойствие и мудрость:

«Благочестивые читаю я газеты.
Уж как меня честят! Одна дает советы:
Читателей моих всех в Шарантон упечь,
Мои развратные произведенья сжечь;
Другая просит всех прохожих со слезами,
Чтоб самосуд они мне учинили сами...
. . . . . .
Я — отравитель масс, убийца, троглодит...

Так каждая из них орет, вопит, галдит,
И скопом все меня чернят, хулят, поносят...
Но тут дитя сквозь сон бормочет, словно просит:
«Да ну их, дедушка! Будь милосердней к ним!»
И нежно палец мой жмет кулачком своим».

Внуки, как дар за трудности и превратности судьбы, — одухотворение, свежесть чувств, новые силы.

...На телеэкране фильм о знакомом нам всем человеке. Знаменитый актер, художественный руководитель академического театра, видный общественный деятель — словом, глава творческого союза. И в этом фильме — [illegible] лидера — энергичного, волевого оратора — [illegible]ного и острого; он проходит перед нами [illegible] разных своих кино- и театральных ролях. [illegible] преображение!.. А это он откуда — во весь [illegible] лицо измученного человека, — из какого фильма [illegible]кля? Оказывается, не кино — жизнь. Камера [illegible] миг, когда актер не на миру, не на виду. Как же нелегко ему живется! Такую великую усталость может одолеть лишь долгий-долгий сон, а вечером спектакль... И вдруг снова он преображается на наших глазах — молодеет, сияет, прижимая к себе маленькую девочку. Неудержимый поток восторга. Это тоже не кино. Голос дочери усталого человека за кадром: «Его радость внучка. Он может смеяться, хохотать, когда ее видит, что редко с ним бывает...»

Любовь к детям и любовь к внукам — это совершенно разные чувства, уверяют многие деды. У них разная природа, разная психология.

— Родители, они — большие умники, сам таким был. Они считают: из ребенка можно вылепить все, что захочешь. А вылепить-то можно только то, что заложено. Отцы и матери командуют. Они авторитарны! Бабушки импульсивны. Дед — разумное начало. К тому же у него опыт: взрослые дети — все ошибки налицо. Сколько раз сожалел: вот если бы я тогда... Теперь внукам можешь дать то, чего не сумел детям.

Этот дед рассказывает, как однажды, будучи «умником», вернулся с работы и увидел своего десяти-

летнего сына на подоконнике. Он стоял в распахнутом настежь окне — пятый этаж! — приплясывал и корчил рожи мальчишке из дома напротив.

— Я его схватил: «Ты что? Не соображаешь?!» — врезал ему как следует... А за что врезал? За бесстрашие? Конечно, в тот момент было не до размышлений. И все равно... Разве сейчас я бы так поступил? Разве я бы поступил так с внуком? Разумеется, метнулся бы, схватил и... посадил бы рядом. Поговорил бы об отваге и глупом риске. И о том, случись что — какой бы это был для меня ужас! Дети постоянно слышат от родителей: «Не смей, я тебе добра желаю!», «Не смей возвращаться поздно, мало ли что с тобой может случиться!». И я был таким, только потом понял: дети не воспринимают подобное добро — добро для себя. Они видят в нем лишь ущемление своих прав, родительскую [illegible]. Внуку не говорю: «Не смей!» Прошу его: «[illegible]ста, не приходи слишком поздно, я волну[illegible]

«Какое там разумное начало, — может возмутиться иной родитель. — Вседозволенность! Да дедам лишь бы завоевывать любовь, а о средствах они не думают».

Вспоминаю, в какое смятение приводил меня дед сына: избалует, испортит!

И хотя мы вроде бы никогда не выясняли отношений при сыне, не обсуждали методов воспитания, но ему это передалось — не тревога, конечно, а данность: ребенка можно испортить.

Однажды он заболел, и дед принес ему из детского мира мешок с подарками — заводную машинку, солдатиков, кубики и еще какие-то игрушки, игрушечки. Внук высыпал все богатство на постель. Выбрал тюбик с клеем, все остальное сложил назад: «Спрячь. В следующий раз придешь и еще что-нибудь мне оттуда дашь. Так много сразу — нельзя. Я испорчусь». Через минуту: «Сменяй мне клей на машинку...» И потом: «Можно я верну тебе машинку, а ты подаришь мне кубики?..»

Дед отдал ему себя с момента его появления на свет. Обычно после лекций в университете ехал к

нему, потом через всю Москву возвращался домой. Бабушка сердилась, беспокоилась: «Ты ненормальный! Кому нужны эти подвиги? Сердце твое не выдержит». С сердцем было плохо. Как ни старался он не говорить о пережитом, сердце напоминало: арест, тюрьма, лагерь.

Врачи все время пытались его уложить в больницу — не получилось, и дома не мог лежать. После восьми лагерных лет жил жадно. Хотел все наверстать, успеть. Сразу взялся за большую монографию, читал лекции, вел семинар, открывая студентам трагедию времени, о котором тогда наконец-то сказано было первое слово правды, мечтал написать вместе с ними книгу о людях революции, чьи имена предали забвению или бесчестью, приводил на семинары своих товарищей по подполью, тех немногих, которым, как и ему, удалось уцелеть, посчастливилось возвратиться.

Тут в его дела и «въехал» внук в синем довоенном, еще отцовском одеяле (бабушка сберегла) в белых зайцах, куклах и барабанах. Гулял с ним, играл, позже читал ему — до хрипоты, уступая напору «давай еще»; вместе перед обедом, пробираясь тайком на кухню, воровали бабушкины пирожки. Позволял ему все, не обращая внимания на наше родительское возмущение. Внук мог усадить его в «трамвай» из стульев, и иногда в «трамвае» он работал, пристроив рукопись на колене. Если приходил кто-нибудь из аспирантов и я пыталась выдворить «тирана», он говорил: «Оставь его!» — и гостю: «Садитесь рядом, в наш «трамвай» и все обсудим».

Когда сын спрашивал, можно ли взять какую-то вещь с дедовского стола, дед опережал наше «нельзя»: «Конечно! Все, что мое, — все твое!»

Внук пошел в детский сад, и дед приехал вечером с тортом: у мальчика событие, надо отметить. Отец привел хмурого именинника, он посмотрел на всех исподлобья, показал язык, сбросил с ноги валенок, так что тот взлетел вверх и угодил в деда, плюхнулся на пол и, не меняя выражения лица, спел:

«Чижик-пыжик, где ты был?

На Фонтанке попку мыл!»
Наказать! Наказать негодного!
— За что же наказать? — взывал дед к родительскому благоразумию, пока хмурый внук в прихожей, пыхтя, стягивал с себя пальто. — Мальчик просто показал нам, чему научился.
— Разве в детском саду учатся только плохому?
— Хорошее он видел дома, а эти штучки ему внове.
— Так что нам? Хвалить его, гладить?
— Не трогать. У него сегодня был трудный день...

Уже вскоре поняла, насколько прав был дед. Сын тяжело привыкал к детскому саду, и это явилось неожиданностью. Другие дети — оно понятно, но он-то спокойный, даже несколько флегматичный и, казалось, не будет остро реагировать на перемену обстановки. Любил общество сверстников, с радостью пошел в детский сад, по утрам не канючил «не пойду», «не хочу». В детсад его водил отец, и вдруг на пятый день слышу: «Он так плачет, я не знаю, что делать, я больше не могу... Может, ты попробуешь его отвести...»

Мы спокойно ехали в трамвае, спокойно дошли до детского сада, я помогла ему раздеться, он показал мне свой шкафчик: «Вот видишь — огурчик. Запомни», — сам повесил свое пальто. Я уже сказала ему «до свидания», как он вдруг кинулся ко мне, судорожно обнял мои ноги и громко зарыдал: «Я туда не хочу! Мне там некрасиво! Мне там некрасиво!»

Это же страдание! А он еще проявлял характер, старался перетерпеть. Если бы не дед, хороши бы мы были со своей скорой расправой за язык, за чистоплотного чижика!

Я всегда удивлялась, как серьезно дед обсуждал с внуком все его детсадовские новости, происшествия. Когда наступило время других разговоров, деда не стало...

Хотелось, чтобы внук, которому не исполнилось еще и пяти, его запомнил. Запомнил ли? И что запомнил? Трудно сказать — на память наслоились наши рассказы. В детстве часто спрашивал про дедуш-

— видно, тянулась ниточка любви. Не заметила, в какой момент перенес к себе в комнату книги, где есть статьи про деда, про его юность — в шестнадцать лет, во время гражданской войны, был секретарем подпольного обкома комсомола, — и книги, которые он написал. Однажды я заикнулась, что неплохо бы подарить какой-нибудь библиотеке собрание сочинений Ленина, старое, третье издание. А он заслонил его грудью: «Ни в коем случае! Там на полях дедушкины пометки...»

Он в чем-то повторяет деда — узнаются его жесты, какие-то [illegible], хотя вроде бы не мог он их перенять. И [illegible] такой род занятий — историю. Случайно, [illegible]. Любит своих друзей, как дед когда-то своих [illegible] Если кому-то что-то надо — свои дела побоку.

В бабушкин [illegible] пришел журналист — учился у деда, хочет о нем написать: «Сейчас самое время рассказать о его семинаре...» Спросил, сохранились ли в доме какие-то документы. Почти все документы бабушка передала в музей на родину деда, мы думали, что уже ничего не осталось: общая наша беда — незнание цены свидетельствам времени и теснота квартиры, в которой все нужное кажется лишним. А сын положил на стол папку с аккуратно подшитыми листками — когда он это собрал? — в ней автобиография, написанная дедушкиной рукой, командировочное удостоверение, которое он, вернувшись в Москву, не успел отметить — ночью его увели, трудовая книжка, план лекций... «Все, что мое, — все твое!»

Не постичь лучше времена, давно и недавно ушедшие, чем через судьбы близких, когда в детстве, отрочестве рядом дед, любящий, оберегающий. Память об этой любви часто прорастает в зрелые годы острым интересом к тому, как он жил — не все было доступно детскому взгляду и пониманию, — что переживал, как относился к событиям своего времени. Ты видел деда, а человек больше роли, больше всех своих ролей, и есть еще затаенные глубины, которые не всегда открываются даже самым близким.

В книге воспоминаний о Павле Антокольском среди страниц, написанных известными поэтами, писателями, литературоведами, актерами, есть очень интересные записки его внука Андрея Тоома, которые как раз отличает стремление — осознанное или неосознанное, не знаю — понять, осмыслить то, что дорого, что с рождения органично вошло в его жизнь, без чего она была бы беднее. Дни, годы с дедом.

«...Как все дети, я был жестоко требователен, и в моем тогдашнем восприятии неумелость деда в быту, его неумение разбираться в людях и наивность в общественных вопросах сливались воедино. Мне казалось, что Антокольский слишком многое получает в готовом виде... Теперь, когда я больше прожил, больше продумал и прочитал архив деда, я вижу, что все было не так просто... Его никогда не покидало чрезвычайно строгое и критически-настороженное отношение к самому себе и к тому, что было для него наиболее важно, в первую очередь ко всему, связанному с поэзией.

...Занимаясь архивом деда, я прочел его дневники. Из них я понял, что, несмотря на всю свою импульсивность, на то, что его и так и сяк «заносило», а может быть, именно поэтому, Антокольский не раз принимал очень твердые решения и исполнял их на протяжении десятков лет. Решениям этим соответствовал весь ход мыслей и поведения, так что все получалось просто и естественно. Так, несмотря на свою вспыльчивость, на меня дед никогда не сердился, то есть не сдерживал гнев, а просто его не испытывал, и причина этого не во мне. Я не был ничем особенным ни в хорошем, ни в плохом смысле. Но отношение деда ко мне было особенным, и, чтобы пояснить это, приведу два отрывка из его дневника (от 21 ноября 1964 г. и 9 июля 1967 г.):

«Мне часто снится Андрей. Он работает где-то рядом, учится, готовится, может быть, к важным экзаменам, у него все идет хорошо, но он сам и я, мы оба чувствуем, что это все ни к чему, что любое дело обречено, оно только отсрочка, обман себя самого и окружающих. Этот повторяющийся сон странен и му-

потому, что на самом деле мне снится не Андрей, а погибший в том же году, когда он родился, его дядя и мой сын, Вова...»

«К тому же я часто ловлю себя на том, что Вова и Андрей, мой сын и внук, как-то внутренне слились в одно целое. Во всяком случае, во сне это случается постоянно. В этом есть какой-то оттенок измены моему сыну — всегда кажется после такого сна, что я чем-то провинился перед ним, — еще раз провинился. Потому [illegible] чувство вины (не задержал, не защитил, не [illegible] своей грудью...) всегда сопровождало любую [illegible] нем, любое воспоминание».

Но, наверное, только горе, не залеченное временем, неизбывная вина без вины и подсознательное отождествление погибшего сына и внука вызвало к последнему особое отношение.

В самой природе дедовской любви (если есть она, эта любовь) — бережность, неиссякаемый импульс «защитить» (может быть, отсюда сны, отождествление?), которые мы часто спешим назвать всепрощением, вседозволенностью, удивляясь, как это из строгих жестких отцов получаются деды, сносящие от внуков то, чего не спустили бы детям.

С возрастом человек становится снисходительнее к другим — больше пережил, больше знает, больше понимает. Взгляд на внуков — взгляд с высоты опыта на начало жизни. Деды знают, что жизнь не бывает легкой, что не бывает излишка любви, ее почти всегда не хватает — и не скупятся. «Внутреннее чувство» не позволяет скупиться.

Родители — об этом с тревогой говорят психологи — часто заняты в основном физическим «выращиванием» детей и недооценивают значение процессов, происходящих в их душах. В самом деле, мать и отец уверены, что они очень заботливы — правильно кормят ребенка, следуют советам врачей, правильно одевают, следят, чтоб не простудился, стараются развивать, разучивают с ним азбуку и равнодушно проходят мимо важных событий его жизни. Порой они не могут сказать, заметил ли он, как красив снег или осенний лист. Когда впервые пережил чувство жалос-

ти или боль за другого? Они равнодушны к его фантазиям, не подключаются к играм, им неинтересно, как он действует в воображаемом мире, как проявляется. Для них это глупости. «Что ты тут нагородил? Что за корабль? Кто позволил? А ну быстро поставь все на место!..» «Кто заболел? Какой еще любимый кролик? Нет никакого кролика!..»

У детей сильна потребность в общении, и прежде всего в общении с близкими взрослыми. Когда они его лишены, это тяжко сказывается на их физическом и психическом развитии. Все мы сегодня знаем, что ни один пусть самый распрекрасный дом ребенка и детский дом не смогут заменить семьи. Но вот родители рядом, а нормальных эмоциональных связей нет. Такое случается не только в семьях, признанных неблагополучными, где [illegible] пьяного отца, а то и мать, драки, скандалы [illegible] и там, где вроде бы все в порядке. Ребенок ухож[illegible] глубокого интереса к нему нет, потому и [illegible] чувств не возникает. (А может, наоборот, [illegible] горячей любви — нет и интереса?) Ценятся в лучшем случае его успехи (похвалила воспитательница в детсаду — молодец, получил хорошую отметку в школе — тоже молодец), но сам он — не самоценность. Эмоциональная жизнь семьи скудна, нет общих переживаний, сопереживаний друг другу. Потом все аукнется — неожиданность для родителей! — грубостью, черствостью детей. Низкая культура чувств — всегда следствие эмоциональной глухоты, эмоциональной недоразвитости.

Основа богатства личности — положительный эмоциональный фон — любовь, защищенность, богатство и разнообразие переживаний детства. В это богатство вместе с матерью и отцом могут много вложить бабушка и дедушка, каждый свое. Суметь бы это сделать.

— С внуком не разговариваю. До чего дошел! Грубит деду!

Дед обиделся на подростковую агрессию и в ответ себя лишил возможности влиять на мальчика. Озлобляясь, мы уничтожаем в себе то лучшее, что можем дать другим.

Из чего же выходят хорошие деды? Из тех, кто остается молодым, кто не теряет интереса к людям — взрослым, детям. Из тех, кто добр и умеет быть снисходительным. Загляните в «Искусство быть дедом»:

«Увесистый шлепок дает мне крошка-ручка.
«Вы наказать ее должны! Как! Деда — внучка?»
А вы еще нежней глядите на нее!

Дед говорит: «Бранить — то дело не мое!»
Как быть? Улыбку лишь сберег я и прощенье.
. . . . . .
Прощенье — [illegible] покой! Нам должно для властей
Катоном, Д[illegible] быть, но не для малышей.
Кто станет [illegible] в ответ на свежий лепет?
Кто против [illegible] меч на себя нацепит?
Кто с утренней [illegible] воюет, как с врагом?
Перуну надлежит быть дома добряком».
Деды выходят из тех, кто умеет любить.

Нелишние вопросы

Ваши пожилые родители живут с вами. Они любят внуков, в семье добрые отношения, и кажется, вам не в чем себя упрекнуть...

А вы уверены, что на бабушке не лежит самая тяжелая домашняя работа? И что ей по силам вся та «легкая», которую она добровольно взвалила на себя?

Все подшучивают над дедом, над его страстью ходить в поликлинику: медом не корми, стариковские причуды... А вы встречались хоть раз с врачом, которого он постоянно посещает?

Не обернулось ли для дедушки его ветеранское право на внеочередное обслуживание семейной обязанностью таскать тяжелые сумки, тюки в химчистку?

Пожилые люди обычно с радостью откликаются на просьбы детей и внуков. Но не принимаем ли мы их заботы как должное? Платим ли тем же?

Известно, для отдыха необходима перемена обстановки, поэтому вы все заранее планируете: сын

отправится в пионерский лагерь, дочка в туристическую поездку на теплоходе, вы сами в дом отдыха... А где будут отдыхать бабушка с дедушкой?

Как мы нередко покупаем старикам подарки? Что-нибудь попрактичней, не слишком заботясь о красоте. По принципу «куда им отправляться». Но, может, больше, чем унылый халат или тапочки, бабушку порадует красивый зонтик, духи, а деда модная рубашка, кроссовки? Не станут пользоваться, носить? Скажут, не по возрасту? Зачем решать за них?

Родители живут вдали от вас — в деревне, в другом городе. Часто ли вы пишете им письма? Они обычно уверяют вас, что ни в чем не нуждаются, а так ли это в действительности?

Когда вы их в последний раз навещали?

Вас огорчает, что ваши дети неохотно едут в каникулы к бабушке с дедушкой, а вы им не устаете объяснять: «Нельзя быть эгоистом». «Состаришься — поймешь...». А как вы сами собираетесь к ним в отпуск? Не идет ли при этом разговором: «Что поделаешь, надо... лучше бы куда-нибудь к морю, да надо...»? Но ведь с родительским домом человека связывает немало пережитых радостей. Вы вспоминаете о них, рассказываете своим детям?

Не забываете ли напомнить сыну или дочке, отправляя их в магазин, что надо обязательно заглянуть к одинокой старенькой соседке, спросить, не надо ли и ей что-то купить? Если будут доброта и сострадание по отношению к чужим старикам, можно быть спокойным за своих, да и за себя...

Последим за собой

«Я же говорила, это делается не так! Сколько раз повторять?..» Случается такое с нами. И не детей наставляем криком — родителей. Если бы увидеть себя в этот момент со стороны...

Жалобы на пожилых родителей не прибавляют нам уважения в глазах окружающих.

Некоторые сетуют: старики так раздражают, что

сдержаться. Не спешите все сваливать на их упрямство, эгоцентризм, лучше всякий раз пытайтесь анализировать, что же именно вас раздражило? Дед в пятый раз говорит об одном и том же! Но ведь не для того, чтобы испортить вам настроение, насолить. Не от дурного характера. Больно, что такое происходит с человеком, у которого еще недавно была прекрасная память. Вдруг и нас это не минует, и наши дети вот так же, как мы: «Сколько можно?!» Родители без конца дают советы! Что поделать, в их глазах всегда ребенок. К тому же для многих старых людей поневоле лишившихся деятельности, советы — способ самореализации. Но ведь любой совет можно лишь благосклонно выслушать, поблагодарить... Что же не приказ.

Вы устали на работе от разговоров, а дома бабушка с расспросами! Если трудно отвечать, задавайте вопросы сами, и вы увидите, как может расцвести человек от такой малости: тебя о чем-то спросили, ты можешь ответить!

Каждый из нас знает немало правил, которые помогают расположить к себе других, произвести хорошее впечатление. К чему-то мы приходим эмпирическим путем, что-то вычитываем в книгах. Скажем, у психотерапевтов В. Леви, А. Добровича или у Дейла Карнеги, если удастся заполучить ненадолго. Некоторые даже выписывают кое-что в записную книжку, хотя все тут довольно просто. Не скупитесь на «спасибо», «пожалуйста». Улыбайтесь! Не выказывайте своего превосходства над кем-то. Искренне интересуйтесь другими людьми. Будьте хорошим слушателем. Говорите о том, что интересует вашего собеседника. Внушайте ему сознание его значительности и делайте это искренне...

На людях стараемся всему этому следовать, а дома?

Наступает время, когда состарившиеся родители уже не помощники — сами требуют заботы, ухода. Как говорится, пора платить долги. Но если с утра до вечера вы съедаемы именно чувством долга и ощущением тяжести бремени, если раздражаетесь

и стыдитесь себя, пилите и жалеете — плохи дела. Никто не говорит, что вам легко, но все-таки попытайтесь взглянуть на ситуацию по-другому: «Какое счастье, что я все еще чей-то ребенок, что есть человек, который желает мне благополучия больше, чем я сам, и сейчас он переживает, что осложняет мою жизнь... Многие великие мыслители приходили к выводу, что человек страдает не столько от обстоятельств и трудностей, сколько от того, как он к ним относится, от своего умонастроения.

Разрешите напомнить

Бесспорно: мудрость — привилегия возраста. Но если, вступая в спор с внуками, вы надеетесь только на возрастное преимущество, то вас могут уличить в незнании и некомпетентности... А на кого обижаться?

Вы хотите влиять на внука-подростка? Тогда постарайтесь сохранить с ним теплые отношения. Вряд ли стоит без конца говорить ему: «Я в твоем возрасте уже...» Он тоже «уже», уже взрослый, и всякое назидание — замечательные примеры из вашей жизни или мудрые сентенции — будет встречать в штыки.

Часто слышишь сетования: старики молодым неинтересны. Но это вовсе не истина. Есть, конечно, среди молодых глухие, не умеющие слушать других люди, как и среди пожилых есть эгоцентрики: сосредоточены только на себе, говорят лишь о своих болезнях во всех подробностях. Но такие и в молодости вряд ли кому-то были интересны.

Пожилым людям мало приятно, когда им напоминают о возрасте. Но нередко они сами дают о нем знать. Бабушка донашивает старомодные платья, когда есть возможность купить что-то новое, дед требует возрастных привилегий... Если пожилая женщина старается следить за собой как прежде, про нее даже за глаза никто не скажет «старушка» и она не будет чувствовать себя таковой. Если пожилой

мужчина предупредителен по отношению к другим, особенно к женщинам, то он не только вызывает уважение, но и отодвигает свою старость.

Ваши дети неправильно воспитывают ваших внуков. Они им позволяют то, чего нельзя, ругают, когда не нужно. Они не умеют быть великодушными. Они... Но ведь они родители. Главное слово должно оставаться за ними.

Одно простое правило помогает избежать многих семейных ссор — [illegible] не давать советов, когда о них не просят. Если вы чувствуете в этом насущную необходимость и уверены, что можете предотвратить непоправимую ошибку, воспользуйтесь одним из способов подсказать человеку ход, оставив за ним право выбора... Вы знаете, лучше всего тут помогут вопросы: «Ты уверен, что это даст хорошие результаты?», «Я не могу советовать, но если все-таки поступить иначе?..».

Не переживайте, что дети и внуки не повторяют вас. Может, молодые тем и интересны, что не такие, как мы? И кроме молодости и здоровья, у них наверняка немало преимуществ перед отцами и дедами. Приглядитесь.

Иногда слышишь: мы своих детей воспитали без всяких бабушек и дедушек, пусть теперь и они воспитывают своих сами. Справедливо: родители должны сами... Но ведь это ваши внуки! Вы уверены, что не лишаете себя удовольствия?

В. Г. Кротов

ПЕДАГОГИКА ПЕРВОГО ГОДА

Автор: В. Г. КРОТОВ — отец, который заинтересовался вопросами воспитания, автор статей по проблемам образования и культуры.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Похвальное слово неопытности 105
Глава 2. Новорожденный: впервые в мире 118
Глава 3. Игра и общение: кто кого воспитывает 130
Глава 4. Линии развития: право быть вундеркиндом 143
Глава 5. Заглядывая в будущее 155
Приложение 1. Как быть вместе 169
Приложение 2. Загляни в детство 186

Глава 1

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО НЕОПЫТНОСТИ

Родительский статус

Вспоминаю притчу про аиста, которую рассказывал мне отец. Всем известно, в чем состоят легендарные обязанности этой птицы: она разносит детей родителям. Так вот, задумал аист проверить душевные качества своего очередного пациента. Спрашивает младенца: если я, мол, выберу тебе особо хорошую семью, то как ты на это отзовешься? Обрадовался малыш такой возможности, золотые горы аисту сулит. Расстроился аист — и отправил его в семью взяточника. Летит он со вторым младенцем, задает такой же вопрос. Этот пообещал, если ему хорошие родители достанутся, всю жизнь о них только и заботиться. Опять аист огорчился, отнес второго поскорее куда попало и приступил с этим же вопросом к третьему ребенку. Тот удивился — чего аист от него хочет? Конечно, отвечает, я тебе благодарен буду, да не держать же тебя в изукрашенной клетке. А родителей буду любить, какими бы они ни были. Но у меня самого ведь будут дети, им я и постараюсь воздать за все свои удачи. Возликовал аист — и повлек мудрого дитятю к самым прекрасным родителям...

Передать детям лучшее, что было вложено в тебя или приобретено тобою, — это стремление и определяет положение того, кто был ребенком прежде, перед теперешним ребенком. Передать не ради получения чего-то в обмен, а просто потому, что этого тре-

ответ сердце. Соединять прошлое с будущим ради того вечного, которое свойственно всем временам. Любить, радуясь взаимности, но не требуя ее как обязательной дани, не добиваясь невозможной симметрии...

Пока нам не довелось растить ребенка, следить всем сердцем за его становлением и участвовать в нем, мы сами еще не вышли из детства, сколько бы лет нам ни было. Когда мы перешагиваем этот порог, когда становимся родителями, жизнь открывается перед нами новыми, важнейшими своими сторонами. Недаром только в это время мы начинаем по-настоящему понимать своих собственных родителей. Мы встречаемся [illegible] со многими непривычными обстоятельствами [illegible] и внутренними. Мы должны выработать свое [illegible] к ним. Должны обретать новые навыки. Это и есть родительская педагогика в самом широком смысле.

Наша родительская жизнь разворачивается в иных житейских условиях, чем жизнь пред-родительская. На нас ложится новая ответственность — может быть, самая серьезная ответственность на свете. Постепенно обнаруживается, что мы воздействуем на ребенка не только специальным обращением с ним, но и всем своим поведением в зоне его существования. А зона эта стремительно расширяется. Все сильнее становится и воздействие ребенка на нас. Родителями нельзя быть понарошку.

Мудрость плача и смеха

В области семейного воспитания есть свои роковые предрассудки. Самый трагический из них руководит теми родителями, которые считают, что должны постоянно чему-то учить ребенка. Конечно, мы можем содействовать развитию малыша, но и затруднять его развитие получается у нас порою не хуже. И для того чтобы первое возобладало над вторым, нам необходимо прежде всего самим учиться у ребенка. Только внимание к тем урокам, которые через него преподает нам природа, позволит нам быть достойными своего родительского звания.

Ребенок учит нас глубоко и серьезно. Нам, взрослым, никогда не удастся научить его вещам, сравнимым с теми, которым мы можем научиться у него. Плачем, смехом, мимикой, жестами, малейшими оттенками своего поведения он учит нас той родительской мудрости, которую мы никогда не сможем воспроизвести словами. Мудрости, которая отличается от обычной житейской умудренности невероятными вспышками соприкосновений взрослой жизни с жизнью-самой-по-себе. Мудрости, путь к которой открывает наша родительская любовь. Пройдет много лет, и мы, безнадежно махнув рукой, скажем классическое: «Вот будут у тебя свои дети, тогда поймешь...» Ребенок научил нас тому, что мы не в состоянии вернуть ему обратно.

Плач младенца может исподволь соседей, может быть мучительным для бабушки с дедушкой. Для родителей этот плач — не предмет раздражения, а тот первый язык, на котором ребенок рассказывает им о своей жизни, о своих переживаниях, о самых значительных своих впечатлениях. Это тот язык, на котором он пробует через родителей управлять окружающей действительностью. Это язык недоумения и отчаяния, требования и каприза, неудобства и боли, меланхолии и возмущения. А что несет в себе смех малыша, его улыбки, его движения и жесты... Вот будут у вас свои дети, тогда поймете. А если есть, то что же вам рассказывать!..

Плачем и смехом, каждым своим откликом на окружающую его жизнь ребенок приобщает нас к своему волшебному бытию, свободному от обилия мелочной информации, от наработанных с возрастом клише, от привычного давления обыденности. Не так уж долго продержится этот мир в его и в нашей с ним жизни. И главная задача заключена не в том, чтобы помочь малышу как можно скорее вырасти из этого мира, а в том, чтобы успеть как можно глубже воспринять его поучения.

Как было бы замечательно, если бы сформированные педагогикой свойства включались в генетический механизм наследования... Увы, это не так. Доброта и честность, воспитанные в детях, не становятся наследственными качествами внуков и правнуков. Сколько ни старайся, но каждому поколению приходится начинать все сначала.

Правда, педагогика может создавать методы торможения нежелательных наследственных признаков и развития желательных, дополняя тем самым действительность биологических механизмов. Преемственность педагогических усилий образует как бы свою особую, социальную, наследственность, накладывающуюся на наследственность генетическую.

Правда, препятствуя искаженному формированию личности (например, возникновению пристрастия к алкоголю), педагогика может косвенным образом воздействовать и на условия мутации генов.

Правда, влияя на индивидуальные вкусы и душевные потребности человека, педагогика неприметно участвует в выборе, определяющем супружескую пару, а значит, и в формировании генотипа потомства.

И все-таки, казалось бы, человечеству должно быть обидно — снова и снова, на каждом поколении, в каждой семье, приниматься за одну и ту же работу...

Но это только на первый взгляд.

Действительно, разве одна и та же работа предстоит педагогике в каждом поколении? Разве не подвержены ее задачи тонким и важным изменениям: от века к веку, от десятилетия к десятилетию, от года к году, а главное — от человека к человеку?.. Может быть, воспитание потомства потому и отделено у нас от биологического наследования признаков, что наиболее существенные для развития человечества факторы не должны действовать автоматически, без сознательного участия самих людей. Тогда в невозможности перевести педагогику на генетические рельсы есть глубокий и отрадный смысл. Тогда необходимо снова и снова обращаться к проблеме воспитания,

к тому, как, говоря словами восточной пословицы, «человека человек человеком делает».

Принципы отношения к принципам

У Лескова есть рассказ про человека, который столь отчаянно стремился к соблюдению своих принципов, что искалечил себе этим всю жизнь, да и закончил ее преждевременно, пытаясь силой воли преодолеть свои органические возможности. Еще трагичнее была бы история воспитателя, сосредоточенного на неукоснительном соблюдении своих педагогических принципов. Одно дело — расплачиваться за свою твердолобость самому, другое — заставлять расплачиваться ребенка. Нельзя поклоняться принципиальности самой по себе: есть более важные вещи. «Будь другом, а не принципом», — как говорил один мудрец.

Вместе с тем без принципов не обойтись. Осознанные или неосознанные, они составляют костяк поведения любого добросовестного воспитателя, искусство которого состоит в том, чтобы сохранять внутреннее равновесие между соблюдением принципов и животворным их преодолением.

На чем же основываться тому, кто не стал еще искусным воспитателем, кто не набрался еще педагогического опыта? Могут ли у него быть свои педагогические принципы? Конечно.

Это прежде всего свои взгляды на жизнь — фундамент педагогических принципов. Это бесценный опыт собственного детства. Он может быть положительным («со своим ребенком я буду вести себя так же») или отрицательным («со своим ребенком ни за что не буду так обращаться»), но это важнейший, неповторимый опыт, это основа для выбора. Семейные принципы взаимоотношений — они тоже могут постепенно превратиться в принципы педагогические. Традиции окружения. Национальные обычаи. Наконец, существенным источником педагогических представлений служат книги. В них находишь пеструю россыпь зрелых, выношенных, но пока еще чужих

принципов. Те из них, что придутся по душе, предстоит усвоить, освоить, принять в себя, а главное — проверить в жизни.

Хорошо, когда принципы сложились заранее, насколько это возможно, до того, как становишься воспитателем. Но заранее — не значит раз и навсегда. Принципов надо придерживаться, но не держаться за них во что бы то ни стало. Принципы отношений с ребенком могут так же развиваться, как развивается сам ребенок, как развивается вместе с ним тот, кто его воспитывает.

Полезный — вредность?

Родительский — весомый фактор в семейном воспитании. Но [illegible] его двояка. Опыт способствует уверенности поведения, усиливая вместе с тем его инертность. Молодым опытным родителям не хватает именно неопытности — качества, которое поначалу дается всем нам даром.

Опытность, при всех ее достоинствах, чаще всего связана с образованием наезженной колеи привычных действий и реакций. Она может упростить не только жизнь воспитателя, но и само воспитание вообще, упростить не в пользу ребенка. «Попадает, попадает ребенок, да и вырастет», — говорит пословица. Это голос опытности.

Неопытность дерзка. Ей свойственно искать, находить, совершать открытия. Неопытность вдохновенна. Свежесть взгляда, неискушенность чувства наполняют сердце особой радостью и энергией. Неопытность охотно открывает душу, сердце и ум воспитателя навстречу своеобразию новой деятельности. Педагогическая неопытность означает не только отсутствие навыков, но и готовность к их формированию, обостренное внимание к возможностям, к выбору, к усвоению лучшего.

Люди с опытом снисходительно посмеиваются над первоначальным усердием новичка на педагогическом поприще, умудренно предрекая постепенное прекращение «загибов» и «чудачеств». Что с того, что

они зачастую оказываются правы!.. Их правота уныла, и счастливы те, кому удается опровергнуть ее своим неугасающим энтузиазмом. Лучшими воспитателями становятся те, кто навсегда сохраняет свежесть восприятия в общении с детьми, непосредственность, открытость, интерес к новому. Кому удается на всю жизнь усвоить уроки собственной неопытности.

Неопытность бесценна. Надо суметь использовать ее полностью — не забывая, разумеется, снабжать ее материалом: опытом, накопленным до тебя. Использовать ее, не мешкая, пока тобой не протоптаны кратчайшие тропинки к нужным целям, пока стремление к лучшему не приглушено еще тягой к привычному.

По-своему

Если бы вдруг потребовалось ответить одним словом на вопрос о том, как воспитывать ребенка, я бы выбрал это слово: «по-своему». Это слово говорит о многом. О своей ответственности за ребенка, о внимании к тому неповторимому узору обстоятельств, который своеобразно складывается для каждой отдельной семьи. О том, что материнское «по-своему» и отцовское «по-своему» должны соединяться в общее, семейное «по-своему». О том, что в воспитании всегда приходится искать собственный путь, не надеясь на некий универсальный подход.

Развитие нашего мира испокон веков основано на разнообразии жизненных форм. Остро нуждается в этом разнообразии и человеческое общество. Этому способствуют и вариации наследственности (разнообразие генотипов) и вариации условий развития человека (разнообразие фенотипов). Природа наказывает вырождением тех, чье поведение направлено к однообразию. Так, например, родственные браки ведут к вырождению потомства. Так и стандартизация воспитания способствует нивелировке индивидуальностей, ведет к культурному и нравственному застою.

Речь не только о стандартизации форм общественного воспитания. Растут тиражи книг, растет тиражи-

рование идей. Какой-либо педагогический подход может войти в моду, но даже самой модной моделью воспитания невозможно заменить великое «по-своему». Нужны не готовые клише, а материал для развития своих представлений, для лучшего их осуществления в реальной жизни. И если у воспитателя кристаллизовалась своя удачная система, он должен суметь сохранить уважение к чужому своеобразию. Даже если его будет проявлять наш собственный вырос ший ребенок.

Воспит[illegible]

Нас изумляет [illegible] способность растений, взламывающих асфальт, [illegible]ющихся на камне, оживающих после [illegible] повреждений. Но сколько сил и старани[illegible] затрачивать, когда берешься выращ[illegible]. Таким же парадоксом удивляет нас педагогика. Многие прекрасные люди выросли без всякого видимого педагогического воздействия. В то же время заботливое воспитание требует знаний, усилий, внимания, но и при этом не гарантировано от неудач. Более того, любые успехи в развитии человека можно приписать его органическим качествам, а любые изъяны можно поставить в вину воспитателю. Стоит ли после этого увлекаться педагогикой?..

На самом деле у нас нет выбора. Примеры удавшихся судеб тех, кто вырос «сам по себе», ничего не дают, когда мы озабочены развитием своего конкретного ребенка, — ведь многие, слишком многие так и не сумели сами по себе раскрыться по-настоящему. Природа позволяет себе, вырастив дуб из одного желудя, тысячи других желудей пустить на удобрение почвы. Мы же хотим, чтобы жизнь наших детей сложилась непременно удачно. Нам некуда деваться от необходимости, от обязанности быть воспитателями.

Вместе с тем не приходится обольщаться мыслью о том, что можно определенными действиями добиться определенных результатов. И снова вспоминается садоводство. Наше дело — терпеливо стараться.

Мы можем лишь чутко сотрудничать с природой, нужным образом направляя предоставленные ею возможности, стараясь их понять и использовать, а не сконструировать механически.

Запрос на интуицию

На педагогических премудростях свет клином не сошелся. Ни одно руководство не способно соперничать с той родительской интуицией, которая заложена природой в людях. Особенно в женщинах. Конечно, нужны и различные конкретные знания, которые можной найти в книгах, и собственные навыки, овладение которыми ускоряют советы опытных людей. И все-таки окончательная ориентация в круговерти книжных и житейских советов — или в стороне от этой круговерти — зависит от неуловимой таинственной субстанции, которую принято называть интуицией.

Интуиция — это способность к угадыванию правильного поведения. Она отличается от инстинкта. Инстинктивные, биологические импульсы носят столь же обобщенный характер, как и педагогические теории. Инстинкт необходим любому живому существу, и значение его огромно. Но он не связан с личностью воспитателя, со своеобразием ребенка, с конкретной ситуацией. Интуиция отличается от инстинкта именно своей направленностью на сложившиеся обстоятельства, своим проникновением в суть происходящего.

У каждого имеются свои внутренние ресурсы интуиции. Добраться до них, научиться их использовать — это задача и общего развития человека и развития его родительских способностей. Родительскую интуицию обостряет любовь к ребенку, соединенная с ответственностью за него. И скучное представление об ответственности здесь не менее важно, чем возвышенное понятие о любви. Любовь, не наполненная ответственностью, не испытывает потребности в интуиции, ей вполне достаточно смутных подсказок инстинкта. Ответственность, не озаренная любовью, склонна руководствоваться чисто рациональными соображениями. Но когда любовь и ответственность сливаются воедино,

в душе открывается дверца, ведущая к творчеству. [illegible] уже идет в ход и голос инстинкта, и рациональные основания, и педагогические премудрости, и добрые советы. Здесь и возникает возможность интуитивного выбора, интуитивного поведения, интуитивного понимания. Здесь начинается подлинное педагогическое искусство.

[illegible] специализация

Есть такая особая наука — педагогика. Есть профессия педагога, которая требует особого таланта или хотя бы особой предрасположенности, как этого требует любая профессия. А раз так, то не является ли домашнее, внутрисемейное воспитание лишь плохим заменителем профессиональной педагогики? Может быть, удел родителей — оставаться педагогами-кустарями, педагогами-дилетантами? Может быть, они в подавляющем большинстве своем и не в состоянии правильно воспитывать ребенка?..

Мир семьи, однако, — мир особый. Педагогический профессионализм разворачивается преимущественно в сфере общественного воспитания. Дошкольные учреждения, школьное преподавание, учебно-производственные занятия, специальное обучение — вот где нужно искать профессиональных педагогов. Профессионалов, которые возвращаются домой и превращаются в самых обычных родителей.

В некоторых случаях можно говорить и о профессионализме в семейном воспитании, имея в виду соединение приобретенных знаний с накопленным опытом, но это профессионализм итоговый, а не исходный. Он связан не только с потерей свежести восприятия, с уходом от плодотворной неопытности, но и с тем, что «овладевший родительской профессией» практически лишен возможности ею пользоваться — при наших-то малодетных семьях.

Впрочем, даже если бы перед обычными родителями возник некий «профессиональный семейный воспитатель» (всякое бывает), у них не было бы основа-

ний тушеваться перед ним. Родители могут не уметь обращаться с «детьми-вообще», но на их стороне решающее преимущество: возможность узнавать и понимать своего ребенка. Возможность стать специалистом в этой конкретной (и вместе с тем безграничной) области. Специалист может на равных говорить и с воспитателем, и с учителем, и с врачом. Родительская специализация должна помочь профессионалам применить их профессиональные знания и навыки, должна дать им необходимый материал, необходимую ориентацию.

Родители-специалисты незаменимы. Они не имеют права сколь-нибудь пренебрегать своей специальностью. Нельзя позволить себе быть дилетантом в том, в чем никто не может тебя заменить.

Педагогика затрудненных обстоятельств

Профессиональная педагогика, в отличие от семейной, обычно действует в специально созданных условиях. Семейное воспитание, напротив, происходит в калейдоскопической пестроте всевозможных обстоятельств. Вряд ли какая-нибудь педагогическая теория способна предусмотреть все их сочетания. И чем жестче те жизненные условия, которые воздействуют на жизнь семьи, тем меньше надежды найти в книгах подсказку. Можно было бы выделить целый раздел педагогики, который каждому приходится составлять самостоятельно: педагогику затрудненных обстоятельств.

Педагогика затрудненных обстоятельств — это поиск нестандартных, особых подходов к воспитанию, которые отвечали бы особым обстоятельствам в жизни ребенка и его семьи.

Этот самодеятельный раздел педагогики посвящен тому, как быть воспитателем тогда, когда это трудно и даже когда это кажется невозможным. Если у тебя сложные квартирные условия, нужно не только добиваться их изменения, но и приспосабливать свою жизнь с ребенком к этому затрудненному обстоятельству

так, чтобы оно действовало не во вред ребенку, а на пользу ему. Если ребенок болен и обычные возможности воспитания приторможены, ты ищешь новые, сориентированные на ситуацию, временные формы взаимодействия с ним. Если не удается добиться понимания и сотрудничества от близкого человека, то и он становится как бы внешним затрудненным обстоятельством, требующим особого поведения. Что бы ни случилось, необходимо учиться действовать в сложившихся условиях. Развитие ребенка не отложишь на потом.

Опираясь на радость

Год хлопот и забот — с него начинается родительская жизнь, после чего понимаешь, что дальше хлопот и забот будет еще больше. Что же главное в родительской жизни: «трудно», «сложно», «непривычно», «утомительно»?.. Я бы предложил слово «радостно». И если радость подавлена нелегкими житейскими обстоятельствами, нам нужно суметь высвободить ее в себе, суметь опереться на нее в сопротивлении большим и малым трудностям.

Умение радоваться, конечно, хорошо и само по себе. Оно становится замечательным подспорьем в любом деле. Но в педагогике, особенно в семейном воспитании, радость нужна непременно. В общении с ребенком способность радоваться необходима и нам и ему. Только радость может перекинуть эмоциональный мостик от взрослого мира к детскому. Она не обязательно должна быть бурной и улыбчивой. Она питает своим особым током и тихое созерцание, и настойчивое детское любопытство, и наше с ребенком внимание друг к другу. Взрослый человек, не способный на радость, отделен от жизни ребенка невидимой и непреодолимой преградой. Он находится при ребенке, не зная толком, что значит быть вместе с ним.

Радость не может быть самоцелью, но она помогает ориентироваться. Как для ребенка, так и для взрослого она чаще всего является природным стимулом,

побуждающим к выбору верного поведения. У ребенка инстинкт познания подкрепляется радостью познания, инстинкт общения — радостью общения. У взрослого, который руководствуется уже не одними инстинктами, радость говорит о том, что он действует согласно внутреннему строю своей личности. И те волны радости, которые снова и снова захлестывают сердца родителей, подсказывают им, что они заняты одним из главных дел своей жизни.

Если радость не приходит сама по себе, если хлопоты и заботы вытесняют ее на сомнительное «потом», если обыденность заслоняет смысл того, чему она служит, у нас все-таки есть все шансы исправить положение. Ведь у нас есть бесценный помощник в овладении искусством радоваться. Есть с кого брать пример.

Самоотверженность

Родительский статус, особенно материнство, начиная с беременности и родов, в той или иной степени неминуемо связан с самоотверженностью. Женщина идет на риск физических страданий. И отец и мать идут на многочисленные житейские осложнения и хлопоты. Из русла малых и больших жертв, в которое входят родители, им предстоит выбраться нескоро, если предстоит вообще. Все это естественно и замечательно: мы так зарастаем эгоизмом, что остается только благословлять те чувства и те повороты судьбы, которые с нас его соскребают.

Нередко случается и так, что родительская самоотверженность принимает обостренно-искаженные формы. Самоотверженность оборачивается самоотвержением. Жизнь ребенка выдвигается на первый план, жизнь матери или отца становится ее фоном. Чаще всего это связано с тем, что человек сосредоточивает на ребенке или на детях все свои жизненные интересы. Его личностный горизонт постепенно сужается, что плачевно сказывается в первую очередь на его педагогических возможностях. В других случаях парадоксальной причиной подобной ситуации

является ощущение материнской, отцовской или общей социальной неполноценности, стремление во что бы то ни стало доказать себе и другим обратное. Но какова бы ни была причина родительского самоотвержения, оно воздействует на ребенка, вопреки родительским устремлениям отрицательным образом. Оно наносит ущерб и его общему развитию, и со временем его нравственной ориентации.

Стремясь быть полезным ребенку, надо еще не заблудиться в тонких бесполезного усердия. Может быть, к этой проблеме сводятся в каком-то смысле и все предыдущие. Каждая из родительских задач состоит в поиске такого поведения, которое наилучшим образом соответствует естественному ходу событий на всех уровнях человеческого существования. Не увиливать от своей работы, от своей ответственности за происходящее — и в то же время не суетиться, не считать, что все зависит исключительно от тебя. Многие природные законы пока скрыты от нас, многие лишь слегка нам приоткрыты. Все они требуют уважения и осторожности. Помогая развитию нового человека, мы что-то можем сделать и чего-то не можем. Искусство родительской педагогики разворачивается вблизи границ наших возможностей. Сломать эти границы или преодолеть их усилием воли невозможно. Но чем больше сил и внимания мы вкладываем в воспитание, тем шире становятся эти границы, тем просторнее и полнее становится наше общение с ребенком.

Глава 2

НОВОРОЖДЕННЫЙ: ВПЕРВЫЕ В МИРЕ

Микро-микрокосм

Еще древние мудрецы заметили, что человеческая природа как бы повторяет в себе наиболее существенные свойства природы вообще, вселенной, космоса. Так возникло понятие о человеке как о малом космосе, о микрокосме. Это относится к любому человеку, в каком бы возрасте он ни находился. Его появление

на свет в масштабах его собственной жизни сравнимо с возникновением вселенной. Вселенная эта еще очень мала (совсем крошечный микрокосм, микро-микрокосм), но это уже целая вселенная, хотя мы, взрослые наблюдатели, можем заметить лишь ничтожную долю происходящих в ней эволюционных процессов.

Малыш, стремящийся еще сохранить эмбриональную позу, полон незаметных будущих возможностей — подобно тому, как ушная раковина (тоже повторяющая форму эмбриона) скрывает в себе точки, позволяющие искусному иглотерапевту воздействовать на все функции организма. Насколько далеко простирается это сравнение? Может ли воспитатель уже на первых порах нащупать точки полезного воздействия? Когда пора приниматься за эту работу?..

Наверное, не совсем сразу. Самое первое время потребует от родителей сосредоточенности на внешнем. Необходимо приспособиться к кормлению, к гулянью, к гигиеническому уходу, к не всегда простому ритму засыпаний и пробуждений. И хорошо. Не стоит с первых же часов жизни ребенка торопиться пустить в ход свои педагогические устремления. Но не надо и забывать о них. Поначалу важнее всего присматриваться, наблюдать, усваивать все мало-мальски примечательное. Быть внимательным к таинственной жизни микрокосма, к первым импульсам малыша, к его крошечным особенностям. Помнить, что имеешь дело со вселенной, обладающей не только общими, но и своими собственными законами существования и развития.

Выразительно писал Уильям Сароян: «Новорожденный младенец — это тот же старик. Он старше любого из нас. Старику этому требуется время, чтобы превратиться в младенца, — примерно месяц. Тут он теряет свой возраст и начинает жизнь так, будто он первый человек на земле, а не последний. Он начинает с самого начала, как будто жизнь его не возникла тысячи и миллионы лет тому назад».

Малыш впервые очутился во внешнем мире, и ему предстоит впервые открыть для себя множество вещей и явлений. Однако рождение — не только начало его отдельной жизни, но и завершение первого жизненно-

о этапа. Теперь к действию удивительных биологических сил присоединяется воздействие сознательно организуемого людьми окружения. Чтобы достойным образом перенять эту эстафету, родителям важно быть прежде всего внимательными. Это значит — учиться внимать тому языку, на котором говорит с нами природа.

От гадания к угадыванию

Кончилось время гаданий. Известен пол малыша, день и час его рождения, его рост и вес. Теперь можно его разглядывать, можно за ним наблюдать, можно с ним напрямую общаться.

Время гаданий кончилось. Началось время угадываний. Невольно каждый из родственников, подошедших к колыбели младенца, будет пытаться угадать в нем мамин подбородок, папин нос, дедушкины губы или бабушкину левую бровь. Но родителям, тем, кто ближе всего к ребенку, необходимы другие, более глубокие угадывания. Постепенно, но не откладывая этого на отдаленное будущее, нужно пытаться угадать наиболее характерные свойства малыша, центральные его особенности. На одни из них можно будет уверенно опереться; другим, возможно, придется уделить особое внимание.

Узнавать ребенка придется долго — может быть, всю жизнь. Но наряду с этим непрекращающимся знакомством в каждый период его развития необходимо такое понимание или угадывание теперешних особенностей характера, которое поможет верному родительскому поведению. С самых первых дней важно понять, активен ребенок или пассивен, уравновешен или легко возбудим, добродушен или обидчив... Какие из его реакций и особенностей поведения случайны, а какие повторяются снова и снова? Что идет от психических свойств, а что — от физического неудобства? Что ему приятно и что его раздражает? Что именно он выражает немногими доступными ему поначалу средствами выражения?.. Здесь открывается простор и для

родительской интуиции, и для знимательных наблюдений.

Началось время угадываний. Угадывания внутреннего состояния по внешнему. Угадывания переживаний по мимолетным признакам поведения. Время угадываний началось — и, наверное, уже никогда не кончится.

Архив — машина времени

Путешествия во времени возможны. Пачка старых писем, тетрадка дневниковых записей, коробка с фотографиями: все это — несгорающее горючее нашей машины времени, благодаря которому мы можем снова и снова вернуться в прошлое, каждый раз по-новому осознавая уроки собственной истории жизни. Но чем ближе к истокам детства, тем сильнее буксует машина времени, хотя именно в истории детства таятся многие важные знаки будущей человеческой судьбы, будущего характера. Родительские записи, фотографии, все, что будет сохранено сейчас, когда-нибудь даст возможность выросшему ребенку совершить необходимое путешествие, связывающее его жизнь воедино.

Родительский дневник, начатый с первых дней жизни малыша, станет машиной времени и для самих родителей. Он не только сохранит память об этом необычайном времени на будущие годы. На машине времени можно совершать и деловые поездки. Отмеченные особенности поведения ребенка помогут проследить ход его развития, вовремя уловить признаки тревожного или радостного отклонения от нормы. Позже эти записи позволят использовать первый родительский опыт при появлении другого ребенка. Наконец, записывая мимолетные подробности, учишься за сегодняшним и вчерашним видеть нечто общее, цельное, единое, учишься глубже воспринимать ребенка, полнее готовишься к завтрашнему дню.

Детский архив — это не только родительские записи. Это и классические прядки волос, завернутые в бумажку, и записанный на магнитофон голос, и первая игрушка. Позже в него войдут и первые каракули на

бумаге, и рисунки, и школьные тетрадки... И, конечно, фотографии. Не только портреты, сделанные в фотомастерской, но и любительские снимки. Им под силу сохранить и повседневные сценки, и облики близких людей, и окружающую обстановку, которая с течением лет уйдет в прошлое. В архив может войти все, что позволит взрослому человеку хоть краешком глаза увидеть незапамятный мир своего раннего детства. Чтобы это путешествие во времени было для него возможным.

Впервые в мире

Появление малыша на свет — событие двойное. Для всех нас оно означает: впервые в мире появился именно этот человек, со своей особой судьбой. Для самого малыша — это первое появление в том мире, к которому ему предстоит еще долго привыкать.

Новорожденным ребенка называют в первый месяц его жизни. Это действительно особый месяц. Начинает работать система пищеварения. Только-только вступил в действие дыхательный аппарат, а он должен снабжать кислородом кровь, масса которой составляет у новорожденного около 14% от массы тела (у взрослого человека 5—6%). Поэтому дыхание у малыша поначалу неравномерное и глубокое, оно учащается при любом возбуждении или при недостатке кислорода. Пульс в спокойном состоянии — 120—140 ударов в минуту, а при крике — до 200 ударов. В первые несколько дней происходит так называемая физиологическая потеря веса (до 10%), только после этого вес снова восстанавливается, а затем начинает увеличиваться.

В первые две-три недели у малыша неустойчива температура тела, она в большой степени зависит от окружающей температуры. Новорожденный легче переносит охлаждение, чем перегревание. Его стремление сохранить внутриутробное положение — это не просто инерция первых девяти месяцев жизни. Такое напряженное положение мышц помогает организму вырабатывать тепло.

К таким особенностям первого месяца жизни добавляются и особенности персональные. Живой ребенок всегда будет выглядеть иначе, чем розовый пупсик с поздравительной открытки. Родителям понадобятся и знания и внимание, чтобы отличить подлинные признаки необходимого вмешательства от мнимых страхов, которые могут быть порождены неопытностью и неосведомленностью. В этом помогут медицинские книжки и врачи, но ничто и никто не заменит ежечасной близости к ребенку в первые дни и недели его непривычной жизни в привычном для нас мире.

Испытание на прочность

По выпадающей на долю родителей нагрузке первый месяц жизни ребенка обычно богаче остальных месяцев и лет. Хорошо, когда есть кому разделить эту нагрузку. Но уметь разделить ее — даже просто между матерью и отцом — тоже искусство. Испыты-

вается на прочность вся семья.

Многое зависит от умения снизить сам уровень общей загруженности — и по уходу за ребенком и по домашнему хозяйству вообще. Многое зависит от разумного распределения усилий. И все-таки главным остается то, ради чего это делается. Дело не просто в том, чтобы хватило сил на хозяйство: у каждого свои представления о нормальном его ведении, да и резервы человеческих возможностей огромны. Важно, чтобы у родителей остались силы на самого малыша, на знакомство и общение с ним, на сопереживание, на радость и любовь. Ведь на любовь тоже нужны силы, хотя она же их и дает.

Именно в этом состоит главное испытание первого времени — в том, чтобы среди бытовых трудностей сохранить в себе для ребенка самое необходимое: любовь и внимание к нему. Как нельзя растить малыша в грязи и хаосе, так же немыслимо сосредоточиться только на чистоте и порядке, забыв про то, что рядом с нами совершается непрерывное открытие нового мира.

Все здесь завязано в один узел. Чтобы быть внимательным, надо успеть выспаться, хотя бы по очереди, чтобы вовремя улыбнуться малышу, надо освобождаться от мелких и крупных раздражений, вызванных когда пустяками, а когда и серьезными обстоятельствами. Чтобы подметить мелкие подробности его жизни, надо чаще находиться рядом, как бы ни препятствовали этому хозяйственные хлопоты. Искусство взаимовыручки, искусство энергичного хозяйствования, искусство семейных отношений, искусство владения собой — все эти прекрасные сами по себе качества необходимы теперь во что бы то ни стало, чтобы лечь в основу зарождающегося искусства воспитания. Чего не хватает, тем приходится овладевать на ходу, отсрочка уже невозможна.

Когда берешься за новое для себя дело, начальный период становится явным или неявным примериванием сил: смогу ли? Часто можно отступиться, иногда можно позволить себе сделать дело не ахти как хорошо. Здесь — все иначе. Нельзя отступиться,

нельзя позволить себе небрежение, когда стоишь у истока новой жизни, новой судьбы. Это испытание нельзя не выдержать.

Особый случай

Если трудно даже тогда, когда все нормально, то что говорить об особых случаях. О трудностях ухода за ребенком, появившимся на свет раньше положенного природой срока. О проблемах борьбы с болезнью, коснувшейся малыша еще до рождения или в первые дни его жизни. О мужестве и терпении, необходимых тогда, когда он пришел в наш мир не совсем к нему приспособленным... Ведь это такая же радость, такое же счастье, такое же чудо — но гораздо большая ответственность за то, как сложится жизнь нового человека.

Тот, кто сам испытал болезнь и страдания, сделает все, чтобы помочь выйти из трудного круга своему ребенку. Тот, чья судьба сложилась благополучно, должен понять, что настало время испытания и для его судьбы. Тому, кто уже полон любовью к ребенку, предстоит еще научиться использовать энергию этой любви, найти верные пути ее выражения. Известно множество историй про самых обычных родителей, ставших самыми самоотверженными родителями, когда от них это потребовалось. Но известно и множество совсем других историй — хорошо знакомых работникам детских домов и домов ребенка, историй отступничества, которому нет и не может быть оправданий.

Особые трудности могут прийти и с других сторон. Нездоровье или отсутствие одного из родителей, любая из тех жизненных бед, которые делают семью непохожей на все остальные, разнообразные житейские проблемы — все это создает напряжение, которое неминуемо коснется ребенка, если не суметь взять это напряжение на себя.

Родительская самоотверженность творит чудеса. Дает возможность ребенку войти в настоящую жизнь, с каким бы скрипом ни открывалась для него ведущая

в эту жизнь дверь. Сможем ли мы, если ребенку потребуется особый уход, бросить любимую работу? Сможем ли, если ребенку будет нужен особый климат, покинуть родные места? Сможем ли перерыть гору медицинской литературы, чтобы понять природу болезни ребенка, вызывающей недоумение у врачей?.. И разве позволительно нам сказать или подумать: «Нет, не сможем» — и ждать, как там оно сложится само по себе?..

К чему стремиться!

Психологи считают, что период образования устойчивых привычек составляет две-три недели. Значит из первого месяца, из периода новорожденности и ребенку и родителям предстоит выйти уже с какими-то небольшими традициями, с какими-то определенными способами поведения, которые, в свою очередь, лягут в основу дальнейшей жизни. К первому месяцу относятся истоки режима. С первого месяца может потянуться та или иная цепочка привычных действий или реакций на малыша, которую потом будет все труднее переиначить.

Вместе с тем первые недели — это время обильных добрых советов. В медицинской памятке по уходу и кормлению будет по часам расписан примерный распорядок дня. В книжках, посвященных новорожденному, можно найти полный диапазон возможностей: от жестких предписаний для обязательного выполнения до разрешения вести себя, как хочется. Мамы, ставшие бабушками, начнут вспоминать свой недавний, как им кажется, опыт обращения с малышами — и можно ли возразить против кивка в сторону любимого мужа или любимой жены: «Что, разве плохо вырастила?..» Может быть, самое главное для родителей в первое время — не оказаться оглушенными этим обилием советов.

Важно прежде всего прислушаться к наиболее простым и естественным соображениям. Привыкнуть к чистоте и порядку. Приучить самих себя и малыша к какому-то режиму — хотя бы настолько, чтобы ночь

оставалась ночью, а день днем. Привыкнуть к наблюдению за ребенком, к тому, чтобы вести родительские записи о нем. Привыкнуть — если сюда подходит это слово — к тому, что малыш изменяется с каждым днем, и поведение родителей должно с каждым днем в чем-то обновляться.

Все остальное решается творчески. Освоение чьих-то советов, воплощение в жизнь книжных рекомендаций, осуществление собственных открытий — все будет во благо, если родителями руководит внимание и любовь к ребенку, а не отвлеченные общие установки.

Снаружи и внутри

Какие бы хлопоты ни занимали родительское внимание с первых дней, нельзя забывать о том, что рядом происходит развитие нового мира. В глубокой тайне, поначалу больше во сне, чем в бодрствовании, малыш осваивает жизнь. С непостижимой скоростью — со дня на день, с часу на час — в нем раскрываются способности к восприятию, возможности движения, пробуждаются эмоции, мысли и чувства. И хотя нам не дано приподнять завесу этой тайны, хотя мы можем лишь догадываться о многих событиях, происходящих в душе и сознании малыша, доля нашего участия в них очень велика.

До появления ребенка на свет за его окружение отвечала в основном природа. Теперь забота об окружении целиком легла на родителей. Освещение комнаты и детской кроватки, чистота в квартире, предметы обстановки, свежий воздух и отсутствие сквозняков, тепло и прохлада, место для переодевания и первых воздушных ванн, место для купания, музыка, первые игрушки — все это зависит от нас, все это действует на малыша и шлет ему сигналы внешнего мира.

Еще большее воздействие оказывает другая обстановка — психологическая. Все поведение окружающих, их взаимоотношения, их эмоции, даже те, которые вроде бы не выражаются заметным образом, все это входит в рисунок внешней для ребенка жизни, кото-

...ая не может не проникать в жизнь внутреннюю, ...не может не влиять на ее развитие в том или ином из ...тысячи возможных направлений.

Конечно, мы знаем далеко не все, что происходит с малышом. Мы можем лишь постараться угадать необходимое. Создать вокруг ребенка чистоту, обеспечить свежий воздух, устранить резкие пугающие звуки, окружить его добрым и радостным отношением — к нему и друг к другу... Врачи-психологи подскажут нам, что слишком тихая, слишком спокойная обстановка, слабо воздействующая на малыша, притормаживает развитие его нервной системы, тогда как избыток впечатлений и чрезмерная их напряженность могут вызвать искаженное развитие психики. Но никто не подскажет, где проходит граница оптимального, необходимая именно этому ребенку. Родителям предстоит каждый день открывать ее заново, надеясь на поддержку природы, но непременно дополняя ее своим вниманием — к внешнему и внутреннему, к внутреннему и внешнему.

Установление отноше...

Взрослые вокруг ребенка — самая важная часть его окружения. Отношения между родителями или между родителями и родителями родителей, казалось бы, в первое время не могут коснуться малыша непосредственно, но все «отношения», исходящие из любви и согласия, скажутся на нем и сейчас и позже. Сейчас скажется тот конфликт, который вспыхнул возле его кроватки. Позже скажется тот неустойчивый компромисс, с помощью которого конфликт был пригашен, не будучи решенным.

Вот малыш заплакал, и мама прислушивается к его плачу, стараясь понять, каприз ли это, жалоба на неудобство или одно из сонных переживаний. А бабушка (у нее слабее нервы или другой взгляд на воспитание) спешит воткнуть в рот малышу пустышку. Что произойдет сейчас? Раздраженный обмен репликами? Или сдача своих позиций? Или сейчас не произойдет ничего, а некоторое время спустя начнется спокойный

разговор о том, как же все-таки правильнее? Или спокойный разговор ни к чему не приведет, и придется настаивать на своем решительнее, но не сейчас, не в конфликтной ситуации, не рядом с малышом?..

В то время как малыш начинает свою детскую жизнь, у родителей начинается жизнь родительская. Малыш обретает навыки жизни, родители — навыки воспитания. У малыша накапливаются первые крупицы человеческого характера, у родителей определяется характер педагогический. Они привыкают брать на себя ответственность за ребенка, учатся отстаивать свои принципы. Если это происходит легко и просто, значит, им повезло. Обычно сложностей не избежать, и откладывать их решение на потом рискованно. Отношения приходится уточнять с самого начала.

Только не возле детской кроватки!

Конечно, принципы, которые утверждаешь, не должны заслонять самого ребенка, не должны сводиться к собственному самоутверждению. Как лучше, как правильнее, как вернее для него, для малыша, а не из расположенности к самой идее. Уметь не отмахнуться от того, что предлагает другой, — для этого нужна порою не меньшая сила духа, чем для отстаивания своего подхода. Когда любовь к малышу не сближает взрослых, а возбуждает в них разногласия, хуже от этого прежде всего самому малышу. Лучше пусть ему будет лучше.

Настоящая жизнь

Очень распространенное и, может быть, самое опасное заблуждение по отношению к новорожденному — это считать возраст, исчисляемый днями и неделями, чем-то неспешно подготовительным к настоящей жизни. Не хочется даже и говорить о тех родителях (надо надеяться, что их не так уж много), которые считают подготовительной, неполноценной жизнью все человеческое детство. Но и самые первые дни, недели, месяцы человеческой жизни преисполнены глубокого смысла и творческого напряжения. Наверное, в некоторых отношениях это время самой настоящей жизни.

Жизнь новорожденного — это жизнь человека, еще наиболее близкого к природе, оторванность от которой мы все острее начинаем ощущать с годами. Жизнь человека, сознание которого развивается так бурно, как никогда не будет развиваться позже. Его сознание не отделено еще внутренними перегородками от подсознания и надсознания. Он находится в особой причастности к тайнам жизни, он свободен от всего того множества внутренних фильтров и заглушек, которыми мы обзаводимся с годами. Его жизнь не менее, а более полноценна, чем наша.

Чем мы можем ответить этой жизни, созидающей внутренний мир и устанавливающей связи с миром внешним? Чутким вниманием, стремлением понять и почувствовать происходящее чудо, желанием помочь большой работе, совершаемой крошечным существом. Этим ответить — обязательно. Чем еще?..

Еще, наверное, собственной жизнью. Наша собственная жизнь всегда, начиная с того времени, как мы стали родителями, будет для наших детей главным источником впечатлений и переживаний. Ее никуда не спрячешь, как бы иногда этого ни хотелось. Нельзя рассчитывать и на то, что взгляд малыша еще не все замечает, уши его еще не все слышат, а головка его еще не все понимает. Нам некуда деваться от самой естественной, хотя и не всегда простой вещи: постараться жить настоящей жизнью рядом с настоящей жизнью малыша. И не пытаться спрятаться в философский вздох: кто же знает, что такое настоящая жизнь?.. Она рядом. Можно к ней присмотреться, прислушаться, прикоснуться...

Глава 3
ИГРА И ОБЩЕНИЕ: КТО КОГО ВОСПИТЫВАЕТ

Всерьез или играючи!

Воспитание — самое серьезное из наших жизненных дел. Нет ничего значительнее ответственности за характер и судьбу человека, за частицу будущего чело-

вечества. И вместе с тем нет ничего проще, естественнее, радостнее, как растить своих детей. Можно ли совместить в себе эти два переживания? Или родители делятся на исполненных ответственности озабоченных воспитателей и на легкомысленных («как-нибудь научится!»), но жизнерадостных приятелей собственных детей?..

Конечно, одно другому нисколько не противоречит. Более того, именно внутренняя ответственность за ребенка помогает нам светло и открыто общаться с ним, глубоко почувствовать равноправие его жизни с нашей собственной, по-настоящему сблизиться с ним. Противоречат друг другу не ответственность и радость, а наши искаженные представления о них. Кому из нас не приходилось встречать родителей, старающихся ежеминутно воспитывать своего ребенка? Результаты их педагогической деятельности пугают и тогда, когда они добиваются своего, и тогда, когда они достигают обратных результатов. Их занудная назидательность — это карикатура на ответственность. Это стремление загнать живого человека, подвластного им по возрасту, силам и социальному положению, в клетку своих схематичных представлений о «комильфо», о том, как надо.

Предостерегает нас и другая крайность, которая встречается тоже не редко. Когда ребенок становится исключительно предметом умиления и восторга, можно перестать замечать в нем его самого. Малышу мало нашего сюсюканья, нашего игривого к нему отношения. Он занят важным и всепоглощающим трудом: он входит в жизнь, он узнает ее, он учится взаимодействовать с миром и с людьми, его населяющими. Родители — первые из этих людей, долгое время они остаются самыми главными из них. Если они не станут его близкими друзьями, он будет одинок в самое важное для него время.

Ребенок во многом выше нас, взрослых. Он чище и непосредственнее, он ближе к природе и к той тайне жизни, от которой мы слишком отделены нашей обыденностью. Не будем путать любовь и доброту к ребенку со снисходительностью к нему, со взглядом

сверху вниз. Его переживания не менее значительны, чем наши, взрослые. Он нуждается в подлинном нашем сочувствии, а не в торопливом «ну ничего, пройдет», которым мы порою отделываемся от детской боли или обиды. Он нуждается в справедливости, которая требует от нас внимания, а иногда и мужества, чтобы признать свою неправоту. Он живет настоящей, а не игрушечной жизнью, какой игрой он ни поглощен. Так и нам надо вести себя с ним: по-настоящему

Отвлекать

Постоянно запрещать и предписывать — легко и бессмысленно. Либо мы преуспеем в своих запретах и предписаниях, подчинив себе малыша и навсегда сломав его характер, приучив его к повиновению вместо инициативы и самостоятельности, либо ничего не добьемся, кроме раздражения и конфликтов. Сама природа словно подсказывает нам выбор другого способа общения с ребенком — ведь в начале жизни он и не в состоянии понять приказ и запрет. Зато с первых дней он понимает тот язык, который близок каждому из нас: язык привлечения внимания.

Привлекать малыша к тому, что интересно, к тому, что нужно, к тому, на чем мы хотим его сосредоточить. Привлекать его самыми разными способами: демонстративно или незаметно, настойчиво или неторопливо, в веселой игре или в спокойной обстановке — умение, которое необходимо в родительской жизни. Помогая малышу сориентироваться, выделяя то, что заслуживает внимания, мы совершаем основную часть своей воспитательной работы. Мы передаем ему этим путем многие из своих представлений о том, что ценно в жизни.

Еще тоньше и разнообразнее умение отвлекать. Переключив внимание малыша, мы можем помочь ему снять напряжение, утишить болевые ощущения, можем обойти каприз и упрямство. Надо сказать, что и нам самим поиски способов отвлечения ребенка могут помочь успокоиться и взять себя в руки. Ведь не всегда срабатывает первый же испробованный прием. Бывает,

что малыш, уставший от болезни и собственного пла-
ча, замолкает, услышав определенную песню — одну
из многих, которыми пытались его отвлечь: именно
эта песня оказалась тропинкой, уводящей его к другим
переживаниям. И пытаться успокоить его песней, ко-
нечно, гораздо вернее, чем причитать: «Ну когда же
ты замолчишь!..»

Привлечение и отвлечение внимания малыша тес-
но связаны друг с другом. Чем больше его жизнь
заполнена привлекающими вещами и событиями, тем
меньше необходимость отвлекать его от вещей не-
нужных и мешающих. С годами эта зависимость ста-
нет еще более значительной. Во многом характер ре-
бенка, его интересы и вкусы будут определяться тем,
к чему нам удалось привлечь его внимание, начиная
с первых месяцев жизни, и не прекращая до тех пор,
пока нам это вообще будет удаваться.

Самый важный язык

Языком игры малыш овладевает раньше, чем пер-
выми словами. Вот я несколько раз подряд закрываю
лицо ладонями и открываю снова. Сначала малыш при-
сматривается, что происходит. Но вот он улавли-
вает ритм повторений, начинает угадывать, что за
исчезновением следует появление, — и вот он уже
улыбается: это игра. Игра — это способ постижения
мира не только мозгом, но и чувством, и телом, и всем
своим существом. Игра — это способ общения на рав-
ных, независимо от наших ролей в обыденной жизни.
Игра — это свобода, без которой уныло и тяжко
было бы жить маленькому человеку, полностью зави-
симому от большого мира.

Становясь взрослыми, некоторые забывают вку-
игры. Или подменяют его иным представлением об
игре, исполненным жажды выигрыша вместо жажды
постижения, закрепощающим, а не дарящим свободу.
А некоторые — не забывают. Из них получаются чу-
десные изобретатели и художники, артисты и педа-
гоги. Но даже тем из нас, кто расстался с игрой, рас-
ставшись с детством, дается шанс, когда мы становим-

с родителями. Шанс вспомнить тот волшебный забытый язык, которым прекрасно владеет наш ребенок и на котором нам надо уметь с ним общаться. И шанс этот нельзя упускать.

Игры-занятия

Если вы относитесь к игре как к чему-то легкомысленному, попытайтесь провести разделительную границу между игрой и тем, что вы считаете серьезным занятием. Вряд ли вам это удастся, а если и удастся, то лишь на уровне самоубеждения, без того, чтобы эта граница соответствовала сути явлений. Можно провести границу между увлекательным и скучным, между свободным и вынужденным, между привлекательным и отталкивающим, но все приметы игры достойны лишь радости и восхищения, если мы встречаем их в том деле, которым навыкладку занимается преданный этому делу человек.

Малыш играет со всем. Это инстинкт опробования свойств мира. Это самое важное для него занятие. Оно требует уважения, поддержки и терпения с нашей стороны. Малыш играет во время переодевания одеждой — можно дать ему поиграть ею и в другое время, пусть попривыкнет к ней. Малыш лезет рукой в кашу — надо дать попробовать и это. Дать поиграть кастрюлькой и ложкой, всем, что привлекло его интерес и не представляет опасности. Можно дать повозиться и с предметами посложнее, присматривая, чтобы он не нанес особого вреда им, а они ему. Ведь у каждой игры есть правила, которые во многом зависят от нас.

А во многом правила игры зависят от самого малыша. Тут мы тоже должны проявлять к нему уважение. Когда малыш ломает игрушку, это тоже игра, только игра особая, соответствующая детскому любопытству, а не руководству по использованию данного игрового изделия. Когда он, забравшись в холодильник, давит пальцем диетические яйца или когда сбрасывает с полки книги, — все это игра, правила которой он пытается определить сам. Нелепо наказывать его

за это. Просто нужно постепенно установить менее разрушительные правила. Или позаботиться о новых играх.

Новые игры малышу необходимы, как воздух. Кстати, именно на свежем воздухе, на природе, мы можем увидеть, с какой изобретательностью он создает себе новые игры. Трава и земля, камушки, песок, ветки, любой прутик может вдруг превратиться в предмет игры и обостренного интереса. Не будем забывать об этом, когда наступает время возвращения с прогулки, не будем бесцеремонными в прекращении игры, не будем заставлять малыша бросить грязный волшебный прутик — лучше незаметно выбросим его дома, когда его волшебное обаяние иссякнет. Что же касается домашних игр, изобретательности малыша должна помочь наша фантазия. Будем учиться щедрости у природы, снабжающей малыша великим множеством подсобного игрового материала. Не будем заваливать ребенка шикарными игрушками. Лучше присмотримся — что ему интересно, чего он еще не попробовал, с чем еще не повозился, о каких прежних игрушках успел позабыть, чтобы вернуться к общению с ними снова.

Игры-общение

Общение с ребенком в игре ничем не заменимо. Только в игре он становится равноправен с нами (ведь в повседневной жизни, хотим мы или не хотим, нам приходится руководить им, а ему приходится подчиняться или упрямиться). В игре он может даже стать нашим повелителем (что не нужно ни нам ни ему вне игры). Игра — это тот чудесный мир, в котором мы общаемся напрямую, легко преодолевая условностью игры громоздкие условности нашего существования. В игре мы можем отказаться от обязательных объяснений, а малыш может выразить то, что никак не выразить ему иным путем. Наша рука становится рогатой козой, и малышу совершенно не мешает то, что он не знает слова «коза», а того малыша, который видит козу во дворе (кое-где такое еще бывает), ничуть

недостаточное сходство. И сам малыш просто обращает кубик з чашку с молоком, человечка, а папу... Интересно, кстати, в кого он обратит папу — в добродушного слона или в рычащего тигра, а?..

В игре мы получаем шанс лучше понять своего ребенка, чем в любой другой ситуации. Может быть, это важнее всего. Во всяком случае не будем торопиться непременно превратить игру в средство веселой передачи знаний и увлекательного воспитания навыков. Не будем торопиться наполнить мир малыша своими представлениями. Присмотримся, прислушаемся, постараемся войти в его мир.

И вместе с тем, конечно, в игре невозможно оставаться наблюдателем. В игру надо суметь войти как следует. Если мы участвуем в ней снисходительно, пытаясь развлечь малыша одновременно с выполнением какого-то взрослого дела или погрузившись в свои взрослые мысли, толку не будет. Не будет главного — общения. Не будет общего существования в общей жизни. Именно этим для ребенка станет предпочтительнее общение с ровесниками, которые, как и он, входят в игру полностью. Но это ровесники. А мы, родители? Не с нашей ли рассеянной отстраненности от игрового общения с малышом начинается то отчуждение, которое может обнаружиться годы спустя?..

Общение на языке игры не обязательно требует специального времени и специальных условий. Могут быть игры-традиции, переходящие изо дня в день и дающие возможность сочетать мир реальности с миром фэнтазии. Могут быть игры-искорки, позволяющие обменяться с малышом улыбкой или выдумкой. Нам не всегда легко дается искусство игры. Но и нам и нашему ребенку нужно, чтобы мы этим искусством овладевали.

Деловые игры

Главное, что взрослый мир позаимствовал от детства, — это игры. Другой вопрос, сколько при этом

потеряно качеств детской игры. Спортивные игры стали парадом тщеславия. Азартные игры давят на самые низменные свойства человеческой натуры. Правда, азартная игра стала искусством, но что-то важное, кажется, потеряно и здесь. И вот освоен новый жанр игр — профессиональные «деловые игры», позволяющие развивать нужные для данной профессии качества, выделять наиболее способных (к игре, а значит, и к делу!) и вести поиск нестандартных решений для сложных ситуаций. Что ж, детством деловые игры освоены испокон веков.

Игры в «дочки-матери», в магазин и в больницу, в часовщика или в почтальона, создание своего города или своей страны (а то и своей планеты) — все это работа по освоению мира. Малыш воссоздает, творит мир своей игры по мотивам окружающего мира. Он не просто развивает навыки приспособления к взрослому миру. В его игре обязательны творчество и фантазия. Он не приспосабливается, он именно осваивает внешний мир, воспроизводя его в игре как властелин жизни.

Расцвет детских деловых игр приходится не на первый год жизни. Но уже в это время начинается творчество малыша по созданию своих игровых миров. Уже в это время начинаются попытки доступными средствами воспроизвести деятельность взрослых. Наше дело — в это время и после — суметь принять фантазию малыша, признать его право на творчество. Суметь поддержать игру, суметь войти в нее полноправным фантастическим участником, а не занудным критиком, стремящимся подправить игру, приблизить ее к реалиям взрослой жизни. Мастеру игры виднее.

Игры наши и не наши

Игра — это чудесное и необходимое ребенку дело. И дети — подлинные мастера этого дела. Но слово «игра» не должно становиться магическим заклинанием, предупреждающим любое наше вмешательство в детскую жизнь. Мы воспитатели, и уважение к дет-

ской фантазии не снимает с нас этой заботы. Среди детских игр и забав встречается всякое. Вряд ли мы примиримся с игрой подростков в повешенье кошки или с игрой в допрос с применением пыток. Можем ли мы с самого начала детской жизни научиться отличать «наши», человеческие, игры от «не наших», бесчеловечных?..

Не только можем, но и обязаны. Вся подлинно человеческая деятельность имеет приметную особенность — она созидательна, она направлена против хаоса и разрушения. В отношениях людей друг с другом она точно так же направлена на создание путей от человека к человеку, а не на их уничтожение. Эти простые приметы и помогут нам ориентироваться.

Один малыш в песочнице строит домик, а другой ломает его. Не слушайте тех, кто равнодушно приговаривает: «Пусть детишки играют». Нам надо быть на стороне того, кто строит — независимо от того, кто из них наш ребенок. Строить — наша, человеческая игра. Ломать — не наша. Малыш, давящий муравьев на земле, играет, но к этой игре нельзя относиться терпимо. Никакая игра, несущая навыки разрушения и насилия, не должна признаваться нашей игрой. Кто знает, сколько бед и ужасов берут начало в детстве, когда те, кто отвечает за детскую жизнь, невнимательны к детским играм, когда темные игры незаметно разъедают душу ребенка и узаконивают в ней бесчеловечность...

Малыш шлепает маму по щеке, и оба смеются, и нет в этом ничего страшного. Но если он постепенно втягивается в эту забаву, если отвешивать пощечины маме или таскать за бороду отца доставляет ему все большее удовольствие, мы не можем продолжать умиленно посмеиваться. Ничего, что малыш играет пластмассовым пистолетом (хотя это, наверное, не самая лучшая из игрушек); все дело в том, как он им играет. Если ему нравится именно стрелять из пистолета в окружающих, эта игрушка становится в чем-то опаснее настоящего пистолета. Настоящий пистолет достается взрослому человеку с окрепшей душой. Игрушечный направлен в душу малыша, приучая его к тому, к чему

человек не должен быть привычен.

Пусть наш малыш остается мастером наших, человеческих игр.

Пример для неподражания

Подражать окружающим малыш начинает очень рано, а окружающие очень рано начинают использовать его способность к подражанию. Любая игра с малышом опирается на это свойство, так же как и обучение малыша различным навыкам. И вместе с тем многое в характере ребенка зависит от нашего отношения к его подражательным возможностям. Если мы будем ценить в нем способность к точному подражанию выше его собственного творческого начала, мы будем растить более удобного ребенка, которому будет гораздо труднее в жизни стать самим собой.

Инстинкт подражания служит верную службу и ребенку и взрослому. Он помогает перенять жизненные навыки самым быстрым путем. Мимическое подражание помогает понять психологическое состояние другого человека. Но еще более значительно для всех нас то подражание, которое уже и подражанием называть не хочется. Правильнее было бы назвать его душевной ориентацией, следованием тому, кто нам близок. Тут дело даже не в подражании, а в том примере, который один человек подает другому. Если этот пример притягивает нас, мы отвечаем на него своим поведением, своей жизнью, отвечаем ему по сути, а не по внешним признакам. Когда малыш подражает нам таким образом, надо заботиться не о том, чтобы похвалить его за это, а о том, чтобы нашему поведению можно было бы следовать.

Что касается подражания при обучении, нужно быть внимательным, чтобы суметь похвалить малыша и за успешное повторение наших действий и за успешное отклонение от них. Пусть малыш не следует правилам игры — порадуемся тому, как он их переиначивает. Пусть он не в точности копирует то, что мы показываем, может быть, он найдет что-то другое, свое. Будем готовы это заметить и поддержать.

Поскольку и мы, взрослые, не лишены инстинкта подражания, мы тоже нередко перенимаем кое-что от ребенка. Это нормально. Нам есть в чем брать пример с малыша. Не надо только чрезмерно подчеркивать это и увлекаться подражанием механическим. Лучше ребенку слышать от нас нормальную речь, чем свои собственный лепет, превращающий язык взрослых в сюсюканье. Учиться у малыша и подражать ему — вещи разные.

Общение [illegible] необходимо. Общение с близкими, которое [illegible] укрепляет его и помогает ему в развитии [illegible] с ровесниками, которое закладывает в не[illegible] навыки. И вместе с тем ему необходимо [illegible] быть одному. Научиться слушать и смотреть [illegible] того, чтобы подсказали: «слушай», «смотри». Научиться самому играть, самому думать. Научиться сосредоточенности, созерцательности. Ребенок, который не умеет оставаться один, сам зависит от окружающих и их старается приковать к себе всеми доступными ему средствами. Беда не столько в том, что с таким ребенком труднее, сколько в том, что все это влияет на его характер. Вместо способности к внутреннему углублению в нем вырабатывается стремление привлечь и удержать внимание взрослых. Каждый, наверное, вспомнит таких детей — маленьких и выросших.

Это не всегда просто — научить быть одному. Как же учить этому, если прежде всего надо оставить в одиночестве? И все-таки можно не только приучить, но и научить. Можно оставить малыша одного, включив ему музыку, которую он любит. Можно дать ему интересную игрушку, придумать увлекательное занятие. Можно дать ему побыть наедине с собой, даже не уходя от него, а углубившись в свое занятие. И уж во всяком случае не стоит одиночество превращать в наказание.

Когда ребенок сам склонен к внутренней сосредоточенности, когда побыть одному для него не проб-

лема, нам, взрослым, приходится позаботиться уже о другом — об уважении к этой черте характера. Не теребить его, когда он к этому не расположен, не считать себя вправе в любой момент оборвать любое его занятие. Вместо этого — присмотреться к нему, постараться понять или почувствовать, какая работа в нем происходит. Это обычно очень важная работа.

Общий взгляд

Малыш еще не умеет ходить. Мы берем его на руки и пускаемся с ним в путешествие по комнате. Мы вместе разглядываем все, что встречается на нашем пути. Вместе всматриваемся в то, что для малыша ново, а для нас становится новым, благодаря общему взгляду. Это удивительное путешествие! И повсюду нас ждут такие же удивительные путешествия и не менее удивительные приключения. Мы помогаем ма-

лышу осваивать наш общий мир, а он помогает нам взглянуть на этот мир обновленным взглядом, заметить в нем то, чего мы не замечали раньше.

Раннее детство — очень странное время. Мы очень мало что помним из самых первых лет жизни, хотя именно в это время формируется наше сознание. Мало что запомнит и наш малыш. И все-таки ничто так не сближает нас с ним, как этот общий взгляд на наш общий мир. Время общения с малышом идет не только на его развитие. Это ключевое время и для нас, его родителей. Если говорить о сознательном уровне, то для нас даже больше, чем для него. В этот период «раннего родительства» мы можем по-новому увидеть, понять или почувствовать нашу жизнь. Можем что-то изменить в себе, [illegible] что-то, к чему до этого притерпелись. Своей [illegible]ающейся жизнью малыш помогает становиться [illegible]

Общий взгляд нужно [illegible] сохранить и на те времена, когда мы перестаем быть для ребенка первооткрывателями явлений, и на те, когда он перестанет быть ребенком. Это значит сохранить способность вместе с ним удивляться, всерьез относиться к его радостям и бедам. Это значит с уважением входить в его мир, который — мал он или велик — ничуть не беднее нашего. Это значит жить равноправной жизнью, в которой каждый из нас оказывается то взрослым, то ребенком и в которой наш родительский авторитет тем выше, чем меньше мы к нему прибегаем.

Наш малыш научится у нас не только тому, что мы знаем и умеем, как взрослые. Он будет учиться и тому, чему мы успели научиться у него, у его детства.

Глава 4

ЛИНИИ РАЗВИТИЯ: ПРАВО БЫТЬ ВУНДЕРКИНДОМ

Загадка призвания

Не обладая пророческим даром, невозможно отгадать загадку призвания человека, только что появившегося на свет. Но можно многое сделать для того, чтобы ему впоследствии удалось раскрыть свою судьбу полнее и глубже. Для этого нужно дать малышу воспользоваться хотя бы частью заложенных в нем способностей. Дать ему стать вундеркиндом. Это слово переводится как «удивительный ребенок», ребенок, которому удивляются. В нашей власти дать ему стать таким. Удивительным не для публики, не для выступления на сцене — удивительным для нас, тех, кто его любит. Научиться удивляться ему, его миру, его жизненным задаткам, его достойной удивления работе по освоению нашего мира.

Детство невосполнимо. Если наш ребенок для нас не вундеркинд, если мы видим в нем лишь заурядное существо, если думаем лишь о том, как поскорее его «поставить на ноги», если мы не верим в то, что он должен найти свою особенную, удивительную судьбу, значит, мы не сумели разгадать собственное родительское призвание. Заурядных от природы детей не бывает. Заурядными их делает наше безучастие, отсутствие любящего удивленного взгляда. Нет, не хочется даже говорить об этом. У каждого ребенка есть право не только быть сытым и одетым, но и это важнейшее право — право быть вундеркиндом.

Времена и сроки

В книжках по уходу за младенцем мы можем найти таблицы, указывающие, когда у ребенка должны прорезаться первые зубы, когда он должен начать садиться, ползать, вставать, ходить, когда наступает пора развития зрительного восприятия или пора обучения речи.

Эти таблицы показывают нам не нашего, а усредненного ребенка! У нашего свои времена и сроки, его нет еще ни в одной таблице. Кроме того, в усредненных таблицах нет самого интересного. Нет американской девочки, которая в возрасте нескольких дней с безукоризненным слухом подхватывала мелодию колыбельной песни, а в несколько месяцев разбирала буквы на коробках от бумажных пеленок. Нет младенцев, в полгода умеющих плавать и нырять. Нет вьетнамского вундеркинда, у которого в три года вышла книжка стихов под названием «Вопросы звезд». Нет множества необычайных детей, про которых мы узнаем с изумлением, с недоверием и с разумным сомнением: нормальны ли такие отклонения от нормы? Но нам нет надобности решать этот вопрос в принципе. Нам нужно решать его прежде всего для своего ребенка.

У нашего ребенка свои времена и сроки. Наше дело — присмотреться к ним, почувствовать их. Наше дело — открывать перед ним те возможности, которые несколько опережают достигнутое им на сегодня. Его дело — осваивать эти возможности. По тому, что у него получается, что вызывает у него особый интерес, в чем достигает особых успехов, мы можем заметить, куда идти дальше. В этих направлениях нет никаких возрастных границ, никакого «слишком рано».

Усредненные таблицы, впрочем, тоже могут пригодиться. Мы можем сориентироваться по ним: не задерживается ли наш малыш в каком-то из направлений общего развития. Может быть, мы чему-то уделили слишком мало внимания, в чем-то недостаточно поддержали малыша. Значит, попробуем еще, попробуем по-другому. Но будем делать это спокойно и терпеливо. У каждого ребенка, у каждого человека свои времена и сроки. Главное — не пропустить их по своему невниманию, незнанию или равнодушию. То, что малыш постигает легко и с радостью, потом, когда упущен благоприятный возраст, будет даваться ему все труднее. К чему-то, годы спустя, он отнесется уже без радости и неохотно. Если мы держим ребенка в нарочито младенческом состоянии, притормаживая

его развитие самим отсутствием возможностей к развитию, мы оправдываем свою бездеятельность тем, что каждый ребенок в конце концов научится ходить и говорить, читать и писать. Мы можем даже прикрываться тем же философичным утверждением: у каждого ребенка, мол, свои времена и сроки. Но мы упускаем даже не те умения, знания и навыки, которые могли бы дать малышу, а способность к овладению умениями, знаниями и навыками, которая в условиях активного развития возрастает — и угасает, когда такие условия отсутствуют.

Начальный период жизни — это «золотой век» развития человека. Он дорог любопытством, интересом ко всему на свете, готовностью взяться за что угодно, открытой способностью к усвоению и овладению. От того, как мы откликнемся на это, зависит, и кем станет наш ребенок, и каким он станет. От этого зависит, как развернутся для него все остальные времена и сроки.

Подвижный в неподвижном

Из книжки Жюля Верна мне запомнился девиз подводного корабля «Наутилус» с его не знающим покоя капитаном: «Подвижный в подвижном». Не зря Жюль Верн и его герои так близки детям — их роднит движение, активность, стремление к неизведанному. С помощью этих великих природных импульсов человек становится полноценным человеком, и ярче всего это проявляется в детстве.

Увы, наша жизнь построена так, что на долю ребенка выпадает другой девиз — подвижный в неподвижном. Подвижный, жаждущий движения малыш в неподвижном, всеми способами его ограничивающем мире. Этот недостаток мироустройства нам нужно компенсировать всеми силами, чтобы подвижный, привыкнув к бесчисленным стенкам и запретам, не превратился в неподвижного, в городское существо, спасающееся от сидения лежанием и отводящее душу только в романах Жюля Верна.

Движение необходимо ребенку не только для раз-

вития тела. Движение улучшает интеллектуальные способности, и если мы учим малыша ездить на велосипеде, это способствует не только развитию координации движений, не только укреплению ножных мышц, но и усилению сообразительности.

Пусть дети лазают по деревьям! Деревьям от детей куда меньше вреда, чем от равнодушного чиновника, посылающего рабочих спиливать эти деревья. Пусть в нашей квартире (а уж тем более на дачном участке) будет устроен турник или шведская стенка. Пусть все, кто может, конструируют для детей «домашние стадионы». Пусть в доме будут мячи и ракетки, велосипед и роликовые коньки. Пусть будут обычные коньки, лыжи и санки. Пусть будут эспандеры, пусть будут устройства для подтягивания и кручения, прыганья и вращения. Детям нужны походы и поездки, луга и леса, [illegible] и горки, купание и плавание. Чем меньше у него [illegible] возможностей, тем изобретательнее мы должны быть. Изобретательнее, а иногда и самоотверженнее, чтобы посвятить этому свое время и силы. И чем раньше мы начнем заботиться об этом, тем лучше. Стул, приставленный к кроватке, чтобы малыш мог сам вылезти из нее, диван, на котором можно всласть попрыгать... — оглянемся по сторонам, давайте пофантазируем, как мы можем помочь малышу быть подвижным в нашем малоподвижном мире.

Развивающие игры, развивающая жизнь

Существует великое множество игр, которые могут способствовать развитию малыша: развитию физическому и умственному, эмоциональному и социальному. Пирамидки с колечками, кубики и конструкторы, мозаики и головоломки. Прятки и салочки, игры с мячом — можно ли их все перечислить?.. Но в нашем распоряжении еще больше развивающих игр, чем тех, для которых существуют названия. Любой предмет может быть с толком вовлечен в игру, любая фантазия может послужить сюжетом. Чтобы

познакомить малыша с буквами, не обязательно рыскать по магазинам в поисках доски с магнитным алфавитом. Буквы можно складывать из сухих макарон или лепить из пластилина — это будет еще интереснее.

Ребенок — великий мастер игры. Но мы должны окружить его возможностями. Наше воображение, наша изобретательность и наши знания (ведь многое мы можем найти в книгах и в журналах) служат для малыша основой его игр, а значит, и основой развития. Игра-развлечение, если она немного опережает возможности ребенка, становится игрой-обучением, игрой-овладением. Нам нужно только вовремя открывать с малышом новые игры, показывать ему те возможности окружающего мира, которые мы видим или можем изобрести сами. Простая эмалированная кружка может стать и формой для песочного куличика, и средством поливки цветов, и укрытием, в котором прячутся разные мелочи, и... Ну-ка, что еще можно придумать? И что придумает наш малыш, когда он подключится к этому игротворчеству?.. Сколько волшебных возможностей таят в себе коробка с пуговицами, воздушные шарики, пачка открыток... Каждый день можно делать новые открытия, а иногда повторять и старые — те, что не были полностью оценены раньше: ведь возможности детского восприятия изменяются стремительно.

Нам нужно научиться выбирать в магазине игрушки для малыша. Выбирать не те игрушки, которые могут многое делать сами, а те, с которыми многое можно сделать самому. Здесь тоже нужна наша фантазия. Одно колечко не так богато возможностями, как десяток колечек. Прекрасный маленький колокольчик продается не в игрушечном отделе, а в рыболовном. Что-то мы можем найти среди галантереи, а что-то в хозяйственных товарах или в отделе «сделай сам». И что-то действительно можем смастерить сами.

И вместе с тем не будем уповать только на игру. Малыша развивает вся та жизнь, которой он окружен. Его развивает наше общение с ним — и игровое,

и бытовое, и чисто эмоциональное. Его развивают занятия в одиночестве, приучающие к сосредоточенности и к самостоятельному существованию. Его развивают те взрослые взаимоотношения, свидетелем которых он становится, — всегда ли мы помним об этом, всегда ли отвечаем за то, в какую сторону это его развивает? Его развитию способствует — будем стараться, чтобы способствовало! — все наше поведение, весь семейный образ жизни. Будем стараться.

Границы возможностей

Один английский психолог, изучавший возможности раннего развития, высказал парадоксальное утверждение о том, что ребенка любого возраста можно обучить чему угодно, если найти для этого соответствующий метод. Суть этой вызывающей формулировки в том, что природные границы возможностей ребенка гораздо шире, чем нам кажется, и то, на что он окажется способен, в очень большой степени зависит от нас, от его воспитателей. Мы несем ответственность не только за то, чему научится малыш к тому или иному возрасту, но и за общую его восприимчивость к новому, за его способности к постижению жизни, которые могут раскрываться или увядать у нас на глазах, при нашем содействии или при нашем бездействии.

Возможности детства порою ошеломляют настолько, что вызывают беспокойство у родителей, смутное желание притормозить своего ребенка. И в самом деле — с обычным ребенком спокойнее. Родителям нужно определенное мужество, чтобы признать за малышом право на необычность, чтобы помогать удивительному ребенку осуществлять себя. Нужно внимание и сочувствие, чтобы видеть, что наш особый ребенок развивается по-своему нормально (как бы он ни отличался от общего стандарта). Чтобы понимать что на пользу и что во вред именно ему, с его индивидуальными свойствами и способностями.

Нам важно почувствовать ритм развития своего ребенка. Почувствовать, когда пора предложить ему что-

то новое, а когда надо дать ему как следует освоить то, что было предложено вчера. Почувствовать, когда он заскучал, а когда устал от обилия впечатлений. Научиться чередовать или совмещать общение, направленное на развитие, с общением эмоциональным. Научиться уделять внимание не только тому, в чем ребенок преуспевает, но и тому, в чем он испытывает затруднения. Границы возможностей широки, очень широки. Нам нужно быть готовыми к этому, чтобы увидеть в своем ребенке, как бы мал он еще ни был, — очертания личности.

За сколькими зайцами гнаться

Повзрослев и приблизившись к разгадке своего призвания, мы приучаемся ценить сосредоточенность усилий. Мы крепко усваиваем знаменитую пословицу про двух зайцев и стараемся не разбрасываться. Но не будем раньше времени внедрять эту премудрость в жизнь ребенка.

Спектр развития малыша, спектр его освоения мира должен быть как можно шире — а значит, как можно шире должны быть и те возможности, которые служат этому, которыми мы его окружаем. Две причины побуждают нас к этому. Первой из них является общее многообразие мира, в котором малышу предстоит ориентироваться. Вторая причина — в том, что мы не можем позволить себе уверенно и самовластно определить сферу интересов малыша. Нужно сохранить за ним возможность выбора, возможность попробовать на вкус то одно то другое, возможность увлечения и возможность отказа. Научиться понимать свои вкусы можно лишь тогда, когда пища — интеллектуальная, эмоциональная, духовная — достаточно разнообразна.

Не обязательно все возможности должны постоянно присутствовать в жизни ребенка. Излишняя пестрота угнетает. Мы можем оживлять их, как оживляем интерес к надоевшей игрушке, спрятав ее на некоторое время с глаз долой. Если малыш не заинтересовался чем-то сегодня, он может увлечься этим не-

сколько недель или месяцев спустя. И конечно же, за нами остается право настойчивее привлекать внимание ребенка к тому, что больше по сердцу нам самим. Но когда малыш начинает подрастать и оказывается в предначертанном нами круге, где музыкальная или художественная школа, спортивная секция и другие выбранные нами занятия, с каким бы удовольствием он всюду ни занимался, не оставляют ему времени и сил на собственное знакомство с миром и на собственный выбор, мы рискуем замедлить его собственный путь. Даже если он выбрал занятие сам и какое-то время предавался ему с аппетитом, за ним должно оставаться право бросить его, если оно ему надоело. Не нам решать, что и на какое время должно быть ребенку по душе.

Индивидуальность и индивидуализм

Не знаю, есть ли детский раздел в «Книге рекордов Гиннесса» (самый ранний возраст обучения чтению, самое большое количество головоломок, решенных за первые три года жизни, или что там еще можно придумать), но вряд ли пополнение этого раздела может стать достойной целью родительской педагогики. Пусть удивительными для нас будут не достижения нашего малыша, а сами его способности, пробужденные к действию и совершающие свою внутреннюю работу, во многом от нас скрытую. Способствуя развитию индивидуальности ребенка, радуясь и удивляясь ему, не будем спешить с тем, чтобы гордиться самим собой.

Родители, удовлетворяющие за счет малыша свое тщеславие, не столько раскрывают его индивидуальные качества, сколько приучают его к индивидуализму, к выделению среди окружающих, к тому же тщеславию. Поначалу это может выглядеть мило и безобидно, но эти уроки детства въедаются в характер. Даже если нам не свойственно тщеславие, приходится быть осторожными. Ведь все наши родительские успехи сосредоточены в живом ребенке, и желание продемонстрировать эти успехи (а значит — ребенка) вполне

естественно. Более того, это иногда необходимо не нам, а тем, кому могут помочь наши успехи, для кого они могут стать наглядным и убедительным примером. Значит, нужно суметь показать, что получается у нашего ребенка, не сосредоточивая внимания на нем самом, не ослепляя его лучами общего восхищения. Все, что нужно сказать о нем, лучше сказать без него, сохранив в общении при других — как и наедине — радость и удивление успеху, сочувствие неудаче, обычное живое участие, не оставляющее места слащавым восторгам.

Иногда нам приходится защищать малыша от чужих восторгов, от охов и ахов, сосредоточивающих его на собственной персоне. Даже взрослые люди, прошедшие огонь и воду, не всегда выдерживают испытание медными трубами восхищения. Тем более открыта этой отраве душа ребенка. Но лучше всего, если мы всем своим поведением привьем ему иммунитет к ней, приучим его быть самим собой, не угождая публике, узкой или широкой, и не страшась ее. Чтобы он мог становиться самим собой, не упираясь в самого себя.

Становление личности

Видеть в ребенке индивидуальность, то есть особый характер и особую судьбу, необходимо с самого начала. Но в понятие «личность» мы вкладываем иной смысл. О личности мы говорим тогда, когда в душе человека сильно светлое творческое начало, служащее ему опорой и внутренним ориентиром. Личность — это способность сохранять внутреннюю свободу среди навязываемых снаружи догм. Личность — это путь к раскрытию загадки своего призвания. К сожалению, не каждому человеку удается стать личностью. Станет ли личностью наш ребенок? Может быть, это прежде всего зависит от нас.

Во всяком случае мы можем разными способами помешать этому становлению. Посмеявшись столь преждевременному обсуждению этой проблемы, мы можем окружить малыша сюсюканьем, отодвинув

воспитание личности на возраст, более близкий к юридическому совершеннолетию. Можем вести себя и противоположным образом: вываливать на малыша все свои взрослые переживания, облегчая душу и надеясь на то, что это поможет малышу в постижении жизни. Наконец, можем сосредоточиться на умственном и физическом развитии ребенка, считая, что его успехи сами по себе сделают его личностью.

Впрочем, если бы мы поставили перед собой задачу не мешать ребенку становиться личностью, этого тоже было бы недостаточно. Ему нужно наше участие — ведь мы самые близкие для него люди. Ему нужно, чтобы мы иногда, не часто, говорили с ним о главном. О добре и зле, о счастье и несчастье, о жизни и смерти, об отношении к людям, об устройстве мира. Конечно, мы должны отвечать на его вопросы, уметь открыться ему навстречу, но и этого мало, не обо всем он сумеет нас спросить. Дать ему задуматься над простыми вещами, из отношения к которым вырастает личность, так же необходимо, как накормить его, как обеспечить пищей умственной и эмоциональной.

Не стоит думать, будто мы можем и должны непременно научить ребенка чему-то нравственному и духовному. Мы можем лишь попытаться поделиться с ним тем, до чего доросли сами. А в результате, наверное, и нам самим предстоит многому научиться у малыша. Ведь становление личности — наше тоже — не заканчивается никогда, и нас связывает с малышом общая внутренняя работа.

Полигон отношений

Когда малыш приходит в наш мир, те, кто склонился над его кроваткой, становятся для него в первое время единственными представителями этого мира. В общении с нами он привыкает к общению с людьми вообще. Наши отклики на его поведение становятся для него откликами всей огромной вселенной, распахнувшейся вокруг. Семья, дом поначалу и являются для него этой вселенной.

Мы можем своими усилиями создать малышу условия для развития различных его способностей, но специальные условия для развития личности создать невозможно. Нет смысла создавать специальные конфликтные ситуации, хотя именно они способствуют становлению необходимых качеств человеческой души. Нам остается поэтому быть особенно внимательными к тем ситуациям, которые возникают время от времени — в семье или вне семьи. Быть готовыми к нравственному участию в конфликте или к тому, чтобы сыграть в нем ту роль, которую мы должны взять на себя. Это уже искусство — впрочем, как и все семейное воспитание.

Семейная школа

Какой бы возраст ни был установлен для начала посещения школы, какова бы ни была программа развития, принятая в детском саду, в какие бы кружки и секции мы ни записали ребенка, главное начальное обучение он получает (или не получает!) в семье. Способный, развитый, талантливый ребенок, ребенок-вундеркинд — это не должно восприниматься как исключительное явление, это должно быть нормой. Отклонение от этой нормы может быть вызвано болезнью или несчастным случаем (хотя и этих врагов часто может одолеть родительская самоотверженность), но не нашим бездействием. Готовы мы к этому или не готовы, мы первые учителя ребенка, первые преподаватели самых различных предметов в его первой — семейной — школе. Мы не можем дожидаться других учителей, чтобы они учили малыша читать и писать, считать и слушать музыку, ходить на лыжах и ездить на велосипеде. Другие учителя появятся в его жизни с опозданием относительно природных возможностей. Начинать нам.

Кое-чему нам придется, наверное, подучиться, но мы ведь уже умеем читать. Кое-что не будет, наверное, получаться гладко, но и сами наши старания имеют смысл. Семейная школа необходима не только для достижения результатов: это наше с малышом

общее дело, оно сближает нас теснее, чем самые пылкие прижимания к сердцу.

Не будем забывать в семейной школе о том, что интересно нам самим, что связано с нашим призванием или с нашим хобби. Мы сами выбираем, чем заниматься, и лучше всего, если мы сможем воспользоваться тем, чем хорошо владеем. Тем более, что интересы членов семьи могут быть довольно разнообразны, и у малыша появится, таким образом, несколько увлеченных преподавателей разных предметов. Вспоминаю статью про болгарского мальчика, с которым мама занималась, кажется, английским, папа рисованием, а бабушка древнегреческим. Музыкой заниматься было некому, но зато в семье было пианино, которое поставили с открытой крышкой у кроватки малыша. Успехи этого вундеркинда, о которых говорилось в статье, мне не запомнились, но в семейной школе ему было хорошо и интересно. Хорошо и интересно, думаю, было и всей семье в целом.

Семейная школа не утрачивает своего значения ни с началом посещения детского сада, ни с началом учебы в обычной школе. Мы всегда сможем добавить к образованию обязательному свои внутрисемейные занятия. Не обязательные, но необходимые — и для ребенка, и для нас самих.

Живу

Маршак писал:

«Нам говорит старинная пословица,
Что дети не живут, а жить готовятся.
Но вряд ли в жизни пригодится тот,
Кто, жить готовясь, в детстве не живет».

Сами дети относятся к своей сегодняшней жизни глубоко и серьезно. Мы, взрослые, можем помешать им в этом, настойчиво внушая, что только взрослая жизнь (то есть наша) достойна уважения, что только на нее и нужно им, детям, ориентироваться. К счастью, это не всегда у нас получается. Я знаю одного мальчика, который отвечает на вопросы, чем он занимается, просто и сердечно: «Живу». Всегда ли взрослый может

уверенно и искренне сказать так о своем времяпро-
бождении?..

Нашим детям нужна от нас не только любовь, но и уважение. Уважение к их миру, к их переживаниям, к их занятиям, к их ценностям. Нам нужно навсегда забыть такие фразы, как «не твоего ума дело», «вырастешь — узнаешь» и... Что у нас там еще осталось из арсенала отгораживаний от детства?.. Свою индивидуальность, свой характер, основные свои способности — все это ребенок обретает в детстве. В детстве закладываются основы душевной и духовной организации. Иногда уже в начале жизни в ребенке приоткрывается такая личность, до которой в наше инфантильное время далеко многим взрослым. Детство — удивительный мир, и ребенок не может не быть удивительным. Счастье участвовать в его жизни требует от нас усилий, о которых мы никогда не пожалеем.

У детства нет пограничных столбов. Оно не заканчивается никогда, в каждом человеке продолжает жить Ребенок. Детство нашего ребенка становится нашим новым детством. У нашего малыша и у нашего внутреннего Ребенка всегда найдется общий язык, всегда найдется, чем вместе заняться. И если какой-нибудь совсем уж взрослый знакомый, застав нас ползающими на ковре среди фантастических городов и немыслимых сооружений, с изумлением спросит, чем это мы занимаемся, каждый из нас, большой или маленький, сможет сказать просто и сердечно: «Живу».

Глава 5

ЗАГЛЯДЫВАЯ В БУДУЩЕЕ

Взрослеть вместе

Всему свое время под солнцем... Пытаться поскорее вытащить ребенка из младенчества и детства бессмысленно. Но нас — родителей, прикоснувшихся к чуду детства, — подстерегает и другая крайность — инстинктивное желание замедлить расставание с этим чудом. Мы привыкаем к тому, что наш ребенок —

малыш, что он целиком с нами, нам спокойнее с ним-сегодняшним или даже с ним-вчерашним. А в нем все больше завтрашнего, и нам пора становиться родителями по-новому, чтобы расти вместе с ним. Чтобы не притормаживать его, чтобы детство не омертвело в нем, превратившись в нелепый груз инфантильности. И ему и нам трудно взрослеть, но у ребенка это происходит естественнее. Нам же необходимы мужество, мудрость и постоянное преодоление инерции.

Главные принципы воспитания не зависят от возраста ребенка. С годами мы лишь глубже овладеваем ими. Но расставаясь со словом «малыш», мы обнаруживаем [illegible] новые проблемы и должны искать новые [illegible] их решению. Здесь прежние принципы раскрываются [illegible] сторонами.

Нас ждут особые [illegible] в жизни ребенка — его переломные годы. [illegible] отмечают, что наиболее сильные изм[illegible] внутренний мир ребенка испытывает в возрасте [illegible] ех лет, потом в возрасте около семи лет, а [illegible] возрасте полового созревания, начиная лет с [illegible]дати, а иногда и раньше. Но это всего лишь статистическое обобщение. У каждого конкретного ребенка жизнь строится по-своему, и вряд ли можно отметить на календаре дату начала переломного возраста и дату его завершения. Может быть, правильнее всего считать каждый год — переломным. Требующим особого внимания, особого терпения, особого родительского искусства. Родительской работы нам хватит на каждый год и на каждый день.

Открытая дверь

В начальную пору жизни, пока наш ребенок — дитя, с ним много бытовых хлопот, но само общение с ним облегчено особым обаянием детства. Это ангел без крылышек или проказник, не так существенно; в каждом человеке, если он не изувечен внутренне, природой распахнута эмоциональная дверь к детству. Но ребенок растет, и природа ослабляет свою

поддержку. Нам приходится самим следить за этой дверью.

Ребенок растет. У него появляется все больше своих привычек, своих навыков жизни, иногда очень рано проклевывается свой характер. У него появляются свои интересы, свои пути их осуществления. Он все чаще выходит из семейного круга и приносит домой уже не прутик или камушек, а новые переживания и новые способы мировосприятия, порою довольно неожиданные. С одной стороны, он становится самостоятельнее. «Самостоятельнее» становятся и родители, у них освобождается все больше времени для собственных занятий. С другой стороны, общение с ребенком все больше переходит во взрослую тональность. Возможнее и серьезнее становятся конфликты. Все это способствует тому, что распахнутая поначалу дверь между взрослым миром и миром ребенка начинает понемногу прикрываться. Более того, мы начинаем примиряться с этим, считать этот процесс в порядке вещей. Если так и пойдет, вполне может случиться, что в самый важный и трудный период своей жизни наш ребенок окажется перед глухой дверью, которую ему не по силам будет открыть. Мы сами, только мы, родители, должны держать ее открытой. И быть внимательными ко всем силам противодействия.

Мы отгораживаемся от ребенка своими назиданиями в его адрес — теми назиданиями, которые служат заменителем собственного примера. Отгораживаемся тем, что избегаем наставлений (не умея отличить их от пустого нравоучения) там, где они необходимы. Отгораживаемся, когда перестаем сами учиться у ребенка, перестаем вглядываться в смысл всевозможных возникающих между нами ситуаций. Отгораживаемся своими взрослыми занятиями. Отгораживаемся взрослыми разговорами и намеками в присутствии ребенка (легко ли нам самим было бы примириться с непонятными обсуждениями и перемигиваниями в нашем присутствии?). Может быть, я даже выбрал слабый образ — и надо было бы говорить не о двери, которую все-таки можно при жела-

ими в любой момент открыть, а о стенке, которую легче выстроить, чем разрушить.

Дело не в образе. Речь о пути, свободном для движения в обе стороны — от меня к ребенку и от него ко мне.

Без страха

Вопрос о допустимости (или о недопустимости) наказаний издавна является одним из ключевых пунктов теории и практики воспитания. К счастью, самые болезненные (в буквальном смысле слова) способы его решения постепенно отмирают по мере повышения культуры общества. Вряд ли стоит уговаривать современных родителей пореже браться за розги, а тот, кто дочитал до последней главы эту книгу, вряд ли злоупотребляет ремнем или подзатыльниками. С другой стороны, нет смысла проповедовать неприкосновенность младенца от шлепка по мягкому месту или по руке, которой он отчаянно вцепился в неподходящий для цепляния объект. Куда более жестоким наказанием могут стать наш взгляд или наше молчание.

В нашем распоряжении есть множество средств воздействия на ребенка, и наиболее сильными из них становятся средства чисто символические, опирающиеся на чувство справедливости. А страшнее всего (скорее даже для нас самих, чем для ребенка) — вспышки раздражения, затемняющие сознание и блокирующие на какой-то момент сердечный родительский инстинкт, соединяющий нас с ребенком. Такие вспышки случаются даже у самых любящих родителей и говорят нам о том, что одной любви мало, что нужно еще навести порядок в собственной душе, если мы не успели это сделать до того, как стали родителями.

Хуже всего для воспитания, наверное, то наказание, которое порождает страх. Это может быть связано с дерганым поведением родителей, когда одни и те же поступки вызывают разную реакцию в зависимости от родительского настроения. Страх может

быть вызван и несоразмерностью наказания, когда ребенком движет активный детский инстинкт, с которым он не в силах совладать даже в предчувствии ожидающей его кары. Позднее мы можем возбуждать в ребенке страх или ощущение вины уже иными способами — например, с помощью классического родительского шантажа: если ты то-то, то-то, я этого не переживу. При этом обычно указываемое «то-то, то-то» не столь трагично само по себе, просто оно нам не по вкусу.

Страх — это не орудие, а оружие воспитания. Им можно навсегда изуродовать душу ребенка, превратить его в «рабенка», из которого со временем вырастет человек с чертами раба или (оборотная сторона той же медали) — поработителя. Мы не имеем права пользоваться страхом сами, и нам нужно немало сил, чтобы освободить ребенка от тех страхов, которые наносят со стороны.

Прощение

Из всех родительских качеств, может быть, самое родительское — это умение прощать. Это легче дается матери, но необходимо и отцу, как напоминает нам притча о блудном сыне. Любить ребенка — значит верить в него, опираться на лучшее в нем. И если на ребенка подул теплый ветерок, если он проявил слабость или не справился с искушением, любовь поможет нам по-прежнему верить и доверять, по-прежнему опираться на лучшее. Любовь и прощение вплетены друг в друга, и тот, кто не умеет прощать — просто и незаметно, — еще не умеет и по-настоящему любить. Наша любовь и вера в ребенка помогут ему самому не отождествлять себя со своим проступком, выбраться из темного завихрения и снова стать собой. Даже когда мы осуждающе относимся к поступку, даже когда наказываем ребенка, потому что иначе нельзя, мы не должны осуждающе относиться к самому ребенку. Самое строгое родительское поведение не исключает сочувствия и сопереживания.

Сочувствие ребенку — это внутренний камертон

воспитания. Противоположностью сочувствию является не строгость, а снисходительность. Взгляд на ребенка сверху вниз, готовность прощать мелкие слабости, не вникая в них, отношение к проблемам детской жизни как к чему-то второстепенному, временному, преходящему — и все! Воспитание превращается в механический аппарат со скрипучими шестеренками: методов и приемов, который крутится сам по себе и с большой легкостью поцарапает воспитанника, чем принесет ему живую пользу.

Наша способность к подлинному сопереживанию проверяется не столько на умении прощать, но еще более — на умении просить прощения. Есть родители, которые просят прощения, даже не подозревая о том, что у ребенка можно просить прощения. Есть, правда, и другие — по отношению к которым невротический склад психики позволяет просить прощения часто и бессмысленно, оставаясь при этом довольно безучастными к тому, что происходит с ними больше самого ребенка. На самом деле, те случаи, когда мы просим прощения у ребенка, становятся ключевыми для наших с ним отношений, если потребность в этом идет от душевного потрясения. От того, что мы ощутили свой срыв, почувствовали обиду ребенка и справедливость этой обиды. От того, что мы не можем решить ситуацию иначе, потому что не хотим ее повторения. От того, что мы любим не себя в мантии воспитателя и не абстрактного нашего воспитанника, а живого, ранимого, близкого нам и зависящего от нас человека.

Порядочность

Несколько устаревшим — к сожалению! — словом «порядочность» мне хотелось бы объединить те качества, которые тоже порою кажутся — к сожалению! — устаревшими в современном мире и без внимания к которым воспитание практически лишено положительного смысла. Конечно, главным условием воспитания порядочности всегда будет собственная порядочность. Но сама по себе она не гарантирует успеха. Тем более не гарантируют его и чисто умо-

зрительные нравоучения. Совесть, ответственность, целомудрие, милосердие воспитываются на бесчисленных жизненных ситуациях, крупных и мелких, если мы внимательны к этим ситуациям и привлекаем к ним внимание ребенка. Разбирая вместе с ним любую из нравственных ситуаций, мы возбуждаем его нравственную деятельность, и внутренний (в отличие от словесного) навык в решении этих задач важнее любых интеллектуальных или спортивных успехов.

Одной из тех сфер, в которых воспитание испытывает традиционные затруднения, является сфера половой нравственности. Дело вовсе не в том, когда и как объяснить ребенку, откуда берутся дети, хотя и об этом надо побеспокоиться. Нам нужно поддержать природное целомудрие ребенка и — что очень актуально — постараться вырастить мальчика Мужчиной, а девочку Женщиной. Нам нужно приложить все силы, чтобы ребенок вовремя понял и почувствовал подчиненность сексуальных проблем нравственным. Чтобы он не боялся «вопросов пола» и вместе с тем был бы настроен на волну ожидания или поиска своей суженой, своего суженого, а не на высматривание партнера или партнерши.

Нервом порядочности в ее глубинном смысле является сострадание. Порядочность холодная и равнодушная — всего лишь скорлупа, внутри которой возможно любое безобразие. Мало научить ребенка жалеть кошек и собак и отучить его давить муравьев на асфальте. Нужно передать ребенку умение заметить чужую боль, умение откликнуться на нее, умение помочь другому в беде, решимость считать себя участником, а не зрителем происходящих рядом трагедий. Именно передать, то есть приучать к этому себя, а потом уже ребенка (приучаться и приучать, потому что не каждому это дается как природный дар). Все это не только воспитание, а сама жизнь.

Нелегко воспитывать и ответственность, хотя это довольно рациональное качество, и каждый более или менее понимает, в чем оно заключается. Здесь трудность состоит в том, что понимание еще ничего

…е означает. Как говорится в одном восточном стихо-…ворении:

«Дорога мудрости трудна.
Немалый нужен срок,
Пока от головы она
Дойдет до рук и ног».

Пока мы дополняем пробелы в собственной ответственности общими словами, пока ребенок не может вслед за нами отвечать за всякое свое обещание, за всякое свое дело, даже этому простому качеству трудно дойти до рук и ног. Что говорить о более тонких материях...

В любом направлении нравственного воспитания легко двигаться только до тех пор, пока не начинаются трудности, вернее их преодоление. Именно здесь основную работу. Не будем … позять на методические способы преодоления трудностей, на особые приемы, которые может сообщить профессиональная педагогика. Вот так, мол, надо воспитывать в сыне мужское начало, а вот так развивать в дочке сострадание. Здесь невозможно техническое решение проблем. Возможно только развитие вместе: ведь то, чего не хватает в нравственном плане нам самим, мы обретаем или укрепляем в себе и в ребенке одновременно.

Культура

Нам всегда не хватает культуры, внешней и внутренней гармоничности состояния, гармоничности поведения — и ощущение неудовлетворенности собой может самым полезным образом руководить нами в воспитании ребенка.

Что означает привычная чеховская формула «в человеке все должно быть прекрасно»? Откуда это «все»? Пусть, казалось бы, один человек будет прекрасен душой, другой телом, третий одеждой, а четвертый мыслями. Но какие чувства вызывает у нас представление о человеке, «прекрасном одеждой» — и ничем другим?.. В человеке все должно быть прекрасно, потому что все со всем взаимосвязано. Грязь-

ные ногти наводят нас на мысль о лености человека, о внутреннем пренебрежении и к себе самому и к тем, кто вынужден этими грязными ногтями любоваться. Все со всем взаимосвязано. Общая безвкусица человека выдаст себя в его одеянии — независимо от того, следит ли этот человек за модой или пренебрегает ею. Все взаимосвязано, и пренебрегать нельзя ничем. Бескультурье телесной жизни и душевное бескультурье — сообщающиеся сосуды. Когда мы приучаем ребенка держаться прямо, мы не только добиваемся приятной осанки, не только спасаем его от сколиоза, но и помогаем ему обрести внутреннюю собранность.

Родители, не утруждающие себя тем, чтобы приучить ребенка к определенной личной гигиене, столь же пренебрегают своими родительскими обязанностями, как и те родители, которые не заботятся о круге чтения ребенка или о его порядочности. В узор культуры вплетается и всякая забота о ребенке (какая уж там культура, если ребенок идет на улицу с оборванными пуговицами), и всякая забота, возложенная на него. Если ребенок не имеет в семье бытовых обязанностей, не несет своей доли участия в жизненных сложностях, с его культурой тоже не все в порядке, даже если он одарен всяческими талантами. Все взаимосвязано. Нравственная чистота естественным образом перекликается с чистотой комнаты, где живет ребенок. Мелочи перерастают в принципы, принципы проявляются в мелочах. Скажем, представления о справедливости останутся у ребенка чисто абстрактными, если он не приучен к простой повседневной справедливости — например, с уважением выслушать собеседника.

Наполнить всякое проявление культуры живым чувством и пониманием, вести себя осознанно в любых ситуациях — это приходит к человеку постепенно, уже под руководством жизни, а не родителей. Но для этого нужно создать определенный круг навыков бытовой и душевной культуры. Это работа наша.

Мы приучаем ребенка к жизни по-разному. Приходится быть внимательными не только к тем путям, по которым мы можем вести ребенка, но и к тем, на которые нельзя сбиваться ни в каком случае. Самый темный из них — путь неправды. Сбиться на него можно неприметно, руководствуясь самыми милыми соображениями о том, что ребенку преждевременно знать то или это. А заблудиться можно основательно.

Ребенку нужна правда, чтобы он входил в настоящую жизнь, а не в выдуманную, рано или поздно обреченную на крушение. Чтобы он врастал мыслями и чувствами в тот мир, с которым ему предстоит иметь дело, а не в цветочный горшок тех полуистин, которые мы сочли доступными для него. Чтобы мы жили с ним в одной жизни.

Сложность в том, что нельзя валить на ребенка всю правду без разбора, механически руководствуясь заклинанием: «Это правда». Правда может совершать и разрушительную работу — особенно в детской душе. Например, вполне правдивое описание отношений между полами может иметь не только познавательную, но и растлевающую силу, если мы не сумеем вложить в это описание правду о любви. Правдивый перечень преступлений, совершенных в городе Москве за неделю, может нанести чувствительный удар по психике ребенка, если он не подготовлен к этим фактам правдой о добре и зле. Маленькие правдочки могут заслонить собой главную правду.

Мы должны выводить ребенка к главным истинам жизни. Любой факт, который заинтересовал ребенка, требует правдивого ответа и правдивой этической оценки — той, в которой мы сами черпаем жизненную силу. Не будем заваливать его всевозможными правдами. Покажем ему в каждом явлении, в каждом факте, в каждом событии ту главную правду, которую видим сами. Если мы не привыкли к этой работе, будем учиться по ходу дела. Правда — самая простая и самая сложная вещь на свете.

С каждым годом жизни ребенок обретает новые возможности. Вместе с новыми возможностями у него растет потребность в свободном их использовании. В какой степени и какими путями будет удовлетворяться эта потребность, будет ли она развиваться или затухать — во многом зависит от того, как мы станем распоряжаться своей родительской властью. Хотим мы или не хотим, власть эта существует на нескольких различных уровнях и требует от нас как определенной жизненной позиции, так и практического умения распорядиться ею. Учиться этому приходится с первых месяцев жизни ребенка, с угадывания первых его порывов к свободе и отклика на них.

Ребенок зависит от нас прежде всего на житейском уровне. Именно мы окружаем его на первых порах (или не окружаем) теми или иными жизненными условиями и жизненными возможностями. Ребенок зависит от нас на дисциплинарном уровне. Наши «надо» и «нельзя» руководят им сначала явно, а потом, въевшись в привычки, шлют свои тайные подсказки из подсознания. Ребенок зависит от нас на уровне психологического воздействия. Здесь уже нет прямых указаний, здесь действуют, так сказать, душевные флюиды, но действуют они не менее повелительно. Угадывая наши желания и стараясь угодить им, ребенок тоже находится в сфере нашей родительской власти. И еще серьезнее ребенок зависит от нас на уровне духовном. Наше отношение к миру и к людям долгое время является для него единственным верным ориентиром в решении своих внутренних проблем. Нам необходимо понимать масштабы своей власти, чтобы понять, как непросто помочь ребенку стать независимым и самостоятельным.

С другой стороны, важно понимать, насколько необходимо ребенку быть или становиться свободным. Не когда-нибудь, когда мы торжественно закончим процесс воспитания и разрешим ему вести самостоятельную жизнь. Сейчас, каждую минуту! Свобода —

это обретение своего голоса, это начало пути к раскрытию своего призвания, это возможность обнаружить в своей душе то, чего могут не заметить даже самые прозорливые родители. Если мы не можем многого дать ребенку, свобода для него — это возможность самому найти себе необходимое. Если наша собственная жизнь богата и насыщенна, ребенку нужна свобода, чтобы не остаться навсегда в магнитном поле нашего притяжения.

Нет универсального рецепта, как вырастить ребенка свободным. В любом случае для этого требуется подлинное педагогическое мужество. Свобода всегда сопряжена с риском. Свобода, которую мы даем ребенку, не снимает с нас ответственности за него, а существенно ее усиливает. У нас замирает сердце, когда ребенок карабкается на дерево, но это лишь тренировка, лишь подготовка к настоящим переживаниям. Свобода, которую мы даем ребенку, парадоксальна по самой сути: мы должны дать ему право и возможность вести себя по-своему даже вопреки нашему собственному представлению о том, как будет лучше. Единственный выход из этого парадокса — представление о том, что свобода является одним из лучших, одним из важнейших условий воспитания, как и всей жизни вообще.

Новые отношения

Наши отношения с ребенком меняются непрестанно. Нас не всегда радуют эти изменения, иногда они просто обескураживают, но деваться от них некуда. И чем свободнее растет наш ребенок, чем меньше мы его подавляем, чем активнее его развитие, тем значительнее обновление наших с ним отношений на каждом новом витке. Наверное, все настоящее сохраняется. Но мы об этом знаем лучше, чем ребенок. Его выносит из прежних взаимоотношений, а терпеливо строить и укреплять их заново приходится нам.

Возникают у ребенка и новые отношения с новыми людьми. С детьми во дворе, с детским садом, со

школьниками и учителями... Среди отношений пестрых и разнообразных выделяются особые отношения, влияющие на весь его внутренний мир. Как мы воспринимаем эти влияния и взаимодействия, как относимся к тому, кого выделил среди других наш ребенок? Становятся ли они и для нас особыми людьми, умеем ли мы пережить эти отношения вместе с ребенком, руководствуясь и его чувствами и своим пониманием характеров?..

На отношениях с другими проверяется качество и глубина нашей связи с ребенком. Проверяется наша способность разделить его переживания, наше умение помочь ему найти верное поведение, наше уважение к его свободному выбору. Проверяется наша готовность к его самостоятельной жизни, к участию в его судьбе.

Еще дальше

Ребенок становится взрослым. Что успеем мы сделать к этому времени как воспитатели и чего не успеем? Главное — успеть расположить его к дальнейшей внутренней работе, передать ему самому эстафетную палочку развития душевного мира. Воспитание переходит в самовоспитание, в самосовершенствование, в самораскрытие.

Но даже за порогом совершеннолетия ребенка наш родительский статус не утрачивает своего особого смысла. Мы не только остаемся в особой близости к нашему ребенку, переставшему быть ребенком, не только помогаем ему «встать на ноги», уже в фигуральном смысле, не только участвуем в его жизни, как и он участвует в нашей. Кроме всего этого, мы продолжаем играть в его судьбе и педагогическую роль. Да-да, хотя она и видоизменяется до неузнаваемости, хотя сохранение прежних ее форм не нужно ни нам, ни взрослому нашему ребенку, роль эта в какой-то степени остается за нами. Ведь мы внимательнее всех людей на свете следили за его судьбой с самого начала, мы обладаем особой возможностью свес-

...воедино его детские и взрослые свойства, проследить общий рисунок характера.

Родителями мы остаемся навсегда. Всегда за нами остается часть той трудной и радостной работы, которая была когда-то начата нашей собственной и неповторимой педагогикой первого года. Той самой педагогикой первого года, что положила начало любви и тайне, навсегда связывающей нас с ребенком.

Виктор Кротов, Мария Романушко

КАК БЫТЬ ВМЕСТЕ

(Пути и принципы общения родителей с детьми)

Давать «методические рекомендации» по общению с малышом — занятие неблагодарное. Никакие внешние способы поведения не могут заменить живого чувства и сердечной интуиции. Никогда чужой опыт не заменит собственного родительского творчества, импровизации, любящей фантазии.

Но мы нередко встречаем родителей, которые просто не задумывались над тем, как общаться со своим ребенком. Пусть та канва отношений, которую мы постарались здесь вкратце обрисовать, послужит кому-то поводом для раздумий.

Что необходимо в общении с малышом да и с ребенком вообще? Что недопустимо? Каковы возможные средства общения и развития в начале жизни? Каждый вправе попытаться по-своему ответить на эти вопросы. Попробовали и мы. Отец и мать.

Отношение к малышу

1. Относиться к ребенку как к существу равному. Что касается возможностей и душевной чистоты — даже более богатому, чем мы сами. Уважать его побуждения, поначалу крохотные и невнятные. Уважать их не меньше, чем желания самых близких друзей.

2. Учиться видеть чудо и тайну раннего детства. Этот период не может быть помехой в нашей жизни, даже если пришлось прервать учебу, отказаться от заманчивого места или от интересного путешествия. Детство наших детей — лучшее наше время. Будем дорожить каждым днем, прожитым вместе с ребенком, каждой минутой нашего с ним общения.

3. Помнить: в детстве закладываются основы лич-

ности, физического, нравственного и духовного здоровья. В детстве формируется характер и интеллект, вырабатываются многие привычки и склонности, индивидуальные свойства и качества.

4. Жить общей жизнью. Не воздвигать стены между миром ребенка и своим взрослым миром. Не позволять себе смотреть на ребенка и на его «маленькие» проблемы и горести свысока, снисходительно. Тем более не смеяться над ними. Помнить: в жизни ребенка нет мелочей. Для него и растаявшая льдинка, с которой он играл полчаса, может означать утрату друга... Сочувствовать, переживать сообща все детские беды. Сообща радоваться. Учиться понимать и уважать мир ребенка. Признавать его истинность. Его равноправность. Его самоценность. Помнить: детство — не предверие жизни. Это — сама жизнь, полная глубоких и ярких переживаний.

И со своей стороны — быть открытым с ребенком в своих взрослых радостях и печалях. Общаться с ним, как с другом, который всегда нам посочувствует, даже если он совсем еще мал. Не стараться выглядеть перед ребенком суперменом — это лишь мешает доверительности отношений.

5. Ориентироваться в особенностях своего ребенка. Стараться понять физические, психические, душевные свойства малыша. Соразмерить с ними свои собственные свойства и качества. Ребенок может отличаться от нас по темпераменту или по вкусам. Не будем подгонять его под себя.

Помнить о том, что рациональные знания и житейский опыт не дают полного и правильного понимания души ребенка. Нам всегда есть к чему присмотреться. Чему поучиться у ребенка.

6. Стремиться не к подчинению ребенка нашей воле, а к его согласию с нами. Это труднее и тоньше, но только таким путем мы помогаем расти свободному человеку. Лучше всего, когда ребенок становится соучастником, соавтором принимаемых решений или даже их инициатором. Привыкать к совместному поиску решений — значит прокладывать дорогу к дружбе с ребенком в будущем.

Заинтересовать, увлечь — труднее, чем заставить. Но если мы ленимся идти этим путем, то не будем ...навливаться лености и непослушанию ребенка: это ес...ственные способы защиты от принуждения.

7. Доверять ребенку. Верить в его возможности, в его лучшие свойства, в случайность и временность неверного поведения. Исходить из этого в общении с ним, не позволяя себе сбиваться.

Простим малышу мелкую оплошность. Будем считаться с его настроением. Постараемся понять подлинную причину каприза. Педантичная требовательность превращает нас из воспитателей в надзирателей. Иногда стоит взглянуть на своего малыша отстраненно, последить за собой — не нарушаем ли мы его простых человеческих прав.

8. Наказание и даже просто отрицательная реакция на поведение ребенка (это тоже своего рода наказание) должны быть справедливы. Малыш должен понимать смысл происходящего. Справедливое отношение к ребенку не разъединяет нас с ним, а соединяет, оставляя за нами возможность сочувствия. Злость, раздражение на малыша сигналят нам о нашей несправедливости.

Неверно было бы ожидать от ребенка немедленного исправления всякого ошибочного поведения, тут существует психическая инерция. Не будем лишний раз укорять, уличать в злом умысле, в упрямстве и вредности. Если малыш плюнул в тарелку, а после нашего замечания плюнул снова, это не означает, что он навсегда стал злостным плевателем в тарелки. Давайте «не заметим» этот проступок.

Не будем укорять ребенка за прошлые провинности, не будем плюсовать его ошибки. Такие напоминания рождают горькое ощущение непрощенности, гасят желание быть лучше.

9. Малыш, каким бы он ни был, должен ощущать себя неповторимым, единственным, особым. Не надо приводить ему в пример ровесников, сравнивать со старшим братом или сестрой, чтобы он не чувствовал себя хуже другого.

Пусть малыш слышит и чувствует, что мы его любим.

Не будем скупиться на ласку и нежность. Любовь рождает в малыше ощущение защищенности, уверенности, свободы. И наоборот: холодный критический взгляд на ребенка способствует возникновению различных комплексов, чреватых порой тяжелыми последствиями. Большинство преступников — люди, недолюбленные в детстве.

10. Научимся просить у ребенка прощение, если мы поняли, что поступили неправильно. Это не разрушит наш авторитет, а только укрепит его, сблизит нас с малышом. Позже не будем бояться уступить ребенку в споре. Пусть он убедит нас, ему необходимы эти победы.

11. Важно [illegible] идти на примирение с ребенком. Ему трудно [illegible] делать первый шаг, прав он или не прав. Не [illegible] себе долго быть в размолвке с ребенком. Для [illegible] ра повергает ребенка в отчаяние, он чувствует себя одиноким и отвергнутым. У него нет других [illegible] венных опор, как у нас, взрослых. «Мне было плохо, а меня бросили» — эта детская обида может дать со временем горькие плоды.

12. Наше собственное поведение остается самым мощным способом воздействия на ребенка. Он всегда внимателен к нам и чаще всего подражает нам не только внешне, но и внутренне. Поэтому многие наши устремления, направленные на ребенка, начинаются с внутренней работы, с изменения собственного поведения. Попытки обойти эту закономерность редко оказываются удачными.

Условия жизни

1. Общаться с ребенком начиная с первых недель беременности. А с момента появления малыша на свет постараться так перестроить свою жизнь, чтобы на общение приходилось как можно больше времени.

Некоторые родители видят свой долг в том, чтобы заработать для ребенка побольше денег. Но общение не возместимо никакими деньгами.

2. Уход за малышом — это тоже общение, оно может быть очень насыщенным. Не будем делать необ-

родимое молча и механически. Ухаживая за ребенком, мы рассказываем ему о мире языком вещей и прикосновений, ласковых слов и улыбок.

3. Поддерживать радостную, оживленную атмосферу в доме, в семье. Это означает не всепрощение, не сюсюканье, не заласкивание, а прежде всего — нашу готовность к саморазвитию, к внутренней работе. Воспитание в себе человека, достойного счастья общаться с малышом.

4. Следить за ритмом жизни. Жизни ребенка и общей, семейной жизни. От ритма зависят физическое и психическое здоровье, весь жизненный тонус. Ритм может вбирать в себя разные обстоятельства. Он может быть энергичным или неторопливым, но он необходим. Для ребенка ритм еще важнее, чем для взрослого.

5. Чередовать общение с малышом и его самостоятельные занятия. Не оставлять одного слишком надолго, но и не перегружать непрерывным присутствием рядом. Малыш не должен чувствовать себя брошенным и ненужным, но ему будет очень трудно, если он не научится быть наедине с собой.

6. Заботиться о том, чтобы у ребенка было свое жизненное пространство в доме. Сначала это будет манеж, потом свой угол, а если удастся, то и комнатка. Пусть в доме будет стена или дверь, на которой малыш сможет рисовать. Пусть его занятия и игры наполняют дом не меньше, чем атрибуты нашей взрослой жизни. Пусть дом наш станет по-настоящему нашим общим домом, комфортным как для взрослых, так и для малыша.

7. Чистота, уют, домашний порядок. Даже если мы до появления ребенка не слишком заботились об этом, теперь такая забота необходима. Но здесь нужно избегать крайностей: чтобы чистота и порядок не стали врагами ребенка, когда свободная, творческая жизнь в доме уже невозможна. Не бойтесь нарушить порядок!

Но бойтесь хаоса. Внешний хаос неизбежно приводит к хаосу внутреннему. Неряшливость быта влечет за собой неряшливость отношений, расхлябанность

всей жизни. Невозможность собраться, сконцентрироваться, бессмысленная трата времени на поиски потерянного чепчика или варежки... Все это — плохие уроки для нашего малыша.

Многим родителям здесь видится альтернатива: или идеальный порядок — или бедлам. На самом деле приходится искать золотую середину.

8. Занимаясь домашней работой, не будем говорить малышу: отстань или поиграй, пока я стираю (мою посуду, готовлю). Если малыш хочет принять участие, будем делать все вместе, даже если это для нас труднее. Пусть привыкает к делу, когда оно ему в радость, а не тогда, когда мы начнем вменять ему дело в обязанность. Не будем упрекать малыша за недоделки, не будем переделывать сделанное неудачно. Будем радоваться его участию, подбадривать его и приветствовать старания.

9. Вовлекать в [illegible] с малышом старших детей. Не вменяя им [illegible] ребенком в обязанность, помочь им увидеть, что с малышом интересно.

10. Создавая малышу определенные условия жизни, будем следить за тем, чтобы внешнее окружение не главенствовало над душевным теплом. Покупать любовь ребенка игрушками, лакомствами и вседозволенностью — проигрышное дело. Рано или поздно он почувствует подмену и будет стремиться из дома — прочь, к живым чувствам и отношениям. Но совсем плохо, если не будет даже этого, если он примет правила игры. Это будет ваш общий проигрыш.

1. Создавать вокруг ребенка поле возможностей, не только соответствующих его сегодняшнему уровню развития, но и опережающих.

2. Помогать малышу удовлетворять любознательность. Это не всегда для нас просто, но это помощь в самой важной его работе.

3. Жить в готовности отвечать на все вопросы, не откладывая ответы на «потом, когда будешь большой». Если сознание ребенка заинтриговано явлением или

предметом, значит, оно уже готово воспринять информацию о нем. И если момент упущен, вспыхнувший интерес может угаснуть, и малыш будет потом усваивать знание без прежнего интереса, а может и вовсе остаться равнодушным.

Помнить, что ребенок не задает глупых вопросов. Когда вопрос звучит для нас невразумительно, значит, малыш не сумел выразить свою мысль. Нужно помогать ему, учить задавать вопросы.

4. По возможности открывать малышу глаза на многообразие жизни, не ограничиваясь какой-то одной стороной, не «специализируя» его на определенном занятии. Мы не имеем права замыкать его способности в узком русле. В раннем возрасте необходимо все время расширять и углублять видение мира, высвобождать таланты и способности, закладывать основы свободы выбора.

5. Давать ребенку свободу выбора — чем заняться, во что поиграть. Не навязывать ему во что бы то ни стало те занятия, которые выбираем для него мы сами. Мы можем считать, что ему необходимо уметь играть в мяч или научиться кататься на велосипеде, а ему это может оказаться не по вкусу. Будем уважать выбор или протест ребенка, не станем раздражаться и укорять малыша за то, что он «не такой, как все».

Родителям необходимо мужество, чтобы отказаться от стандартизации своего ребенка (стандартный ребенок удобнее). Одним необходимо терпение, чтобы помочь раскрыться ребенку, способности которого кажутся заурядными, другим — чтобы не сдерживать бурное развитие ярко одаренного малыша. За ребенком же остается право и на то, чтобы быть вундеркиндом, и на то, чтобы не быть им.

6. Через похвалу и ласку возбуждать в ребенке подходящие ему качества. Девочке почаще говорить, что она обаятельна, заботлива и ласкова. Мальчику — что он ловок, смел и надежен.

7. Приучать малыша (а для этого, если надо, приучаться самому) к творческому отношению к любой работе. Самые заурядные дела можно делать празднично, и малыш должен это видеть.

8. Признавать за ребенком возможность посильного участия в любом деле, которым заняты родители. Само ощущение соучастия не менее важно, чем те маленькие навыки, которые развиваются при этом. Но и всякий навык делает свое дело.

Сделать самому для взрослого проще. Сделать вместе с ребенком — важнее.

9. Дать малышу достаточное время, чтобы освоить как следует любое новое достижение, требующее поначалу особых усилий и удающееся не каждый раз. Не будем спешить превратить обретенное им умение в обязанность.

Малыш научился сам одевать кофточку. Не надо торопиться закрепить за ним эту процедуру. Он научился, но ему это пока трудно и непривычно. Восхитимся его успехом и не будем приказывать одеваться самому или упрекать в том, что ему непросто регулярно повторять свой маленький подвиг.

Трудно провести грань между игрой и любым из занятий, сосредоточивающим ребенка на том или ином виде творческой деятельности. Для малыша все — игра, все — творчество. На языке игры мы можем научить ребенка практически всему, можем сообщать ему знания и прививать навыки. Будем учиться у него этому языку. Постараемся дать ему свободу игры, этой важнейшей для малыша жизнедеятельности, даже если это сопряжено с некоторыми неудобствами нашей взрослой жизни. Если мы назовем игру помощью или работой, пусть она остается свободной и радостной для малыша. Мы будем учиться увлекать ребенка и будем стараться не мешать естественной детской увлеченности.

1. Для малыша, погруженного на первых порах в созерцание, необычайно важны молчаливые домашние рассказчики: картины на стенах, предметы на столах и полках, географические карты, фотографии, комнатные цветы...

2. Музыка. Пусть ее будет побольше. Негромкой, неназойливой, мелодичной. Пусть малыш живет под музыку, пусть узнает ее, пусть подружится с той пластинкой, которая пришлась ему по душе. Не будем заглушать детскую восприимчивость к мелодии и ритму скучной тишиной или телерадиошумом.

3. Пойте малышу. Даже если у вас нет музыкального слуха и голоса, это вам простится. Колыбельная песня, песенка-игра или песня, помогающая топать по дороге, — это ниточки, связывающие нас с малышом особым образом. Это переживание для нас и для ребенка.

4. Читайте вслух стихи. Любые, не обязательно детские. В стихах тоже есть мелодия и ритм, пусть они поют ребенку о человеческом мире.

5. Танцуйте с малышом. Пока он не умеет ходить, мы можем с ним покружиться под музыку по комнате. А когда подрастет — будем давать ему случай и возможность танцевать самому, с нами и одному, если захочет. Музыка, соединенная с движением, радует и развивает.

6. Игрушки. Не нужно заваливать ими ребенка. Можно какие-то игрушки на время убирать, потом они будут восприниматься малышом по-новому. Игрушки, побуждающие к деятельности, к творчеству, лучше прочих — если нравятся малышу. Не мешайте ребенку общаться со своими игрушками, как он захочет. Даже когда он портит, разбирает, ломает их, он делает свое важное дело.

7. Пусть малыш рисует. Дайте ему цветные карандаши, мелки, краски и место для рисования. Не учите его рисовать, пусть фантазирует по-своему, как может и как хочет.

Пусть малыш лепит. Может быть, лучше детского пластилина самая обычная глина, накопанная во дворе, лишь бы она лепилась. Если глину растворить в воде, процедить сквозь сито и дать отстояться, сливая воду, у вас с малышом будет чудеснейший материал для воплощения фантазий.

8. Конструкторы, кубики, строительные наборы. Они могут быть самыми разными. Их можно покупать

в магазинах, а можно изобретать и делать самим. И не печалиться, если малыш не сразу оценил новый материал. Пусть подождет своего часа. Рано или поздно пригодится.

И будем бережны к тем хрупким сооружениям, которые выросли под руками малыша. Если свежевыстроенная башня мешает нам ходить, наберемся терпения, постараемся ее обходить день, два или три. Может быть, наберемся самоотверженности и на неделю. У малыша свои века и эпохи, они куда скоротечнее наших.

9. Мы разглядываем с малышом картинки, рассказываем про то, что на них изображено. И постепенно вовлекаем в это малыша. Он становится нашим соавтором, а потом и [illegible] рассказчиком. Позже мы перейдем к [illegible] сказок и историй — может быть, уже к [illegible] картинок.

У нас могут оказаться не только картинки, но и любая игрушка. Стоит [illegible] чуть-чуть помочь ей пошевелиться, сказать за нее несколько слов. Когда к нам присоединится малыш, мы можем разыгрывать уже целые сценки.

10. Когда можно учить ребенка читать? Если через игру, без принуждения, то как угодно рано. Пусть учится, если ему это интересно, узнавать буквы, слоги и слова. Пусть играет ими во всяких видах, осваивает их и пробует применить в дело.

Овладение родным языком — бескрайняя область. Легко придумать языковые игры: искать слова на одну букву, составлять маленькие слова из букв большого слова, да и просто рифмовать слова друг с другом. Хорошо, если малышу нравится запоминать стихи наизусть, это развивает и речь и память. Пусть запоминает и узнает поэтов. Все на пользу.

11. Если мы знаем иностранный язык, то вполне можем попробовать приучить к нему ребенка в том начальном возрасте, когда филологический багаж усваивается легко и играючи.

12. Цифры, счет, арифметика. Еще одна область, которой можно в раннем возрасте заниматься понемногу, играючи, избавляя малыша от скучных спе-

циальных занятий годы спустя.

Нам помогут часы, помогут календарь и термометр.

13. Будем особенно внимательны к развивающим играм. К играм, приучающим думать, побуждающим малыша активно пользоваться своими внутренними богатствами. Начиная с обычной детской пирамидки, мы даем ребенку особый материал для игры. Простые (а позже и сложные) головоломки, музыкальные инструменты, позволяющие легко извлекать звуки, игрушки, предназначенные для овладения формой и цветом, развивающие пространственное воображение и изобретательность. Что интересного предложим мы здесь малышу? Это зависит уже от нашей изобретательности. От нашей готовности читать книги о детском развитии, бегать по магазинам игрушек и мастерить самим то, что не удалось найти в готовом виде.

14. Природа — великий учитель, к которому мы каждый день можем обращаться вместе с нашим ребенком. Мы научимся узнавать по именам деревья, цветы и другие растения. Мы будем знакомиться с собаками, кошками и [illegible]. Будем всматриваться в жуков, муравьев, [illegible] и бабочек. Мы не раз выберемся в зоопарк.

Деревья — естественное место детских игр. Рано или поздно ребенок научится лазить по ним. Может быть, лучше рано с нашей помощью, с подстраховкой, чем позже — без нас? Приучить его дружить с деревьями, любить их, радоваться им, и уж конечно, не вредить их существованию.

Пусть малыш чаще играет у воды. Песок, воздух, вода, движение, купание или плескание, солнце или тень — могут ли быть лучше условия для игры?! Будем приучать малыша к плаванию, к дружбе с водной стихией.

15. Детская площадка: домики, качели, карусели, горки, турники, лесенки — да и все, что позволяет карабкаться, прыгать, висеть, качаться, осваивать трехмерное пространство. Место, где нельзя одергивать малыша. Можно быть начеку, подстраховывая его. Можно помочь ему там, где ему пока не хватает собст-

венных сил и ловкости. Можно оживить все игрой, создавая ситуации, в которых сил и ловкости прибавляется, и наш малыш превосходит сам себя.

Песочница — классика ранних детских игр. Куча песка, открывающая безграничный изменчивый мир, одухотворяемый ребенком. Позаботимся о том, чтобы создать песчаный уголок там, где его не оказалось, будь то двор городского дома, деревенского или дачного. Заглянем к малышу, сидящему в песочнице, «отведаем» его куличиков, восхитимся строительным шедевром.

16. У нас множество возможных помощников по затеиванию физически полезных игр с ребенком. Мячи и мячики, бадминтон, санки (а позже лыжи и коньки), гимнастический обруч, скакалка, кегли...

17. Соревнование — это тоже игра. Игра, в которой ребенку с[illegible] посильным то, что казалось невозможным. С[illegible]ование в чем угодно: в количестве приседаний [illegible] скорости уборки игрушек, в сложении чисел и [illegible] рассказывании куклам сказок. Соревнование с [illegible], с нами, с самим собой (вполне можно завести свою таблицу рекордов).

Вместе с тем соревнование, наверное, одна из самых опасных игр. Будем осторожны с нею! Игра, способная разжигать самолюбие и тщеславие, требует особой подстраховки, особого внимания с нашей стороны.

18. Позволим ребенку осваивать хозяйственные предметы (посуду, одежду и многое другое) на свой манер. Дадим ему возможность поиграть с ними, привыкнуть к ним. Когда он научится управляться с ними, ему будет легче понять их взрослое назначение.

19. Обращение с бытовыми приборами не должно быть чисто взрослой привилегией. Поделимся своими игрушками с малышом. Он сам сумеет нажать на кнопку магнитофона. Позже сам поставит пластинку на проигрыватель. Он научится крутить диафильм в фильмоскопе. А когда научится стучать пальчиком по клавишам пишущей машинки — что может быть лучше для усвоения букв! Какая бы интересная вещь ни завелась

у нас в доме, подпустим к ней и ребенка, присматривая за ним.

20. Проще всего попрятать от ребенка опасные инструменты (а какие из них можно считать не опасными?). Сложнее, но полезнее познакомить его с молотком и с отверткой, с гвоздями, винтами и гайками. Даже ножницы и нож — при нашем сосредоточенном внимании — могут быть укрощены и перестать быть врагами.

21. Подметание пола может стать чудесной игрой — и когда с годами эта процедура станет дежурной обязанностью, в ней все же останется что-то приятное, напоминающее о детстве. В радость может быть обращено и пользование половой тряпкой, и стирание пыли. Уборка игрушек и вещей. Поливка цветов. Мытье и вытирание посуды.

Стирка своих вещичек: если захочется, если интересно. Участие в приготовлении еды: если захотелось покрутить ручку мясорубки, если захотелось натереть яблоко на пластмассовой терке. А как увлекательно взбивать и смешивать! Неужели нам помешает неуклюжий поначалу энтузиазм малыша?..

Когда мы принесли из магазина сумку с продуктами, кому как не ребенку взяться разобрать то, что сможет? Выложить на стол, а позже и научиться раскладывать все по местам, в шкаф и в холодильник.

22. Возможность общения малыша с ровесниками во многом зависит от нас. Будем пробовать помочь ему в этом, не становясь излишне назойливыми, оставляя за ним выбор, которым мы располагаем во взрослой жизни: стремиться к общению или избегать его.

Мы можем принять участие в организации не только «комнатного» общения детей, но и уличного, дворового. Правда, нужно набраться решимости, чтобы взять на себя хлопоты общения с детворой. В любом дворе дети затевают свои игры, набор которых не так уж велик. Мы можем внести свою лепту в дворовые традиции, вспомнив свое детство или покопавшись в книжках, описывающих подвижные игры. Пусть ребята попробуют играть в салочки, прятки, жмурки, вышибалы, в штандер, в царя горы...

23. Члены нашей семьи — разные люди. Наша родительская задача — помочь им не быть одинаково умилительными (у-тю-тю), вступая в общение с малышом. Помочь каждому из них найти свой способ, свою особенность контакта.

24. Самые лучшие игры изобретают для себя сами дети. И если они нашли в своей игре роль для нас, это большая честь. Постараемся быть достойными ее, не прятаться в дела и в хозяйственные заботы. Ведь то, что нам предлагают, важнее всего: общение с ребенком в его мире, на его языке. Будем покупателями в его магазине, пациентами в его поликлинике, клиентами в его парикмахерской... Разумеется, в мире детской игры мы окажемся довольно неуклюжими и бестолковыми, но ничего, наш наставник поможет нам.

[illegible]

1. Не бить ребенка! Если вдруг не получилось удержаться, если наша большая и сильная рука шлепнула в раздражении по маленькой ручке, не привыкать к этому, не нашептывать себе оправдания.

Мы можем сорваться по тысяче причин. Вокруг нас множество источников стресса, хорошо защищенных от противодействия. Огромный соблазн — разрядиться на существе беззащитном. Соблазн, которому никак нельзя поддаваться.

2. Не лгать ребенку! Ни в крупном, ни по мелочам. Малыш, хоть по природе и доверчив, но очень чуток на правду и ложь. Завоевать его уважение и доверие — трудно, утратить — легко. Не подвергайте свои отношения с ребенком этому страшному и, по сути, бессмысленному испытанию.

Но если атмосфера дома пропитана ложью, если соврать по любому поводу в вашей семье не считается большим грехом, — трудно ждать, чтобы в такой обстановке малыш рос честным и искренним человеком.

3. Не запугивать малыша. Не подсовывать ему вместо дружественного и открытого мира — мир ощети-

кившийся и враждебный.

Не разочаровывать ребенка в жизни, даже если мы сами склонны к пессимистическому мировосприятию. Не дышать на детскую душу холодом и пустотой. Пусть она не будет подобна бледным и слабым растениям, проросшим в темноте, без солнечного света.

4. Не назидать. Занудные нотации, «растачивание мозгов» — самое беспомощное оружие воспитателя. Даже если мы добиваемся своего, плоские назидания въедаются в сознание, способствуя его примитивизации.

5. Не применять к ребенку насилия, даже если оно носит характер заботы. Не заставлять есть, если у ребенка сегодня нет аппетита; не укладывать окриком в постель, если он сегодня бодр и ему не спится. Это преступление перед ребенком: «заботясь» о нем, доводить его до слез, до истерики... Даже если при этом вам и удалось влить в малыша лишнюю ложку супа и если, утомившись от слез, он все же уснул, — ни сон, ни еда не оправдают тот урон, который причинили детской душе ваши крики, угрозы и шлепки.

6. Не считать малыша виноватым. Виноваты всегда мы, не сумевшие до него что-то донести, чему-то его научить, правильно сориентировать.

7. Не ограничивать понапрасну. Следить за каждым своим запретом — нужен ли он, не попробовать ли обойтись без него? Запреты облегчают нам жизнь, но вместе с тем что-то гасят в ребенке. Не обращаться к малышу с механическим «нельзя», пусть он привыкает к осмысленности границ поведения.

8. Не бояться активности ребенка, не удерживать его в том, что ему интересно, что ему в радость.

Не бранить за порванную или испачканную одежду. Пусть одежда малыша будет проста, удобна и недорога. Недопустимо делать малыша заложником дорогих фирменных вещей, ставя их целостность выше естественных потребностей малыша в движении, в исследовании мира, в простой детской шалости.

9. Не причитать над ребенком, если он упал, ушибся, поранился. Но и не бранить его за неловкость, не осыпать угрозами, что «больше не пустим» (на горку,

турник и т. п.). Облегчим малышу боль, посочувствуем, утешим, ободрим, ласково улыбнемся. Будем вместе с малышом учиться терпению и мужеству.

10. Не сюсюкать с ребенком, не потакать ему, не играть с ним в детство, а жить настоящей жизнью. Да, ребенок познает мир прежде всего через игру, но игра эта должна быть игрой в правду, а не в притворство и ложь.

11. Ни в шутку ни всерьез не говорить ребенку: я тебя не люблю, я сейчас тебя брошу, обменяю на другого ребенка, отдам милиционеру. Отсюда могут зародиться в человеке внутренние зажимы и комплексы.

Не попрекать малыша тем, что мы для него делаем. Не упрекать его в неблагодарности. Любовь — не предмет рыночного взаимообмена.

12. Не привлекать ребенка для разрешения семейных конфликтов. Не требовать от него: «Скажи, кто из нас прав, мама или папа?» Подобные вопросы травмируют детскую душу, повергают ее в смятение и отчаяние. А такие сцены, если они повторяются часто, неизбежно учат ребенка лицемерной науке приспосабливания.

13. Не демонстрировать ребенка окружающим. Не делать из него куклу для показа нарядной одежды. Не заставлять его повторять «на публику» удачно сказанные словечки. Не захваливать. Не превозносить над другими детьми. Все это исподволь развращает детскую душу.

14. Не потешаться над малышом и не выставлять его на посмешище. Особенно если малыш толстоват, неуклюж и не очень хорош собой. Полагая, что своими насмешками мы учим ребенка чувству юмора и самоиронии, мы на самом деле, сами того не желая, растим в нем обидчивого, недоверчивого, неуверенного в себе человека, которому будет очень трудно в жизни. Ему уже трудно.

15. Не бранить ребенка и не выяснять с ним отношения во время его болезни. (Даже если причиной болезни стало его непослушание). От наших упреков больной ребенок себя чувствует вдвойне несчастным

и угнетенным. При таком настроении даже банальная простуда может протекать тяжело.

Помнить: есть дети, болеющие часто и подолгу не от физической слабости, а от недолюбленности. От того, что им скучно и безрадостно живется. От перегруженности занятиями. От страха перед наказаниями. От семейных ссор. От того, что родители им достались нудные, лишенные чувства юмора люди.

Помнить: здоровье ребенка зависит от морального здоровья семьи. От того, умеют ли члены семьи улыбаться и радоваться друг другу — и своему малышу.

16. Не вешать на малыша отрицательные ярлыки, ни в коем случае не говорить: ты лентяй, ты злой, ты врунишка. Наоборот, беречь его от нападок со стороны. Если он испугался съехать с горки на детской площадке и кто-то поспешил назвать его трусишкой, мы скажем, что это неправда, что наш малыш сегодня просто не в настроении.

17. Не превращать общение с ребенком в отбывание родительской повинности. Необходимо поддерживать в себе живой интерес к интересам малыша, как бы ни было это порою трудно по обстоятельствам нашей взрослой жизни.

Не будем нарушать данных ребенку обещаний, даже когда изменяются обстоятельства. Если мы пообещали ему пойти в парк, но полил дождь, не будем отменять прогулку. Наша родительская надежность важнее промокших ног, если малыш все же потянет нас выполнять обещание.

18. Не сосредотачиваться на себе, на своих взрослых ценностях. Детство грандиознее взрослой жизни. Скорее не мы, родители, даны детям для наставления их на путь истинный, а дети наши даны нам для очищения и просветления нашей души. Наше дело — помогая малышу входить в жизнь, не упустить этот свой шанс.

ЗАГЛЯНИ В ДЕТСТВО

(из родительского дневника)

* * *

Два года три месяца. Дочка раздевается перед сном. Хочу сложить ее одежду, не дает: «Сама сложу».

Начинает «складывать», комкает каждую вещь самым невообразимым способом. Подбадриваю ее, с трудом сдерживая смех. Закончив, она с удовлетворением оглядывает полученные комки — и вдруг снова растрепывает их, пододвигает ко мне:

— Ну-ка, теперь папа сложи..

* * *

— Чего это там на улице мальчик плачет?
— Не знаю.
— Чего это мы с тобой ничего не знаем?..

* * *

Два года одиннадцать месяцев. Раскладывает на полу ореховые скорлупки.

— Это грибы, грибы всюду растут.
— Вот ты наступишь на них и раздавишь.
— И будут ма-а-а-ленькие грибочки!..

* * *

Три года. Строит в коридоре дорожку из больших пластмассовых кубиков. Я посматриваю на нее из комнаты. Дочку это чем-то не устраивает.

— Можно я твою дверь закрою?
— Закрой, если надо.
— Надо, надо.

Через некоторое время зовет:

— Посмотри, какую я дорогу построила.

Выхожу посмотреть и замечаю, что кубики как-то странно промяты.

— Это твои следы? Ты по этой дорожке гуляешь?

— Да...

— Это ты поэтому дверь закрывала?

— Да, а здесь можно упасть и сломать ручки, и ножки, и глазки...

Ах, она не хотела меня волновать!..

* * *

Три года два месяца. В кабинете врача. Дочка берет куклу и кукольным тоном обращается за нее к врачу:

— Тетя доктор, полечи меня, пожалуйста.

Врач вступает в игру:

— А что у тебя болит, куколка?

— Горлышко.

— А укол тебе можно сделать?

Пауза. Эти взрослые народ известный. Сначала кукле, а потом... Придумала:

— Да! Я игрушка, поэтому можно.

* * *

Три года четыре месяца. Читаю вслух «Маленького Принца» Сент-Экзюпери. Разглядываем картинки. Уговариваю разглядеть барашка в ящичке. Дочка честно старается, заглядывает в дырочки, но безуспешно. Я ее подзадориваю:

— Как же так, ведь Маленький Принц увидел там барашка, а ты не можешь.

В ответ она показывает на изображение Маленького Принца.

— Вот когда мы здесь тоже будем нарисованы, и мы увидим барашка.

* * *

Рассказывает про девочку, которая сделала что-то нехорошее, и оптимистически заключает:

— Но она больше так не будет делать.
— Она что, сама это сказала?
Нерешительно:
— Да-а-а... Она сказала... Только так тихо, что я даже не услышала.

* * *

— Скажи-ка правильно: я пошла гулять.
— Я пошла... пойду гулять.
— Нет, еще разик повтори: пошла.
— Я пойду-ла гулять.

* * *

Три года восемь месяцев. Утром слезает босиком на нагретый солнцем пол.
— Ой, пол какой горячий!
— Это от солнышка.
— А ты почувствуй ногами, почувствуй!..

* * *

Все неточности в рисунках дочка решает не исправлением деталей, а комментариями к тому, что получилось. Показывает очередной листок:
— Это комната.
— А где же дверь?
— Она сломалась.
— А окна?
— Тоже сломались.
— А стены, потолок?
— Все-все там сломалось!..

* * *

Четыре года. Дочке непременно хочется в комнату, где спит ее братец, недавно появившийся на свет, чтобы еще раз им полюбоваться. Просит:
— Мне нужно в ту комнату.
— Зачем?

— Мне нужно там что-то сделать.
— А что?
— Одну вещь.
— Какую?
— Любую.

* * *

— А я принцесса.
— Да нет, дочка, у тебя происхождение не королевское.
— Почему не королевское?
— Ну я же не король.
— А я из другой сказки!
И я уже спохватился, и хочется взять назад свое отречение. Хочу в ту же сказку!..

* * *

Сыну два года пять месяцев.
— Ты где поцарапался?
— На улице.
— Чем?
— Дорогой.

* * *

Сестрица братцу:
— Ты еще маленький.
Братец:
— Я уже большой. У меня большие коленки, поэтому я большой.

* * *

Сыну три года. Из стиральной машины пролилась вода, и он бросается на помощь. Трет пол тряпкой и приговаривает:
— Я мою лужу... Я мою лужу, потому что она мокрая...

* * *

Уже два часа подряд ребята играют в комнате, не высовываясь. Весело играют, дружно. Заглядываю к ним.

— Во что это вы так хорошо играете?

Дочка отвечает с нежной улыбкой:

— В людоедов.

* * *

Сестрица и братец поссорились. Сажаю их на диванчик возле своего стола, и через пять минут они уже всячески подчеркивают, как обожают друг друга, чтобы снова идти играть. Отпускаю их с напутствием:

— В общем, учтите, дорогие: будут ссоры — будет наказание.

Дочка оборачивается в дверях и диалектически замечает:

— А будут наказания — будут ссоры...

* * *

Дочке семь лет четыре месяца, сыну три года пять месяцев. Укладываю их спать. Унимаю братца:

— Ну-ну, не надо так озорничать.

Сестрица, мечтательно:

— Да... Озорничать нужно совсем по-другому...

* * *

— Ну, сынок, прочти, что здесь написано.

— Не могу... А ты ведь вот так читаешь. — На секунду сжимает губы в знак молчания. — Так я тоже могу.

* * *

Сидит один, листает том энциклопедии и приговаривает:

— Это не моя планета... Это не моя планета... А вот моя планета!..

* * *

Вышли с сыном во двор: учу его кататься на велосипеде. У меня мало времени, поэтому мы сразу договорились — только на полчаса. Иду, придерживая велосипед за седло. Сын крутит педали и приговаривает:

— А время идет... И ты идешь... Ты и время идете, а я еду...

* * *

- Было у меня не было мяча, а потом будет есть.
- Что это у меня голова такая глупая? Кто же там живет, у меня в голове?
- У, сколько грибов! Это вы навсегда собрали?
- Слушаюсь. Ваше Отечество!..
- Погода еще просто маленькая. Вот она и озорничает: то дождик, то солнышко.
- Я уже две пословицы знаю: «Кончил дело — гуляй смело» и «Уходя, гасите свет».
- Я есть хочу. Я никогда в жизни еще не ел!
- А почему собаки бывают дворняжки, а цыплята нет?
- Я быстро умоюсь, за одну минутку, за быструю минутку, а не за медленную.
- Ну, я пошел не терять время!
- Не хочу гулять. Это развлекание, а я не развлекаться хочу, а играть.
- Пап, а тебе немножко кажется, что я убрался?..

Тамара Алексеевна Александрова

КОЕ-ЧТО О ДЕДУШКАХ
(ИСКУССТВО БЫТЬ ДЕДОМ)

Виктор Гаврилович Кротов

ПЕДАГОГИКА ПЕРВОГО ГОДА

Редактор О. Г. Свердлова
Младший редактор С. В. Осинкина
Художественный редактор П. Л. Храмцов
Художник А. Б. Лебедев
Технические редакторы Т. Н. Захаренкова, О. А. Найденова
Корректор Е. К. Шарикова

ИБ № 10342

Сдано в набор 28.09.89. Подписано к печати 01.12.89. Формат бумаги 70×100$^{1}/_{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура журнально-рубленая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,80. Усл. кр.-отт. 15,92. Уч.-изд. л. 8,78. Тираж 291 797 экз. Заказ 554. Цена 40 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 902401. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати. 170024, Калинин, пр. Ленина, 5.